

уст
491
В. 19

Е. А. Василевская

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ
В
РУССКОМ
ЯЗЫКЕ

Учпедгиз

1962

✓
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(ОЧЕРКИ И НАБЛЮДЕНИЯ)

*Блудоподобиемъ Николаю Владимировичу
Устинову на зѣвку нашего о совершенствѣ
многочисленнѣ работѣ. Автор.
3-й 1962 г.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1962

Настоящая брошюра принадлежит к числу работ,
публикуемых в библиотеке «Вопросы советского языкознания».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. К проблеме сложного слова (на материале письмен- ных памятников XV—XVII столетий)	10
Глава 2. Национальное своеобразие словосложения	37
Глава 3. Словосочетание и словосложение	59
Глава 4. Традиции и новаторство в области словосложения	86
Основная литература	125
Словари	131

95.
491
В.19

5013 90
64

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Гос. Публ. Науч.-Техн.
Библиотеки

Евгения Алексеевна Василевская

СВЕРЯНО
1973 г.

СЛОВСОСЛОЖЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Редактор Г. В. Каряк,
Художественный редактор Б. М. Кисин,
Технический редактор М. Д. Колесникова,
Корректор Г. М. Грофовский

Сдано в набор 7/IV 1962 г. Подписано к печати 9/VIII 1962 г. 84×108/32.
Печ. л. 8,25 (6,76). Уч.-изд. л. 7. Тираж 33 тыс. экз.

Учпедгиз, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза,
Москва, Ж-54, Валуевая, 28.
Заказ № 2979. Цена 20 коп.

ВВЕДЕНИЕ

Лексический состав языка подвергается изменениям: выходит из употребления устаревшая лексика, которая нередко отлагается в пассивном запасе языка, появляются неологизмы, некоторые слова изменяют свое значение; в процессе исторического развития лексики огромную роль играет и словообразование: префиксация, суффиксация, словосложение, изменения в составе слова в целом.

К. Д. Ушинский в свое время подчеркнул: «В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумах, сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка; так что каждое слово языка, каждая его форма, каждое выражение есть результат мысли и чувства человека, через которые отразилась в слове природа страны и история народа»¹.

Значение слова и его структура исторически изменчивы, что особенно четко можно проследить при изучении процессов словообразования.

В словообразовании следует особо отметить словосложение.

Словосложение — одна из тех областей русского и общего языкознания, в которой, как в фокусе, скрещиваются, взаимодействуют и развиваются словосочетания, собственно, словосложение и словопроизводство.

Проблеме изучения сложных слов до настоящего времени не уделялось достаточного внимания в средней школе. Отчасти это объясняется неразработанностью самого вопроса в общем и частном языкознании, что нашло свое отражение и в программах и учебниках, отчасти недо-

¹ К. Д. Ушинский, Избранные педагогические сочинения, т. 2, М., 1939, стр. 12.

статочным ознакомлением учителей русского языка с вопросами словосложения, а между тем и в устной и письменной речи учащихся мы наблюдаем частые ошибки, связанные с непониманием структуры сложного слова. Изучение словосложения стимулирует и поднятие культуры речи учащихся, так как сложные слова — очень сжатый и экономный способ словообразования — широко употребительны в бытовой, художественно-литературной речи, в терминологической лексике.

Словосложение является одним из древнейших процессов развития языка. Так, например, в эпоху XVII столетия был образован город *Пятиизбский* (1658 г.). Это сложное слово, возникшее в глубокой древности и зафиксированное в списке русских городов К.А.Неволиным¹, стало моделью для словообразования некоторых слов и в современном русском языке. При этом одни сложные слова, возникшие в глубокой древности, дошли до наших дней, другие претерпели существенные изменения в структурном и семантическом отношении, третьи стали образцами, моделями для образования новых слов. Так, например, возникло название города *Пятихатки*.

В газете «Известия» от 13 апреля 1960 г. помещена статья Б. Ольговской и Я. Садовского «Придут ли *Пятихатки* к коммунизму», в которой рисуются достижения нашего социалистического строительства и параллельно описывается, как возникло это сложное слово: «Давным-давно забыто место, где белели в вишневых садах *пять* красивых украинских *хаток* у строящейся железной дороги, а название *Пятихатки* так и осталось. И носит его небольшой степной городок с ровными, как натянутый шнур, улицами, обсаженными зеленью, с двухэтажными каменными зданиями и шумной железнодорожной станцией».

Так, по модели, возникшей в глубокой древности, остатки которой имеются и в прилагательном *пятихатский*, возникают сложные слова на более поздних стадиях развития языка.

Сложное слово не возникает единично, а создается целая серия слов. В статье, о которой шла речь, находится ряд композитов этой серии: *пятихатский поло-*

¹ К. А. Неволин, Полное собрание сочинений, т. 6, Спб., 1859, стр. 78 и далее.

жительный пример»; или *пятихатский райком*; или *пятихатские достижения*; или «теперь у *Пятихаток* беспокойный сосед. Ставят его в пример, хотя бы и *пятихатцам*; приезжает председатель *пятихатского* колхоза»; *пятихатские села*» (курсив везде мой. — Е. В.).

Итак, мы видим, как при словосложении в ряде случаев возникает целая цепь сложных слов: существительных, прилагательных, иногда и наречий.

Сложные слова образуются в языке двумя основными путями (если оставить в стороне такие явления, как заимствования): а) по моделям, имеющимся в языке, и б) из словосочетаний. Причем при анализе сосуществования языковых явлений в одну эпоху (в синхронном плане) зачастую очень трудно решить, какие сложные слова создались по образцам моделей языка и какие возникли из словосочетаний.

Только прослеживание исторической последовательности развития языковых явлений (диахронный метод) при исследовании позволяет нам наметить пути создания сложных слов и по моделям и из словосочетаний. А ведь словосложение — один из тех факторов, который способствует обогащению языка в словарном и грамматическом отношении. В книге поставлена задача раскрыть некоторые закономерности исторического образования сложных слов, выделить их продуктивные и непродуктивные типы, дать их классификацию, определить взаимодействие сложений и так называемых «сращений». Кроме того, в работе поставлен вопрос о порядке следования компонентов внутри сложного слова и о функционировании сложных слов в разных стилях языка: в бытовом, художественно-литературном, научном и др.

В. Н. Троицкий в свое время отметил, что «раскрыть механику построения слов (это живой, постоянно действующий в языке процесс), описать существующие словообразовательные типы и приемы создания по ним новых слов, исследовать, какие из этих типов, шаблонов (мы бы сказали моделей. — Е. В.) являются живыми, т. е. такими, по аналогии с которыми и сейчас строятся новые слова, а какие мертвые, т. е. перестали уже служить образцами для построения слов, показать, как в отдельных случаях происходят изменения, переразложение в основах слов и как отсюда появляются новые морфемы и новые способы образования новых слов, выяснить, как и когда словосо-

четания... превращаются в слова, а также, по каким путям идут семантические сдвиги в словах, обычно приводящие в конечном счете к новым словам. Вот важнейшие вопросы, которые включает в себя обширная область словообразования»¹.

В данной работе исследуются также типы сложных слов, история их образования, их структура и семантика, анализируются различные этапы развития словосложения на материале письменных памятников разных жанров.

Материалами для исследования являются картотека Словаря древнерусского языка, хранящаяся в Институте русского языка АН СССР (в дальнейшем для краткости обозначена КДС), теоретические труды по словосложению и словари: исторические, этимологические, областные, толковые и словари современного русского литературного языка.

Словосложение, как отмечено, беспрестанно пополняет лексический запас современного русского языка во всех областях: бытовой, художественно-литературной речи; особенно активно идет проникновение сложных слов в сферу общественно-публицистической и научной речи. Так, например, в технической и научной терминологии мы часто встречаем слова-гибриды, основы которых восходят зачастую к разным языкам. Например, в слове *радиовещание* первый компонент *radio* заимствован из латинского языка, второй компонент *вещание* восходит к старославянскому языку. Слово *радио* (от латинского *radio* — излучаю, испускаю лучи) как термин в применении к электромагнитным колебаниям был впервые введен в 1890 году французским ученым Э. Бранли. Это слово, возникшее совсем недавно, вошло в состав огромного количества сложных слов, т. е. словосложений, например: *радиоактивный, радиоактивность, радиоэлементы, радиоаппаратная, радиоастрономия, радиогидроаэронавигация, радиобюро, радиовещание, радиоволноводы, радиоволны, радиовысотмер, радиогидрометрические станции, радиодом, радиозвезды, радиозона, радиоинтерферометр, радиокиноустановка, радиокомментарий, радиокомпаратор, радиокомпас, радиолокатор, радиолокационный,*

*радиолокация, радиолог, радиолюбительство, радиолырический ил, радиолярия, радиолярит, радиомаскировка, радиомаяк, радиометеорограф, радиометеорология, радиометр, радиометрический, радиомонтаж, радионавигация, радионаправление, радиооператор, радиопеленгатор, радиопеленг, радиопередача, радиоперехват, радиопомехи, радиоприем, радиоприемник, радиопроводный, радиопрогнозы, радиопромышленность, радиопоразведка, радиорелейный, радиосвязь, радиоспектроскопия, радиостанция, радиотелеграф, радиотелеграфия, радиотелеизмерения, радиотелемеханика, радиотелеуправление, радиотелефон, радиотелефония, радиотехника, радиотрансляционный, радиоузел, радиоуправление, радиисфарфор, радиофизики, радиофикация, радиофототелеграф, радиохимия, радиоцентр, радиочастоты, радиоэлектроника, радиоэхо и др.*¹.

В Большой Советской Энциклопедии, рассчитанной на массового читателя, мы находим свыше 75 сложных слов, первым компонентом которых является слово *радио*, первые зарегистрированное, как указывалось выше, только в 1890 году. Конечно, в специальном терминологическом словаре таких слов будет значительно больше. Это наглядно показывает рост и значение словосложения в современной науке, свидетельствует о том, что изучение законов словообразования, семантики и структуры сложных слов имеет огромное теоретическое и практическое значение в современном языкознании.

Особую актуальность и популярность в последнее время приобрели термины *космос* и сложные слова: *космонавт, космодром*. Так, например, в газете «Известия» от 14 апреля 1961 г. мы читаем: «*Космодром* (курсив мой. — Е. В.) — это обширное хозяйство, сложное сооружение, обслуживаемое квалифицированным персоналом. Здесь подготавливаются к запуску космические корабли. Отсюда они взмывают в небо, в звездную высь. ...Все это оборудование создано советскими учеными, ин-

¹ А. И. Мельникова в статье «Старые и новые модели имен существительных без соединительных гласных в современном русском языке» в «Ученых записках кафедры русского языка МГПИ имени В. И. Ленина», т. 158, М., 1960, стр. 64, приводя эти примеры, справедливо замечает, что франц. *radio* является сокращением... от... *radiotelephonie*.

¹ В. Н. Троицкий, Основные принципы словообразования, «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института иностранных языков», Л., 1940, т. 1, стр. 304.

женерами, рабочими, нашей социалистической промышленностью».

Итак, слово *космодром* до недавнего времени было специальным термином, но не было широко употребительным. 12 апреля 1961 г. оно зарегистрировано нашей печатью рядом со словами *космонавт*, *космонавтика*, *космический* и др. И когда сыны советского народа Юрий Гагарин и Герман Титов первыми проникли в *космос*, все эти термины сразу же вошли в систему общенародного языка.

В бытовой речи мы находим большое количество сложных слов типа *сенокос*, *ледоход*, *ледокол*, *бурелом*, *снегопад* и др. Многие сложные слова имеют эмоционально-экспрессивный оттенок: *головотяп*, *ротозей*, *тунеядец*, *пустобрех*, *чистоплюй*, *горемыка* и т. д. Они образованы разными путями, в разные исторические эпохи, по разным моделям, но все они придают речи особую выразительность, так как обладают очень яркой экспрессивностью.

В языке художественной литературы сложные слова часто употребляются в заглавиях книг и отдельных произведений, например: *«Буревестник»*, *«Верноподданный»*, *«Знаменосцы»*, *«Ратоборцы»*, *«Крестоносцы»* и другие, что в свою очередь свидетельствует о их семантической, стилистической и экспрессивной выразительности.

Сложные слова могут быть использованы и как средства художественной изобразительности и в поэтической речи. Например, у поэта А. А. Прокофьева:

Ты лазурью наполнен —
С нею ты молодой.
Синевольный до молний,
А с ними — седой ¹.

Или у В. В. Маяковского:

У народа,
у языкотворца,
умер
звонкий
забулдыга подмастерье ².

¹ Александр Прокофьев, Байкал, «Литература и жизнь», 9 сентября 1960.

² В. В. Маяковский, Полное собрание сочинений, т. 7, М., 1957.

Или у М. И. Цветаевой:

Певцоубийца
Царь Николай ¹.

Или:

Нет сосны такой прямой
Во зеленом ельнике,
Оттого что мы с тобой —
Одноколыбельники ².

Итак во всех стилях: в поэтической речи, в научном слоге (в терминологической лексике), в бытовой речи — словосложение занимает значительное место.

После аффиксации словосложение является наиболее продуктивным способом словообразования, а если учесть, что между словосочетанием и словосложением, с одной стороны, и словосложением и аффиксацией, с другой стороны, существует генетическая связь, то ясно, что от правильного разрешения коренных вопросов словосложения зависит правильное и глубокое изучение вопросов словообразования, разработка которых необходима для улучшения преподавания русского языка в средней и высшей школе и для дальнейших научных исследований в области русского словообразования.

¹ Марина Цветаева, Избранное, М., 1961, стр. 182.

² Там же, стр. 19.

Глава I

К ПРОБЛЕМЕ СЛОЖНОГО СЛОВА

(на материалах письменных памятников
XV—XVII столетий)

История словосложения в русском языке XV—XVII веков является совершенно неразработанной проблемой.

Выделение хронологических рамок (XV—XVII столетия) обуславливается тем обстоятельством, что в этот период в недрах русской народности особенно интенсивно развивается вся система русского языка, что подготовило переход к более высокой ступени — национальному русскому языку. В этой системе словообразование, и в частности словосложение, играют далеко не последнюю роль.

Словосложение, как уже отмечалось, едва ли не самый древний тип словообразования. Оно является одним из самых богатых способов обогащения языка в словарном и грамматическом отношении. Словообразование показывает пути пополнения лексического состава, пути создания определенных грамматических категорий, так как все вновь созданные слова подводятся под определенные грамматические категории (части речи).

В словообразовании наблюдается двусторонняя связь: с одной стороны — с лексикой и, с другой стороны — с грамматикой. Но словообразование выступает и как самостоятельная дисциплина, хотя ряд крупнейших ученых, начиная с М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, Г. И. Павского, И. И. Срезневского, Ф. Ф. Фортунатова и других, словообразование рассматривали в пределах отдельных частей речи, относя его к морфологии. Другие ученые, как например, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, а в наши дни академик В. В. Виноградов, рассматривают словообразование как особый раздел науки, тесно связанный как с лексикой, так и с грамматикой. В последнее

десятилетие появилось большое количество диссертационных работ, монографий и отдельных статей, подтверждающих выводы о плодотворности изучения словообразования как самостоятельной дисциплины. Все это говорит о том, что словообразование — очень важный отдел языкознания, который следует выделить как отдельную дисциплину.

Существует два основных типа словообразования: словосложение и словопроизводство путем аффиксации, хотя некоторые ученые, например французский исследователь А. Доза, выделяют три типа словообразования: деривацию, префиксацию и словосложение¹. Но в данном вопросе следует поддержать точку зрения Э. Сепира², считающего префиксацию лишь одним из трех типов аффиксации (префиксация, инфикация, суффиксация). Видимо, все эти разновидности можно и должно рассматривать в общем разделе аффиксации. Тесную связь префиксов и суффиксов устанавливает в своей кандидатской диссертации и Г. М. Макеева, которая занималась изучением приставочно-суффиксальных образований прилагательных: «Особенностью прилагательных, образованных приставочно-суффиксальным способом, является то, что они создаются при помощи одновременного присоединения к производящей основе суффикса и соответствующего окончания, с одной стороны, и приставки, с другой стороны»³.

Два основных способа словообразования: 1) словосложение и 2) суффиксальное словопроизводство — генетически тесно связаны между собой. Нельзя в данном случае не согласиться с авторами научной грамматики немецкого языка Л. Р. Зиндером и Т. В. Сокольской, утверждающими, что «...с исторической точки зрения между словообразованием посредством аффиксации и словообразованием посредством словосложения нет принципиального различия; всякий аффикс восходит в конечном счете к самостоятельному слову. Это, разумеется, не означает, что в каждом производном слове... суффикс первоначально

¹ А. Доза, История французского языка, М., 1956, стр. 158.

² Э. Сепир, Язык, Л., 1934, стр. 53.

³ Г. М. Макеева, Приставочно-суффиксальное образование прилагательных (на материале памятников XVII века). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1954, стр. 3.

был самостоятельной частью сложного слова, напротив, в большинстве случаев мы имеем новообразования, в которых суффикс с самого начала играл роль аффикса. Речь идет, следовательно, не о каждом конкретном слове, а о типе образования, а с этой точки зрения образование производных слов генетически всегда является словосложением¹. В памятниках старославянского языка мы наблюдаем параллельные употребления слов, в которых в одном случае употребляется префикс, а в другом — компонент, восходящий к самостоятельно значимому слову (см., например, в Словаре старославянского языка²).

Нередко при грамматикализации одного из компонентов сложного слова наблюдается переход его из знаменательного в служебное. При этом иногда происходит затемнение первоначального значения слова, что приводит к изменению семантики последнего. Так, например, в слове *предыдущий* генетическая связь приставки с существительным *перед-* в XVII столетии в сознании говорящего и слушающего еще четко осознавалась и поэтому слово *предыдущий* употреблялось в значении «идущий впереди», «будущий». Например, протопоп Аввакум, рисуя яркими красками свои злоключения в ссылке, в челобитной царю Алексею Михайловичу пишет: «А что, государь, у меня было изъ Енисѣйска везено с собою в запас хлѣбца на предиудущая лѣта, и тотъ хлѣбъ онъ, Аѳонасей у меня отнялъ после кнутнова биеия»³.

В связи с грамматикализацией приставки и утратой ею конкретной связи с именем существительным *перед* слово *предыдущий* в последующую эпоху стало рассматриваться как «прошедший»; нарушилась временная последовательность — и слово изменило свое значение.

Ясно, что аффиксация отличается от словосложения тем, что один из компонентов лишен полноценного лексического содержания⁴. Но утрата этого лексического содержания является также фактом исторического разви-

тия языка. Еще М. В. Ломоносов указывал, что в языке слова создаются двумя основными путями — путем «производства и сложения»¹. Однако словосложение (основосложение и аффиксальное словообразование), т. е. «производство» (по терминологии Ломоносова), еще недостаточно разграничивается им. Так, М. В. Ломоносов к сложным словам относил и слово *порука* (производное, полученное путем аффиксации) и сложное слово *рукомойник*.

Этой же точки зрения придерживался и А. Х. Востоков, который в один ряд зачислял такие слова, как *обозрю* и *лицезрѣние*². Ф. И. Буслаев, вначале разделявший взгляды М. В. Ломоносова и А. Х. Востокова, т. е. смешивавший основосложение и аффиксацию, впоследствии четко разграничил их. Он писал, что «надобно отличать слова с приставками от настоящих сложных слов: последние состоят из сочетания знаменательных корней»³.

Взгляды Ф. И. Буслаева на новом этапе своеобразно развивает Г. П. Павский, который в рецензии на первое издание грамматики Николая Греча высказывает мысли о том, что приставки, суффиксы и окончания — это «приросты, но отнюдь не корни»⁴. Хотя Ф. И. Буслаев, а затем Г. П. Павский правильно подошли к разрешению проблемы сложного слова, их достижения были забыты, и впоследствии крупнейшие русские ученые (как, например, Ф. Ф. Фортунатов) допускали известные неточности в своей в целом продуманной классификации сложных слов. Например, Ф. Ф. Фортунатов в составе лексики выделял слитные, сложные и составные слова, причем в группе сложных слов, рядом со словом *длиннорукий*, состоящим из двух знаменательных корней, включал и аффиксальные словообразования типа *безрукий*⁵.

Эту же неточность разграничения словопроизводства путем аффиксации, с одной стороны, и словосложения — с другой, мы находим и у В. Ягича, который, анализируя

¹ Л. Р. Зиндер и Т. В. Сокольская, Научная грамматика немецкого языка, Учпедгиз, Л., 1938, стр. 163—164.

² L. Sadnik und R. Aitzetmüller, Handwörterbuch in den altkirchenslavischen Texten, Heidelberg, 1955, стр. 200 и другие.

³ Памятники истории старообрядчества XVII в., изд. АН СССР, Л., 1927, стр. 727—728.

⁴ В. П. Григорьев, Некоторые вопросы теории словосложения, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1955, стр. 9.

¹ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7, АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 409, § 51, стр. 5.

² А. Х. Востоков, Русская грамматика, Спб., 1838, стр. 5.

³ Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, изд. 3, М., 1868, стр. 89.

⁴ Г. П. Павский, К истории русской грамматики. Критические грамматические заметки Г. П. Павского на 1-е изд. «Русской грамматики» Н. Греча, Воронеж, 1887, стр. 15.

⁵ Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение, Спб., 1897—1898, стр. 245.

компози́ты, т. е. сложные слова, «Повести временных лет», ставит в один ряд такие аффиксальные словообразования, как *беззаконие*, *беззаконник*, *бессмертие*, *безумие*, *безбожный*, и такие сложные слова, как *благовонный*, *благочестивый*, *благородный*, *благоразумный*¹.

Современный исследователь Е. Дикенман² четко разграничивает аффиксацию и словосложение, но ставит рядом композиты разных эпох, нарушая этим историческую перспективу. Так, у него рядом стоят и в один тип зачисляются слова *вагоновожатый* и *верводел* или слова *водополь*, *водополье* в одном ряду со словом *водород*, хотя все эти сложные слова относятся к разным историческим эпохам, имеют разную судьбу в истории русского языка и построены по разным моделям.

Сложные слова известны с глубокой древности. Словообразование было замечено и изучено уже индийскими грамматиками, давшими и первые классификации сложных слов³.

Проблема сложного слова относится к тем проблемам, которые глубоко волновали исследователей как русских, так и зарубежных. История этого вопроса хорошо изложена в диссертации В. И. Троицкого, исследующего типы сложных слов во второй половине XVIII века⁴.

В. И. Троицкий дает подробный анализ высказываний зарубежных лингвистов, лингвистов-славистов и лингвистов-русистов по вопросам разграничения сложного слова и словосочетания, словосложения и аффиксации. Этой же проблеме большое внимание уделяет и П. Я. Горбунов в диссертации «Проблемы именного словообразования в русской лингвистической литературе»⁵.

¹ V. J a g i c, Die slawischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten, «Archiv für slavische Philologie», Band XX—XXI, Berlin, 1898—1899.

² E. D i c k e n m a n n, Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen, Leipzig, 1934.

³ Theodor B e n f e y, Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange des 19-ten Jahrhunderts mit einem Rückblick auf die früheren Zeiten, München, 1869, стр. 99—100.

⁴ В. И. Т р о и ц к и й, Типы сложных слов в высоком стиле второй половины XVIII века, Кандидатская диссертация, машинопись, М., 1946.

⁵ П. Я. Г о р б у н о в, Проблемы именного словообразования в русской лингвистической литературе, Кандидатская диссертация, машинопись, М., 1952.

В. П. Григорьев весьма убедительно наметил отличия аффиксации от словосложения в статье «О границах между аффиксацией и словосложением». Словосложение — синтаксико-морфологический тип словообразования, а аффиксация — морфологический. Сложные слова образуются на базе самых различных словосочетаний, как именных, так и глагольных¹. Таким образом, по мысли В. П. Григорьева, связь сложного слова со словосочетанием очевидна. Если данное сложное существительное действительно образовано по аналогии с другими, то, очевидно, один из его компонентов уже обратился в аффикс².

В. П. Григорьев совершенно справедливо требует исторического подхода к вопросам словосложения.

Только исторический подход дает нам верные критерии для разграничения аффиксации и словосложения.

Вопросы словообразования в историческом плане у нас все еще изучаются недостаточно, хотя они представляют огромный интерес, так как раскрывают внутренние законы развития языка и позволяют судить о развитии и совершенствовании словообразовательной системы языка.

При исследовании той или иной проблемы, как подчеркивает В. И. Ленин, нужно «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»³.

Словосложение, которому уделяли огромное внимание К. Бругман, К. Гирт, Г. Пауль, отражает национальную специфику языка. Как отмечает Э. Сепир, это явление свойственно далеко не всем языкам мира. «Есть много языков, в которых немислимо сложение корневых элементов»⁴. Кроме того, в разных индоевропейских языках, которым присуще словосложение, наблюдается различная интенсивность процесса словосложения. «Любопытно обратить внимание на то, сколь разнятся языки в отношении своей способности к использованию процесса словосложения»⁵.

¹ В. П. Г р и г о р ь е в, О границах между аффиксацией и словосложением, «Вопросы языкознания», 1956, № 4, стр. 40.

² Там же, стр. 45.

³ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 29, изд. 4, стр. 436.

⁴ Э. С е п и р, Язык, Л., 1934, стр. 51.

⁵ Там же.

Удельный вес словосложения в индоевропейских языках неодинаков. Е. Дикенман, например, подчеркивает, что в немецком языке словосложение является излюбленным средством словообразования¹. Французский исследователь А. Доза считает, что во французском языке словосложение имеет наименьшее значение². Что касается славянских языков, то в лингвистической литературе наблюдаются значительные споры по отдельным вопросам. Так, Е. Дикенман спорит с Ф. Миклошичем, утверждавшим в свою очередь, что словосложение более всего развито в сербском языке. Е. Дикенман, наоборот, считает, что болгарский и русский языки обладают большим количеством словосложений сравнительно с сербским, хотя и значительно уступают в этом отношении немецкому языку³.

Вряд ли целесообразно толковать словосложение как факт преимущества одного языка над другим. Все языки мира имеют одинаковые права на внимание исследователя, и Э. Сепир правильно замечает, что «многим из языков, лишенным способности словосложения, не только не чужды сложнейшие словообразования, но, наоборот, свойственны такие формы синтеза, которые далеко превосходят то, на что способны греческий и санскрит, — языки, в которых словосложение представлено в исключительном богатстве и разнообразии»⁴.

Это свидетельствует лишь о том, что в словосложении отражается национальная специфика разных языков и черты различия их словообразовательных систем.

Вопросами словосложения интересовались крупнейшие ученые. Еще И. И. Срезневский указал в статье «Об образовании слов из выражений», что «в сложении слов и в образовании выражений всего более, всего разнообразнее высказывается жидительная сила каждого языка»⁵.

¹ E. Dickmann, Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen, Teil I, Leipzig, 1934, стр. 15.

² А. Доза, История французского языка, М., 1956, стр. 158.

³ E. Dickmann, Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen, Teil I, Leipzig, 1934, стр. 15.

⁴ Э. Сепир, Язык, Л., 1934, стр. 51, 52.

⁵ И. И. Срезневский, Замечания об образовании слов из выражений, «Записки императорской Академии наук», т. 22, книжка II, Спб., 1873, стр. 245.

Вопросами словосложения в славянских языках занимались Ф. Миклошич, И. Лось, Е. Рудницкий, В. Ягич, акад. Травничек, Е. Дикенман, Т. Козминская¹.

Исследованием сложений в сербском языке занимались многие ученые, например: Ф. Миклошич («Die Nominal-Zusammensetzung im Serbischen», Wien, 1863), А. Лескин («Grammatik der serbokroatischen Sprache», Heidelberg, 1914).

Монографию о словенском словосложении создал Р. Перушек («Složenke v novei slovenščini (Beilage zum Jahresbericht des K. K. Obergymnasiums in Rudolfswert», 1889—1890).

Анализу сложных слов в польском языке посвятил свое исследование И. Лось («Сложные слова в польском языке», П., 1901), Х. Улашин («Grammatika języka polskiego», Krakow, 1923).

Словосложению в восточно-славянских языках значительное внимание уделил В. Ягич в своем исследовании «Die slawischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten» («Archiv für slavische Philologie», вып. XX, XXI, Berlin, 1898, 1899), хотя он наметил лишь общие пути в решении данного вопроса, и Е. Дикенман («Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen», Teil I, Leipzig, 1934), в исследовании которого собраны значительные материалы, но мало теоретических обобщений. Словосложению в украинском языке посвятил свое исследование Е. Рудницкий («Складені слова в українській мові», «Збірник секції граматики української мови», I, Киев, 1930, стр. 141—196).

Необходимость различать разные эпохи в жизни языка отмечалась И. И. Срезневским, Ф. Ф. Фортунатовым, В. В. Виноградовым, И. А. Бодуэном-де-Куртенэ, Г. О. Винокуром².

Словосложение своими корнями уходит в глубокую древность. К. Бругманн, Б. Дельбрюк, Х. Якоби предпо-

¹ Анализу композитов в чешском языке посвятила свое исследование Т. Б. Козминская «Сложные слова в современном чешском языке», Киев, 1955. Эта кандидатская диссертация, созданная под руководством Л. А. Булаховского, представляет значительный интерес.

² Г. О. Винокур, Заметки по русскому словообразованию, «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. V, вып. 4, 1946, стр. 315—332.

лагают, что основной тип индоевропейского сложного слова восходит ко времени, когда язык еще знал основу без окончаний. Самобытность корней-основ отмечалась и А. Л. Погодиным¹. С этой точки зрения такие слова, как *медведь*, *ночлег*, возникшие в глубокой древности, остаются вне поля данного исследования, во-первых, потому, что их образованию уделили большое внимание многие языковеды², а, во-вторых, потому, что эта глава посвящена изучению живых (продуктивных) типов сложения определенной эпохи XV—XVII столетий, что приводит к необходимости оперировать живыми словообразовательными типами, а те компоненты сложного слова, которые не выделяются как элементы словосложения, уже не могут относиться к системе живых соотношений словосложения и развития языка изучаемого нами периода.

Изучение словосложения в сравнительно-историческом плане дает возможность вскрыть глубинные процессы словосложения, раскрыть закономерности образования сложных слов в историческом плане в русском языке сравнительно с другими языками и имеет огромное значение для решения ряда вопросов общего языкознания, истории русского языка, современного русского языка, исторической диалектологии, ономастики, исторической географии и топонимики. Но всем этим не исчерпывается значение изучения словообразования. Как указывает польская исследовательница С. Скварчинская, словосложение имеет громадное значение и для стилистики языка. С. Скварчинская утверждает, что два слова, сложенные, спаянные вместе, создают какой-то новый, третий элемент, способствующий богатству выражения; например: *пятилистный*, *серебрянолунный* и т. д. Сложное слово вносит собой богатство представлений, очень ценное для каждого поэта³.

¹ А. Л. Погодин, Следы корней-основ в славянских языках, Варшава, 1903, стр. 110 и далее.

² См.: И. И. Срезневский, Замечания об образовании слов из выражений, стр. XVII—XXV. Фортунатов Ф. Ф., Сравнительное языковедение, Спб., 1897—1898, стр. 73—74. И. Бодуэн-де-Куртене, Заметка об изменчивости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний, Варшава, 1902.

³ Skwarczyn'ska Stefania, Wstęp do nauki o literaturze, Т. II, 1954; «Słowa złożone i ich ekspresywność», Warszawa, 1954, стр. 223—229.

Не только вопросы стилистики, но и вопросы методики русского языка проясняются при изучении словосложения.

Изучение сложных слов позволяет углубить место и к у преподавания русского языка в средней и высшей школе. Это отмечали лучшие преподаватели средней школы. Так, Л. Соломоновский писал: «Ни синтаксический строй речи, ни морфологические изменения не дают такого наглядного понятия о логике языка, какие можно почерпнуть из упражнений о словопроизводстве».

В настоящее время вопросы словообразования привлекают внимание молодых исследователей, о чем свидетельствует значительное количество диссертаций, посвященных вопросам словообразования и частично словосложения. Но в этих исследованиях в основном разрабатываются вопросы словосложения XVIII, XIX и XX столетий. Недостаточно еще изучено словосложение XI—XIV столетий и почти белым пятном в истории наших исследований остаются XV—XVII столетия, изучению которых посвящена данная глава. Таким образом, хотя в изучении словообразования современного русского языка, и в том числе и словосложения, русское языкознание добилось значительных успехов, в области изучения исторического словообразования наблюдается значительное отставание.

Словообразованию современного русского языка уделял большое внимание проф. В. А. Богородицкий в своем «Общем курсе русской грамматики» (изд. 6, М.—Л., 1925), Л. А. Булаховский в курсе «Русский литературный язык» (т. I, Киев, 1952) и особенно академик В. В. Виноградов, создавший целый ряд основополагающих трудов в области словообразования¹. Интересные замечания в области изучения словообразования имеются в статьях профессора Г. О. Винокура²; большое внимание вопросам

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947.

Его же, Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка, «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. X, вып. 3, 1951.

Его же, Из истории русской литературной лексики, «Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР», вып. 2, 1948.

² Г. О. Винокур, Заметки по русскому словообразованию, «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. V, вып. 4, 1946, стр. 315, 332.

Его же, О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии, Сб. статей по языкознанию, т. V, Труды МИФЛИ, 1939.

словообразования уделяется в «Грамматике русского языка» (изд. АН СССР, М., 1952), в книге «Современный русский язык, морфология», курс лекций (изд. МГУ, 1952) под редакцией В. В. Виноградова и в работе «Современный русский язык», часть 1, под редакцией проф. Е. М. Галкиной-Федорук (М., 1962).

Проблемами сложного слова занимался также профессор А. И. Смирницкий¹, главным образом трактуя вопросы цельнооформленности слова и занимаясь разграничением понятия сложного слова, производного слова и словосочетания.

Необходимость исторического изучения вопросов словообразования отмечали и другие лингвисты. Так, В. К. Поржезинский утверждал, что только историческое «исследование вскрывает нам многие факты, иначе оставшиеся бы непонятными... восполняет пробелы письменной традиции»². Позднее академик Л. А. Булаховский, плодотворно развивая эти мысли, указал, что «только при внимательном и строгом учете, что в области словообразования относится к явлениям абсолютно живым и продуктивным, т. е. при помощи чего, в случае надобности, могут создаваться новые слова с теми же элементами значений, что еще более или менее свободно изолируется и имеет свое определенное значение, но уже утратило силу служить средством для создания новых слов, что перестало в сознании изолироваться и только в некоторой степени играет свою различительную роль; что уже является остатком старины, утратившим свою жизненную былую силу»³, возможно разрешение вопросов — исторического словообразования.

Необходимость исторического изучения словообразования подчеркивает и профессор Л. Андрейчин, который в своей «Грамматике болгарского языка» говорит о том, что словообразование «...раскрывает пути человеческой мысли, проливает свет на развитие народной культуры,

дает верное направление для творческой языковой работы и правильного отношения к новым фактам языка, возникающим в наше время в связи с культурным и общественным развитием»¹.

Недостаточную разработанность проблем исторического словообразования отмечает Г. А. Пастушенков: «Наименее изучена система словообразования древнерусского языка»². Вопросы исторического словообразования поднимал в своих интересных статьях проф. М. Я. Немировский, утверждающий, что плодотворным и продуктивным может быть изучение словообразования только в том случае, если оно производится в историческом плане³. Об этом же писал и С. И. Абакумов в своей работе «О сложных словах в русском языке»⁴. Акад. В. В. Виноградов и Л. А. Булаховский⁵ в своих исследованиях тесно связывали проблемы современного словообразования с его историей.

Из новейших работ следует назвать работу Н. М. Шанского «Очерки по русскому словообразованию и лексикологии» (Учпедгиз, М., 1959), в которой обобщен и подытожен опыт многих советских языковедов по вопросам словообразования на материале, самостоятельно добытом автором, а также работу К. А. Левковской «Словообразование» (МГУ, М., 1954).

Приведенный обзор литературы по словообразованию, и в частности словосложению, показывает, что многие ученые, как русские, так и зарубежные, уделили большое внимание этому вопросу. Одновременно видно, что историческое словосложение, т. е. рассмотрение словосложения в различные эпохи развития языка, еще недостаточно изучено.

¹ Л. Андрейчин, Грамматика болгарского языка, М., 1949, стр. 51.

² Г. А. Пастушенков, Система словообразования имен существительных в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку, Куйбышев, 1953, стр. 5.

³ М. Я. Немировский, Сложные слова в русском языке, «Русский язык в школе», 1946, № 3—4. См. его же статью в «Вопросах славянского языкознания», Львов, ЛГУ, кн. IV, 1955.

⁴ С. И. Абакумов, О сложных словах в русском языке, «Русский язык в школе», 1946, № 3—4.

⁵ Л. А. Булаховский, Дезимологизация в русском языке, «Труды Института русского языка АН СССР», т. I, 1949, стр. 147—209.

Его же, Славянские наименования птиц типа сложных (Composita), «Наукові записки КДУ», т. VII, вып. III, филологічний збірник № 2, 1948, стр. 51.

¹ А. И. Смирницкий, Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ, «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 5, 1948.

² В. К. Поржезинский, Краткое пособие к лекциям по исторической грамматике русского языка, М., 1911, стр. 3.

³ Л. А. Булаховский, Некоторые вопросы развития украинского языкознания, «Большевик Украины», 1951, № 6, стр. 30.

Структура сложного слова, т. е. характер соединения компонентов главного и зависимого слова, наличие и отсутствие аффиксов и соединительного гласного, порядок расположения основ в составе сложного слова, определяется лексико-грамматической природой слова, принадлежностью его к определенной части речи, емкостью его семантики, его синтаксическими и словообразовательными связями, стилями языка, в котором оно употреблено.

Сложное слово — это состоящая из двух или нескольких знаменательных элементов лексическая единица, характеризующаяся единством значения и соотносимая в лексико-грамматической системе русского языка с той или иной частью речи.

Хотя в сложном слове довольно легко выделить компоненты, из которых оно состоит, перед исследователями всегда возникают трудности, когда они пытаются разграничить понятие слова, сложного слова и словосочетания. Отмечая это, О. С. Ахманова пишет: «Слово сравнительно легко выделяется из речи и вместе с тем сравнительно трудно делится или совсем не делится на значащие части. Первым из двух моментов, т. е. тем, что оно сравнительно легко выделяется, слово, выступая в речи в виде словесной ее единицы, характеризуется как таковое, в отличие от части слова, а тем что оно сравнительно трудно делится или не делится совсем, в отличие от словосочетания»¹. Зачастую такие трудности стоят и перед лицами, занимающимися вопросами словосложения, так как в сложных словах действуют те же законы деэтимологизации, опрощения, переразложения, утраты конечных и начальных элементов, которые характеризуют простое слово. Коренное отличие сложного слова от простого заключается в том, что в сложном слове легче выделить его компоненты, представляющие собою этимологически значимые части речи.

Сложное слово диахронно (исторически) часто восходит к словосочетанию. Но связь сложного слова и словосочетания иногда вскрывается с большим трудом, так как происходит затемнение его состава. В самом деле, в современном слове *спасибо* без исторического подхода нельзя

¹ О. С. Ахманова, «Эквиваленты слов» и их классификация в современном английском языке, «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», 1948, вып. 6, стр. 5.

выделить исконного сложного строения. Это простое слово в современном русском языке, но слово, прошедшее сложный путь. Возникновение его уясняют нам и некоторые факты топонимики. Так, в писцовых книгах города Москвы встречается название деревни Тульского уезда *Спасибогово*, вскрывающее исконное словосочетание *спаси бог*, давшее современное сращение *спасибо*, в котором совершенно затемнена его этимология.

Большой интерес представляет анализ, казалось бы, такого простого слова, как *стремглав*. В первой части этого слова (или в первом компоненте) заложено значение, указываемое И. И. Срезневским: *стремо* — «прямо», «настоящее». Второй компонент не вызывает у нас сомнения. Это старославянская неполногласная форма *глав*. Итак, *стремглав* в языке изучаемой нами эпохи обозначало «вниз головой», «упасть прямо вниз головой». В современном русском языке уже утрачены живые связи между компонентами *стрем* и *глав*. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова дано следующее определение этого слова: *стремглав*, нареч., очень быстро, стремительно. *И вдруг стремглав бежать пустился*. (Пушкин.) *Узник вырвался из тюрьмы и стремглав пустился бежать* (Тургенев)¹.

История слова *стремглав* показывает, как происходит в процессе исторического развития забвение старого значения в первом компоненте сложного слова и в сложном слове в целом. В результате этого часто утрачиваются семантико-синтаксические связи первого со вторым компонентом, и сложное слово превращается фактически в простое слово.

Часто в сложных словах происходит как бы стабилизация и консервация архаических элементов языка. Так, например, в языке изучаемого нами периода были весьма продуктивными и распространенными сложные слова с первым компонентом *борзо*: *борзобогатый* (КДС), *борзо-зрителенъ* (КДС), *борзописецъ* (КДС), *борзоподвижный* (КДС), *борзосмысленный* (КДС), *борзотекущий* (КДС), *борзоходецъ* (КДС), *борзоходный* (КДС).

В процессе исторического развития компонент *борзо* выходит из системы литературного языка. В современном

¹ Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. 4, стр. 556.

русском литературном языке, как свидетельствует Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, *борзый*, *-ая*, *-ое* имеет помету («обл., поэт.»): *Скорый, резвый, борзый конь*). Иногда сложные слова совсем выходят из употребления, например: *борзозрителен*, *борзотекущий*. В других случаях происходит замена; например, компонент *борзо* заменяется компонентом *скоро*. Древнее *борзоход*, *борзоходец* заменилось формой *скороход*. В серии сложных слов с первым компонентом *борзо* произошли значительные изменения, причем вышли из употребления или сложные слова (компози́ты) целиком, или произошла замена в них отдельных компонентов. В единичных случаях сохранились в системе русского языка компози́ты *борзописание*, *борзопи́сец*, но они употребляются лишь с особой стилистической окраской. Так, в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова находим *борзописание*, *борзописания* с пометой «ирон.» — *Литературное творчество борзопи́сца*¹. И ниже «*борзопи́сец*, *-сца*, м. (ирон.). Писатель, который пишет охотно, но небрежно, наспех...»². Следует отметить, что в XV столетии слово *борзопи́сец* не имело еще иронической окраски, приобретенной им в процессе исторического развития, ср. «*Мефодий ж посла два по́па борзопи́сца*». (Радзив. лет. XV, 132, КДС), где слово *борзопи́сец* лишено отрицательной оценки.

Большой интерес представляет также гнездо слов, в первой части которых мы находим компонент *еже*: *ежечасть* (КДС), *ежепя́тницъ* (КДС), *ежевоскресе́нь* (КДС), *ежеу́тръ* (КДС), *ежеде́нь* (КДС), *еженочей* (КДС), *ежемеся́ци* (КДС), *ежевече́рь* (КДС), *ежелетъ* (КДС).

«А въ городѣ бояринъ и воевода большой всегда *еженочей* объезжаетъ городъ». В «Хождении Афанасия Никитина за три моря» мы читаем: «Зима же у нихъ стала с Троицына дни, а зимовали есьмя въ Чунейре, жили есьмя два меся́ца; *ежедеи* и но́щь четыре меся́ца, а всюда вода да грязь»³. Мы видим, что из этого гнезда слов в современном русском языке сохранились немногие. Это слова — *ежеминутный*, *ежедневный*, *ежевечерний*, *ежемесячный*, *еженедельный*, *ежегодный*.

¹ Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 174.

² Там же, стр. 175.

³ Афанасий Никитин, Хождение за три моря, изд. АН СССР, 1950, стр. 33.

В сохранении архаических элементов сложные слова имеют одинаковую судьбу с устойчивыми фразеологическими единицами русского языка. Сохранение архаических элементов в составе фразеологизмов отметил Р. Н. Попов: «Фразеологические единицы сохраняются многие сотни лет и доносят до наших дней в своей неизменной окостеневшей форме следы старых синтаксических связей между словами, старинный характер словоизменения, а также в значительной степени прежний лексический состав и некоторые элементы прежнего фонетического строя»¹.

То же самое наблюдается и в слове *ветрилоперный* (КДС) — о корабле, движимом парусами. *Ветрило* в значении парус в специальном употреблении бытовало еще в поэтическом языке первой половины XIX столетия. Ср. пушкинское:

Шуми, шуми, послушное *ветрило*,
Волнуйся подо мной, воздушный океан.

В современном русском языке без специального этимологического анализа слово *ветрилоперный* остается совершенно неясным по своему составу.

Тот же процесс происходит со словом *единоживотно* (КДС), не понятном без специального объяснения. Это сложное слово состоит из двух компонентов — *един* и *живот* в значении «жизнь». Оба они церковнославянского происхождения.

Без специальных исторических и сравнительных объяснений непонятно и сложное слово *дубовсходный*: *дубовсходная змея* (КДС), т. е. *змея*, *влезаящая*, *вползаящая на дуб*. Архаические элементы можно найти в слове *суесловие* (КДС) — компонент *суе*; *кроветворный* (КДС), в котором сохранилась в первой части архаическая форма склонения существительного *кры* (родит. п. ед. числа); *лжедмитрий* (КДС), в котором также в первом компоненте сохранились черты архаического склонения.

Можно было бы значительно увеличить количество примеров, но и приведенных вполне достаточно для констатации факта сохранения компози́тами архаических,

¹ Р. Н. Попов, Грамматические архаизмы в устойчивых фразеологических единицах русского языка, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1956, стр. 1.

грамматических, лексических и фонетических явлений, давно вышедших из сферы современного русского языка.

Замечено, что на жизнь сложного слова оказывает огромное влияние его семантика. На продуктивность, распространенность и соотносительность основ в пределах одного и того же слова влияют разные оттенки или значения оттенков, заключенных в одном и том же слове. Так, например, слово *белый* в эпоху XV—XVII столетий, как можно установить по материалам картотеки древнерусского словаря, употреблялось в трех основных значениях: *белый* — белого цвета; *белый* — чистый; *белый* — свободный.

С *белым* в значении «белого цвета» связаны такие слова, как *бѣлолицый* (КДС), *бѣлобокий* (КДС), *бѣлогубый* (КДС), *бѣлокопытный* (КДС), *бѣлоголовый* (КДС), *бѣлобородый* (КДС), употребляющиеся главным образом для обозначения особых качеств и свойств, в данном случае цвета, у человека или у животных. Эти значения живы и в современном русском литературном языке, в котором употребляются все вышеприведенные слова. Значение «чистый» в слове со значением «белый цвет» находим в словах: *бѣлоручка* (КДС), *бѣлоножка* (КДС), *бѣлоличка* (КДС). Последние два слова сохраняются в современном русском языке, главным образом в фольклоре и в диалектах.

С *белым* в значении «свободный», т. е. «освобожденный от податей», связаны слова, главным образом входящие в сферу общественно-политической терминологии: *бѣломестец* (КДС), *бѣломестный* (КДС), *бѣлопашец* (КДС), т. е. освобожденный от податей. В современном русском языке эти слова перешли в разряд историзмов.

Итак, в сложном слове имеется соотношенность компонентов. Потеря значения одного из них зачастую затемняет и значение другого. Так, например, слово *бѣлый* нам понятно. Слово *душа* в значении «грудь» сравнительно редко, но встречается в русской литературе XIX столетия. Ср. кольцовское «раззудись плечо, распахнись душа». Слово *душа* в значении «ямочка на шее над грудною костью» встречается также в словаре Даля¹. Но, например, слово *бѣлодушный* (КДС), о мехе лисиц, имеющих *белую душку*, т. е. грудь или горло, для нас совершенно

неясно, хотя в охотничьей терминологии слова *сиво-и белодушный* еще употребляются. Исследователь без специального исторического анализа не сможет выделить в этом слове оба компонента *бѣл* и *душа*. Только в том случае, если вспомнить семантику слова *душа* в значении «грудь», станет понятным слово *душегрея* (КДС), в котором выделяются два компонента: *душа* и *грудь*; то же наблюдается и в слове *полеводцы*, в котором первый компонент *поле* употреблялся в значении «ратное поле», и *полеводцы* значило «военачальники». Так, например, в «Слове о великом князе Дмитрие Ивановиче...» мы находим такое определение князя и его брата: «...тѣ бо суть сынове храбри кречаты в ратном времени и вѣдоми *полеводцы* под шеломи злаными»¹.

Итак, из вышеприведенного анализа ясно, что все сложные слова образуются из компонентов, значение которых может оставаться стабильным на протяжении столетий и даже тысячелетий. Но встречаются и компоненты, значение которых может изменяться от эпохи к эпохе. Сложные слова с такими компонентами подвергаются своеобразной деформации. Сама система словосложения построена так, что в языке не появляется абсолютно новых слов. Говоря о словообразовании, Н. М. Шанский, развивая идеи своих предшественников, подчеркивает, что «...оно оперирует по существу лишь новыми видами комбинирования того, что уже существовало в отдельности раньше»². Но нельзя не отметить и тех качественных изменений, которые возникают при образовании сложных слов и которые заключаются прежде всего в том, что возникшее новое слово всегда обладает значением, отличающимся от того значения, которое имелось в компоненте словосочетания. Особенно показательны в этом отношении факты топонимики и ономастики. Например, уже Е. Дикенман отметил, что *Новгород* не только «новый город», но и созданное путем изоляции данного элемента в предложении новое слово, которое воспринимается как единое понятие³.

¹ «Временник императорского Московского общества истории и древностей российских», Кн. 14, М., 1852, стр. 3.

² Н. М. Шанский, Основы словообразовательного анализа, Учпедгиз, М., 1953, стр. 9. Е го ж е, Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, Учпедгиз, 1959.

³ E. Dickenmann, Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen, Teil I, Leipzig, 1934.

¹ В. Д а л ь, Толковый словарь живого великорусского языка, Гослитиздат, 1935, т. I, стр. 450.

Название старинного города и соотносительность его компонентов со словосочетанием *новый город* в современном русском языке уже утрачено, таким же образом *Новая воля* (название деревни бывшей Гродненской губернии) дало производное слово-прилагательное *нововольский*, которое здесь имеет значение топонимического объекта, а не качественной характеристики понятия «новой воли».

По характеру второго компонента сложные слова могут быть именами существительными, прилагательными, местоимениями, числительными, глаголами и неизменяемыми частями речи (наречиями). Те же части речи могут быть и в первой части каждого из указанного типа сложных слов.

К. А. Левковская правильно подчеркивает организующую роль грамматики в словообразовании. «Грамматика управляет словообразованием в том отношении, что все новые слова всегда образуются, как грамматически оформленные единицы, как представители определенной части речи, связанной с соответствующими грамматическими категориями и соответствующим синтаксическим употреблением»¹.

Продуктивность употребления отдельных частей речи в разные эпохи в разных стилях языка неодинакова. Так, например, в XV—XVII веках насчитывается гораздо большее количество сложных слов-глаголов сравнительно с современным русским языком. Например, *родословиться*. «Сиде родословятся великие князи рустия» (Новгородская первая летопись, первая половина XVI века, 431). Или *словопрѣтиса*: «Словопрѣтиса безвременно и всуе не лѣпо есть»².

Рядом с этим словом мы встречаем глаголы: *баснословить* (КДС), *велегласовать* (КДС), *высокомериться* (КДС), *громогласить* (КДС), *добробеседовать* (КДС), *борзотекущий* (КДС) и др.

В эпоху XV—XVII столетий сравнительно с современным русским языком наряду с глаголами отмечается большое количество сложных наречий. Например: *дебеломысленно* (КДС), *долговременно* (КДС), *достойно* (КДС), *единоживотно* (КДС), *вспятословнѣ* (КДС), *вкупѣбытно*

(КДС), *втѣпоры* (КДС), *всеконечнѣ* (КДС), *исконевечно* (КДС), *исконилубно* (КДС), *толикократно* (КДС), *малогодь* (КДС), *вскоре* (в ближайшем будущем), *любожеланно* (КДС), *ледовидно* (КДС), *лѣтоподобнѣ* (КДС) и др. Следует указать, что в процессе исторического развития некоторые из этих наречий подверглись значительной деформации. Одни из них утратили первую часть; например: *всеконечнѣ* превратилось в *конечно*; другие утратили вторую часть: *долговременно* превратилось в *долго*. Некоторые распались на два слова, например, *исконнивѣчно* (причем), где каждый из компонентов стал употребляться отдельно. Некоторые вышли из употребления; например: *единоживотно*, *вздѣпать*, *езеровидно* слезами очи его исполняхуся» (Воскресенская летопись, стр. 284).

Можно предположить, что разные грамматические категории, выраженные сложными словами, имели разную продуктивность в различных стилях языка. Слова, связанные с категорией качественной оценки (имена прилагательные и наречия), чаще всего встречаются в высоких стилях. Так, например, в сочинениях Герасима Фирсова, ярко характеризующих торжественные жанры севернорусской литературы XVII века с их стремлением к искусственному плетению и извитию словес, имеется большое количество высокопарных искусственных сложений, особенно в области прилагательных и наречий. Так как стиль проповедей требовал особого эмоционального воздействия на слушателей, эмоциональные эпитеты, слова качественной оценки употреблялись там особенно часто. Так, например, в «Службе на перенесение мощей... Филиппа, митрополита Московского... в Соловецкую церковь Преображения» инок Герасим Фирсов¹ характеризует митрополита Филиппа такими выпренными словами-обращениями: «гусль *сладкоглаголанная*, исповѣдания труба *боговдохновенная*» (стр. 6), «...*златозарный* и *свѣтоносный* облаче» (стр. 9), «*небосажденна лоза*» (стр. 12), «цѣлебаи источник *приснотекущий*», «*благодатных* дарований *боготворное* сокровище» (стр. 14). «Яко цѣвѣтъ божественного сада неувядаемъ, яко кринь *присноцѣвѣтуць* и *благосияненъ животворныхъ* вод струя» (стр. 15). Мы видим, что сложными прилага-

¹ К. А. Левковская, Словообразование, изд. МГУ, 1954, стр. 10.

² Н. Никольский, Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам, Пг., 1916, стр. 129.

¹ Н. Никольский, Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам, Пг., 1916 (Приложение. «Материалы для русского словаря XVII века»).

тельными пестрит стиль этого сочинения Герасима Фирсова: «...богоносныхъ отецъ» (стр. 196); *любославныхъ*... учитель» (стр. 195); «многосвѣтлое солнце» (стр. 3); *цѣльбоносная* рака мощей» (стр. 3); «боготворное сокровище» (стр. 4); «источникъ приснотекущий» (стр. 4); «всесиятельное селение» (стр. 16); *богосиянно* свѣтило» (стр. 16); «кипарись мироуханень» (стр. 16); «высокопаривого орла» (стр. 184); «медоточный источникъ» (стр. 69). В этом сочинении мы находим очень много сложных наречий: *нелюбопернѣ* — «Хотящимъ *нелюбопернѣ* разумѣти и держати истинное» (стр. 194), т. е. не любящий прений о вере; *отцепреданнѣ* (стр. 181—184); *истиннолюбнѣ* (стр. 181, 182); *боголюбно* (стр. 23); *единороднѣ* (стр. 22); *благословеннѣ* (стр. 194); *многообразнѣ* (стр. 229). Все данные наречия, вышедшие из употребления в современном русском языке, все же понятны нам, потому что сохранилось большинство словосочетаний, из которых они произошли. Только одно наречие *нелюбопернѣ* вышло из употребления («но убо противе немощи... мною я... хотящимъ *нелюбопернѣ*») ¹.

Сложные слова как стилистическое средство широко употреблялись не только в церковно-учительной литературе, но и в русской публицистике XVI—XVII столетий, органически с нею связанной. Крупнейшими публицистами этой эпохи являлись царь Иван Грозный, князь Курбский, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, митрополит Макарий, протопоп Сильвестр, Георгий Скрипица, Иван Пересветов, протопоп Аввакум и др. И. У. Будовниц отмечает: «В свое время эти публицисты откликались на все жгучие вопросы современности, будили мысль, волновали умы, формировали общественное мнение и мимо них не может пройти ни один историк русской культуры и русской общественной мысли» ². Добавим, не может пройти и ни один историк языка, так как в сочинениях публицистического стиля этой эпохи, носящих зачастую религиозно-догматический характер, под церковной фразеологией и оболочкой решались зачастую самые жгучие и злободневные вопросы общественно-политической жизни эпохи. Церковь была всегда опорой существующего феодального строя.

¹ Н. Никольский, Сочинения соловецкого инокa Гeрaсимa Фирсова по неизданнымъ текстaмъ. Пг., 1916 (Приложение. «Материалы для русскаго словаря XVII вѣка»), стр. 194.

² И. У. Будовниц, Русская публицистика XVI вѣка, М.—Л., 1947, изд. АН СССР, стр. 1.

В публицистике стригольников и жидовствующих носифлян и нестяжателей, в еретической и старообрядческой литературе выковывались яркие стилистические средства публицистического выражения. Идеинные противники, желая уязвить друг друга, использовали традиционные средства языка, но нередко прибегали и к словотворчеству, носящему ярко эмоциональный характер. Это сказалось в отборе прилагательных-эпитетов. В полемической борьбѣ противники не щадили друг друга: «Злобѣснѣй волкъ, оболоскѣ в пастырскую одежду» ¹, — так величает Иосиф Волоцкий митрополита Зосиму: «Сквернослужительнѣи» ² священники, «Любопрепирательное послание», — так называет Иосиф Волоцкий заволжских старцев и их послание. Перечисляя преступления друг друга, идеинные противники широко используют эмоциональную лексику, как традиционную, так и вновь создаваемую, обвиняя друг друга в *душегубствѣ*, *злодеянии*, *кровопролитии*, *лихоимствѣ*, *святотатствѣ*, *вероломствѣ*, *тищеслави*, *высокоумии*, *тунеядении*. Одним из самых страшных грехов они считали *любопрѣвнѣ* (КДС). Не случайно Иосиф Волоцкий в своем «Просветителе» сетует: «И на торжищахъ и в домѣхъ о верѣ *любопрѣвнѣ* творяху и сомнение имяху». О том, что обвинение в *любопрѣвнѣ* было одним из самых серьезных обвинений, а само *любопрѣвнѣ* квалифицировалось чуть ли не как вольномыслие, свидетельствуют показания Вассиана Косого, который, стремясь оправдаться, писал, что «не от гордости и ненависти» или не «по излишнему *любопрѣвнѣ*», а из любви к истине он вынужден выступать. Инок-князь Вассиан Патрикеев указывает, что в Росийском царствѣ необходимо прекратить *любопрѣвнѣ* и *лихоимание* ³.

Сравнительно мало слов, относящихся к разряду существительных, встречается в этой публицистической литературе. Это в основном слова эмоциональной оценки. Например, *душегубецъ* ⁴, рядом с которым мы находим

¹ Иосиф Волоцкий, Просветитель, Казань, 1882, изд. 2, стр. 12.

² Написание вдового попа Георгія Скрипицы из Ростова града о вдовствующихъ попѣхъ («Чтения ОИДР при Московскомъ университетѣ», 1848, № 6, стр. 46).

³ «Православный собеседникъ», Казань, 1863, стр. 182.

⁴ «Книга степенная царскаго родословия», ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, Спб., 1913.

мѣтѣжельбец¹. Наряду с традиционным словом *святотатец* мы находим новообразование *духопродавцы* (слово не отмечено в словаре Срезневского); *святокупцы* (т. е. ставящие попов по мзде). Не отмечены в словаре Срезневского и такие выражения, как «широковѣщательное и многошумящее твое послание пріяхъ...», которые встречаются в письме Курбского Грозному².

Существительных и субстантивированных прилагательных в публицистике религиозной значительно меньше, чем прилагательных и наречий. Значительно меньше их и в сочинениях Герасима Фирсова. Сложные существительные: *свѣтлолюбіе* (стр. 3, 7, 9, 937), *плотоносца* бывша Христа (стр. 183), *мудролюбцы* (стр. 192), *первопрестольниковъ* (стр. 194), *христоразрушникомъ* (стр. 191), *христородица* (стр. 195), *златоустъ* (стр. 13), *богопроповѣдники* и *самовидцы* (стр. 23), *благодать* (стр. 23), *благочестіе* (стр. 23), *благодетель* (стр. 231), *человеколюбіе* (стр. 23).

Но было бы слишком поспешно, на основе приведенных примеров, число которых можно было бы значительно увеличить, считать словосложение принадлежностью только высокого стиля, хотя несомненно, что в этих стилях культивировались типы сложных слов, главным образом с категорией качественно-эмоциональной оценки (прилагательные и наречия). Нередко сложные слова употреблялись и в сатирической литературе. Так, например, стилистическая роль сложных слов особенно ярко выражена в «Сказании о роскошном житии и веселии»,³ в котором пародийно воспроизводятся высокие стили.

Перед нами сказочное гротескное изображение страны изобилия для имущих, для бояр и дворян, недоступной простому народу, с которого берут огромные подати и пошлины:

«И то ево поместье меж рек и моря, подле... езер *сладководных*, рек *многорыбных*, земель *доброплодных*... *скотопитательных* пшениц... *разноцвѣтущих* цветов... *благовонных* несказанно... само древесие человеческого нраву *самохотнѣ* служит... В садѣхъ же и дубравах птиц преисполнено... *кріснопѣсниковъ* сиринов»⁴.

¹ В. Жмакин, Митрополит Даниил и его сочинения, М., 1881, стр. 658.

² Русская историческая библиотека, т. I, Пг., 1914, стр. 113—114.

³ В. П. Адрианова-Перетц, Русская демократическая сатира XVII в., М.—Л., 1954.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц, Русская демократическая сатира XVII в., М.—Л., 1954, стр. 39.

В живых разговорных стилях, в деловом языке эпохи наблюдаются иные взаимоотношения в употреблении частей речи. Здесь наиболее продуктивно и распространено имя существительное. Здесь много слов, связанных с категорией эмоциональной оценки: *злѣдѣи* (КДС), *лицедѣй* (КДС), *кожедер* (КДС) — охотник париться в бане, *блюдолиз* (КДС), *бѣдокур* (КДС), *блудодѣй* (КДС), *ветропрах* (КДС) и его эквивалент *вертипрах* (КДС). Довольно широко распространяются слова *душегуб* (КДС), *душегубство* (КДС), *душегубные* дела (КДС). «Случица в Введенской и в Дмитриевской волостях *душегубство* и Государевы поголовные деньги править ему судье Матфѣю со товарищи»¹. В бытовой сфере и деловой письменности широко распространены сложные слова профессионально-терминологического характера, например при обозначении профессии *браговар* (КДС), *винокур* (КДС), *кашевар* (КДС), *квасовар* (КДС), *медовар* (КДС), *соловар* (КДС), *пивовар* (КДС), *ложкомой* (КДС), *судомой* (КДС), *рыболов* (КДС), *рудомет* (КДС), *шерстобит* (КДС), *дуботолк* (КДС) — наймит у кожевников, *портмоя* (КДС), *бѣломоя* (КДС), *волосомоя* (КДС). Рядом с названиями лиц сюда же входят и названия вещей и понятий: *душегрей* (КДС) — вино горячее, *жилобой* (КДС) — пульс, *солонovorot* (КДС), *вороноград* (КДС).

В Писцовых книгах XV—XVI столетий, в частности в Писцовых книгах города Казани², можно найти большое количество сложных слов как для обозначения действующих лиц, так и для названия предметов. Например, при обозначении профессий наряду с *хлебниками*, *крупениками*, *портными*, *мастерами*, *харчевниками*, *мясниками*, *коробейниками*, *калашниками*, *бронниками*, *рукавишниками*, *шубниками*, названия которых обозначались производными словами, мы находим и большое количество композитов. Например, «Климка Пахомьев сын *шерстобит* с сыном» (стр. 77, 97, 99, 106, 107); «Харитонка сын *коновал*» (стр. 100); «бобыль Савка *сыромятник* с сыном» (стр. 106); «Анисимка Павлов *соловолок*» (стр. 106); «Третьячка *винокур*» (стр. 37); «Першин *рыболов*», (стр. 221 и 224, 32,

¹ «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1883, Мирской выбор земского судейки, стр. 5.

² «Материалы по истории Татарской АССР», «Писцовые книги города Казани 1565—1568 и 1646 гг.», изд. АН СССР, Л., 1932.

42, 44); «Белянка пивовар» (стр. 21, 23, 43, 109, 125); «дуботолки» (стр. 87, 105); «сыромятники» (стр. 23, 47, 74, 77, 82, 87, 90, 92, 95, 96, 98, 100, 103, 106, 112, 124); «кашевар Баймуратко в тюрьме умер»¹; «Левка Игнатьев рудомет» (стр. 109, 122, 124).

Кроме того, в Писцовых книгах города Казани встречаются также названия мест, выраженных сложными существительными²: «К пивоварнѣ к государевѣ» (стр. 21), *богадѣльня* (стр. 20, 25, 34), *водовозьма* (стр. 48), *водомойня* (стр. 48), *водотечь* (стр. 48).

Итак, композиты употребляются в разных сферах языка в церковно-учительной литературе, в публицистической литературе, в сатирической литературе и в деловой письменности (например, в Писцовых книгах), в просторечии. Все это говорит о том, что словосложение, широко употребляющееся в языке, нельзя целиком возводить к «заимствованиям» и «влияниям».

Вопрос о книжном происхождении словосложения, о влиянии греческого, церковнославянского и немецкого языков неоднократно обсуждался в нашей отечественной и зарубежной лингвистической литературе. Так, например, Е. Дикенман³ утверждал, что в праязыке было словосложение, а затем оно шло в каждом языке своими путями (стр. 13). Е. Дикенман отмечал, что в сказках, поговорках, загадках много сложных слов. Но, несмотря на вышесказанное, он все же считал, что большинство слов русского языка возникло под несомненным влиянием греко-латинско-немецким.

В. Ягич⁴, также подчеркивая влияние немецкого словосложения на славянские языки, предпринял попытку показать сложный путь развития композитов, но эта по-

пытка не увенчалась полным успехом, так как В. Ягич не дал развития сложных слов с учетом их семантики. Тем не менее следы дебатов о заимствованиях и влияниях встречаются в ряде кандидатских диссертаций, защищенных в последнее десятилетие.

Так, З. П. Донова в своей кандидатской диссертации подчеркивает, что «сложные слова, в том числе и сложные прилагательные, это слова преимущественно книжного языка и свойственны различным слоям последнего»¹. Аналогичные утверждения имеются и в кандидатской диссертации В. Д. Романовской, которая пишет, что словосложение, как тип словообразования прилагательных, возникло в древнерусском языке под влиянием церковнославянского языка, из которого было заимствовано немалое количество слов. В последнем много сложных слов передавалось как результат перевода с греческого языка².

С этими утверждениями никак нельзя согласиться. Положения В. Д. Романовской и З. П. Доновой не кажутся убедительными в свете анализа употребления словосложения в разных сферах и стилях (см. стр. 25—34).

Крупные языковеды нашей страны давно указывали и на другие пути возникновения словосложения. Так, еще Ф. И. Буслаев в своей исторической грамматике подчеркивал, что «в просторечии употребляется много слов чисто русского сложения»³. Такой тонкий исследователь русского языка, как В. А. Богородицкий, наряду с заимствованиями отмечал в системе языка «природные сложения»⁴. В 1953 г. появилась работа В. И. Пономарева, к сожалению, не законченная из-за смерти автора, — «История сложных слов в русском языке», в которой автор исследовал сложные слова в «Трехязычном лексиконе» Ф. П. Поликарпова, уделяя основное внимание вопросам калькирования и соотношения русских сложных слов с греческими. В. И. Пономарев увидел в «Трехязычном лекси-

¹ З. П. Донова, Сложные прилагательные в современном русском литературном языке, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1950.

² В. Д. Романовская, Словообразование прилагательных в древнерусском языке, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1953.

³ Ф. И. Буслаев, Опыт исторической грамматики, ч. I, М., 1858, стр. 153.

⁴ В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, М.—Л., 1935, стр. 95.

¹ «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», М., 1833 (Роспись кому именем и за какую вину какое наказание было о приезде в Тобольск воевод князя Петра Ивановича Крамского да Федора Ивановича Ловчикова да дьяков Ивана Трофимовича да Андрея Галкина, стр. 29).

² «Материалы по истории Татарской АССР». «Писцовые книги города Казани 1565—1568 и 1646 гг.», изд. АН СССР, Л., 1932.

³ E. Dickmann, Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen, Leipzig, 1934.

⁴ V. Jagić, Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten, «Archiv für slavische Philologie» XX—XXI, Berlin, 1898—1899.

коне», который своим обилием греко-латинских параллелей мог бы, казалось, заслонить чувство правильного пути у исследователя, национальные корни словосложения в русском языке и отмечал, что наряду со сложными словами-кальками в древнерусском языке «имелось много оригинальных русских слов»¹.

Есть основания предположить, что хотя греческое, старославянское и немецкое словосложение стимулировало развитие сложных слов в русском языке, но история их образования лежит в глубинах русского языка, ибо такие композиты, как например, *борщед* (КДС), *портмоя* (КДС), *самосад* (КДС), *солноворот* (КДС), *солнцепок* (КДС), *двухжильный* (КДС) и другие, возникли по законам внутреннего развития русского языка и отразили его специфику.

На правильном пути в решении этого вопроса стоит Т. В. Собанская, исследующая «Типы сложных прилагательных в языке русской письменности XI—XVIII веков»². Т. В. Собанская, следуя за Ф. И. Буслаевым и В. Богородицким, приходит к выводу: «Есть основания предполагать, что в русском языке имеются сложные слова, выросшие на основе народного языка, а также и то, что способ образования сложных слов посредством основосложения был свойствен искони русскому языку»³.

Выводы об исконном происхождении сложных слов подтверждаются и наличием сложных прилагательных, характеризующих и названия лиц: *новокрещен*⁴ (стр. 26), *инородцы*⁵ (стр. 89, 91), *самопальный* мастер⁶ (стр. 172) и других, возникших в древности и возникающих в более поздние эпохи.

¹ В. И. Пономарев, К истории сложных слов в русском языке, «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», IV, 1953, стр. 44—58.

² Т. В. Собанская, Типы сложных прилагательных в языке русской письменности XI—XVIII вв., Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ростов-на-Дону, 1951.

³ Там же, стр. 22.

⁴ «Материалы по истории Татарской АССР». «Писцовые книги города Казани 1565—1568 и 1646 гг.», Л., 1932.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Глава 2

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СЛОВСОСЛОЖЕНИЯ

Национальное своеобразие словосложения прежде всего заключается в том, что это явление свойственно далеко не всем языкам мира. В тех языках, где словосложение имеется, оно является могучим средством пополнения словарного запаса и совершенствования грамматического строя языка. Таким образом, изучение словосложения является одной из актуальнейших проблем современного языкознания.

Об интенсивности и качественном своеобразии словосложения в русском языке писал Н. Г. Чернышевский, который, развивая мысли своего учителя И. И. Срезневского, в статье, посвященной вопросам словообразования, отметил, что русский язык обладает исключительно богатыми средствами словообразования. «Словопроизводство в русском языке... отличается сравнительно с тою же стороною в других новейших европейских языках гораздо большим разнообразием. Можно даже сказать, что русский язык подобно (некоторым) другим славянским наречиям развил в себе много таких способов произведения слов, которые остались малоразвитыми в греческом и латинском языках, по богатству словопроизводственных способностей, стоящих несравненно выше новых европейских языков»¹.

Удельный вес словосложения в различных языках неодинаков, на что обращали внимание многие исследователи. Так, например, Х. Вайль писал: «В языках групп и семей языкоосложение занимает разное место, играет разную роль и имеет свои особенности»². Об исключительном

¹ Н. Г. Чернышевский, О словопроизводстве в русском языке. Полное собрание сочинений, т. 11, 1949, стр. 815.

² H. Weil, De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes, Paris, 1844.

значении словосложения в немецком языке говорил Е. Дикенман, который утверждал, что «в немецком языке словосложение является излюбленным средством словообразования»¹.

Е. Дикенман в этом же труде подчеркивает, что в языке шел процесс словосложения, который затем в каждом отдельном языке развивался собственными путями. В санскритском языке сложные слова были одной из распространенных форм словообразования. Много их в греческом языке, славянских языках, в германских языках, но значительно меньше их в латинском языке, а литовский язык совсем не знает сложных слов. Е. Дикенман утверждает, что романские языки менее способны к образованию сложных слов сравнительно со славянскими. Это подтверждает и такой крупный исследователь, как А. Доза, который отмечает, что «словосложение имеет во французском языке наименьшее значение. Из всех трех видов словообразования различные категории сложных слов представлены почти в одинаковой пропорции в разные периоды»².

Таким образом, А. Доза подчеркивает не только малую продуктивность словосложения во французском языке, но и статичность этого процесса.

Об особенностях образования сложных слов в английском языке говорит И. В. Арнольд, который в своей «Лексикологии современного английского языка» замечает, что «сложные слова и близкие к ним устойчивые словосочетания составляют более половины всех неологизмов в современном английском языке»³.

Что касается вопроса об интенсивности и распространенности словосложения в отдельных славянских языках, то в лингвистической литературе наблюдается значительное расхождение мнений по этому вопросу.

Еще И. И. Срезневский заметил, что «в сложении слов и в образовании выражений всего более, всего разнообразнее высказывается зиждительная сила каждого языка...»⁴. В процессе словосложения в каждом отдельном языке про-

являются общие черты, обусловленные генетическим родством с другими языками, и черты национального своеобразия того или иного языка.

До сих пор многие ученые утверждали, что существует национальная специфика в области словосложения, но эти утверждения носили более декларативный характер. Младограмматики, пользуясь этимологическим методом, пытались создать единую классификацию сложных слов для всех индоевропейских языков, без учета их национальной специфики.

Эдуард Сепир, в противоположность младограмматикам, стремился выделить разнообразие типов сложения в различных языках, сопоставляя данные английского, ирокезского и нахуати языков¹.

Сравнивая факты индоевропейских языков, нельзя не отметить национальную специфику языка, которая сказывается в том, что словосочетание одного языка соответствует словосложению в другом языке. Например, факты картотеки русско-голландского словаря 1717 г., хранящейся в Институте русского языка Академии наук СССР, показывают, что часто словосочетанию в русском языке соответствуют сложные слова в голландском.

Русский	Голландский
Ложа смертная	Doodbet (стр. 40)
Лунное сияние	Maaneschyn (стр. 116)
Лунный свет	Maanlicht (стр. 116)
Масло с хлебом	Boteram (стр. 28)
Мгновение ока	Oogenblik (стр. 135)
Полномочная грамота	Magtbrief (стр. 135)
Многочисленный	Vlaag (стр. 51)
дождь...	
Место к сидению	Sitpaaz (стр. 44)

Следует отметить, что в ряде случаев имеются и параллельные употребления сложных слов в обоих языках:

Мышелов (западня)	Muyreval (стр. 124)
Кровопролитие	Bloedbat (стр. 22)
Отцеубийство	Vadermord (стр. 214)

¹ Э. Сепир, Язык, М.—Л., 1934, стр. 52—53.

¹ E. Dickenmann, Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen, Leipzig, 1934, стр. 16.

² А. Доза, История французского языка, М., 1956, стр. 158.

³ И. В. Арнольд, Лексикология современного английского языка, Изд. литературы на иностранном языке, М., 1959, стр. 304.

⁴ И. И. Срезневский, Замечания об образовании слов из выражений. Сб. ОРЯС, т. 10, Спб., 1873, стр. XVIII.

Аналогичные процессы наблюдаются также и при сравнении отдельных славянских языков друг с другом, например при сравнении русского языка с польским в русском языке нередко наблюдаются словосочетания, которым в польском соответствуют сложные слова.

Русский	Польский
Мгновение ока	Okamgnienie
Добрый день	Dziendobry
Воскресение из мертвых	Zmartwychwstanie ¹

Расположение компонентов в словосочетаниях и композитах разное. Необходимо помнить при этом, что словосложение, сравнительно с словосочетанием, является более высоким этапом абстракции. Так, Г. О. Винокур подчеркивал, что «сложные слова нужны не только для удовлетворения потребности в новых словах, но также и потому, что очень часто действительно существует потребность выразить две идеи в одном слове»². Видимо, дело не только в экономии средств языка, но и в том, что на основе абстрагирующих факторов создается новая качественная единица языка, отличающаяся цельнооформленностью, а иногда и новой семантикой. Иногда даже в родственных языках словосочетание одного языка соответствует сложному слову в другом.

По мнению акад. В. В. Виноградова, при превращении словосочетания в «слитное слово» «происходит утрата словосочетанием своего синтаксического качества, из прежних слов образуется единое нерасчленное, непроеизводное слово».

Итак, к числу явлений, характеризующих национальное своеобразие языка, следует отнести способность обозначать определенные понятия сложными словами или словосочетаниями (при этом сравнению должны подвергаться только факты одной эпохи разных языков).

Сложные слова, как уже было отмечено, образуются двумя основными путями: 1) из словосочетаний и 2) по моделям, уже существующим в языке. Причем слов, об-

¹ И. Лось, Сложные слова в польском языке, Спб., 1901.

² Г. О. Винокур, О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. Сб. статей по языкознанию, т. V, МИФЛИ, 1939, стр. 46.

разующихся по моделям, значительно больше, чем слов, возникающих на базе словосочетаний, хотя порой трудно отличить первые от вторых. Е. Дикенман¹ показывает, как во многих случаях образование сложных слов идет по моделям, существующим в языке. Например, *древосечец* не сложное слово от *древ* и *сечец*, а суффиксальное от слова *дровосек*, так же и *пароходство* образовалось не от *пар* и *ход*, а от *пароход*.

Границы между сочетаниями и сложным словом очень зыбки. На это обратил внимание и А. И. Томсон: «В живом языке существует много более или менее тесных словосочетаний, которые находятся на пути к образованию одного сложного слова»².

Вторым фактором, характеризующим национальное своеобразие языка, является взаимоотношение сложений и сращений в лексико-грамматической структуре. Н. М. Шанский, например, отмечает, что в чешском языке чаще, чем в польском, в аналогичных случаях употребляются сращения вместо словосложений. Об этом же еще раньше писала и Е. Б. Козьминская в своей диссертации, в которой сравниваются чешские и русские композиты (в дальнейшем термин «композит» будет являться общим, объединяющим и сложения и сращения). Например, русским сложениям в чешском соответствуют сращения.

Русское	Чешское
Солеварня	Soliwarna
Звероловец	Zveřilovec

Вопрос о дифференциации сложений и сращений имеет свою давнюю историю. Наиболее четко разграничил их Я. Grimm, который выделил среди композитов две группы: 1) *eigentliche Composition*, т. е. сложения или истинные сложения, и 2) *uneigentliche Composition*, т. е. несобственно сложения или ложные сложения.

Первый тип сложных слов, по мнению Я. Гримма, является древнейшим типом словосложения, он восходит к эпохе дефлексивного строя. Формальным признаком его, хотя бы на первоначальной стадии развития, является глас-

¹ E. Dickmann, Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen, Leipzig, 1934.

² А. И. Томсон, Общее языкознание, Одесса, 1906, стр. 342.

ный *о/е*, который соединяет воедино компоненты сложного слова.

Несобственно сложения (или сращения. — Е. В.), по мнению Я. Гримма, появились на более поздней стадии развития языка. Но Я. Гримм видит своеобразие сложений и сращений не только в разной хронологической последовательности их появления в языке. Он указывает и на разные пути их возникновения. Только сращения он возводит к словосочетаниям. Далее Я. Гримм устанавливает и семантические различия сращений и сложений. По его мнению только сложения имеют значение, отличающееся от суммы значения их компонентов.

Аналогичную теорию развивает и Б. Дельбрюк¹. Он говорит о собственно сложных словах, которые возникли в эпоху, когда отсутствовали еще флексии и когда основа соединялась с основой.

Эти положения Я. Гримма и Б. Дельбрюка получили дальнейшее развитие в работе И. Я. Лося «Сложные слова в польском языке» (Спб., 1901, стр. 27). Я. Гримм, Б. Дельбрюк и И. Лось, выделяя генезис сложений и сращений, воздвигали между ними непроходимую стену. И. Лось, например, прямо считает, что сращение никогда не переходит в сложение, и наоборот.

Между тем в истории языкознания встречается и другая точка зрения, представленная Л. Тоблером² и К. Бругманом³, которые полагали, что граница между сложениями и сращениями зыбка и неустойчива.

Наблюдения над фактами письменных памятников XV—XVII столетий показывают, что действительно сложения и сращения не так резко отграничены друг от друга, как это утверждал И. Лось. Например, в Хронографе 1512 г. обнаружено сложное слово *челомбитье* в следующем контексте: «Князь же великий восполѣлся на них и на очи себѣ итти не велѣлъ, понеже бо умедлиша придти с *челомбитіем*»⁴. В «Судеб-

¹ B. Delbrück, Grunfragen der Sprachforschung..., Strassburg, 1901.

² L. Tobler, Über die Wortzusammensetzung nebst ein Anhang über die verstärkenden Zusammensetzungen, Berlin, 1868.

³ K. Brugmann und B. Delbrück, Grungriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, II, zweite Aufgabe, Strassburg, 1897—1916.

⁴ Полное собрание русских летописей, т. 22, Спб., 1911, стр. 493—494.

нике» 1550 г. также встречался композит *челомбитье*, отмеченный В. М. Марковым¹. Но в «Уложении» Алексея Михайловича 1649 г. многократно употребляется только слово *челомбитье*, но нет ни одного случая употребления слова *челомбитье* (с сохранением флексивных примет). Здесь налицо соединительная гласная *о*, которая свидетельствует о том, что это типичное сложное слово, возникшее из старого сращения и возможно в течение ряда веков употреблявшееся параллельно с ним. Аналогичный пример имеется в актах, относящихся к истории Соловецкого бунта XVII века. В них упоминается о священнике Геронтии «...который пророчествовал *свету преставление*»². Словосочетание *свету преставление* дало впоследствии *светупреставление* (КДС) и его вариант *светапреставления* (КДС), а впоследствии это сращение стало сложным словом *светопреставление*.

О том, что нельзя провести твердую и незыблемую границу между сложными словами, с одной стороны, и сращениями — с другой, свидетельствует, во-первых, вариантное употребление тех или иных форм в одних и тех же памятниках или в памятниках разных эпох и, во-вторых, наблюдающееся в процессе исторического развития вытеснение сращений сложениями. Интересные выводы можно сделать, сопоставляя сложные слова и сращения в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и в картотеке ДС.

Сращения

Сложения

Братоучада (КДС) (Хр. И. Мал., XV—XVII, 481)
Вертипрахъ (КДС) (Указ. Арс. Высоцк., 1584, 27)

Браточада (КДС)
Вертопрашество (КДС)
Вертопрашка (КДС)
Вертопрашный (КДС)
Вертопрашно (КДС)

Землимеритель... (Срезн., I, 971)

Землемерие (КДС)

Землимерный... (Срезн., I, 971)

Землемерие (КДС)

Домувладыка (КДС)

Домовладыка (КДС)

¹ В. М. Марков, Формы имен в языке судейников XV—XVII вв. Кандидатская диссертация, 1955, стр. 5.

² «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1883, кн. 4 (Акты, относящиеся к истории Соловецкого бунта, стр. I и далее).

О том, что часто невозможно отличить сложное слово от сращения без предварительных исторических изысканий, свидетельствуют факты, приведенные выше. Поэтому, вместо общепринятой терминологии — 1) «сложные слова» и 2) «сращения», впредь будут использованы термины: 1) «компози́ты без соединительной гласной» и 2) «компози́ты с соединительной гласной».

Аналогия, опрощение, переразложение, гаплоглогия, метатеза, эллипс при словосложении часто изменяют первоначальный вид слова. Поэтому за частую отделить так называемое сращение от сложения уже невозможно. Например, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского имеются: *домачадльць*, *домочадьць*¹. Таким образом, параллельно по форме наблюдаем то сращения, то сложения. Интересные примеры приведены в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневским на композиты с первым компонентом *вод*: *водо-обаждь* (I, 278), *вододьржа* (водоем) (I, 278), *водокрещение* и *водокрещи* (I, 278), *водоливъ* (I, 278), *водольиць*, *водолъй* (I, 278), *водоносъ* (ведро) (I, 278), *водостъланнь* (I, 278), *водоносъць* (I, 279), *водопища* (I, 279), *водотеча*, *водотечь* (I, 279), *водотоца* (протокъ) (I, 279), *водоточъница* (водоем) (I, 279), *водочьръ* (водонос) (I, 279), *водульиць* (I, 279), *водульънай* (I, 279).

Из пятнадцати указанных выше слов тринадцать сложений вышли из употребления в современном русском языке, а два древних сращения — *водульиць* и *водульънай* — превратились в сложение *водoley*. Возможно, что сохранению их способствовала терминологизация. Эти примеры свидетельствуют о том, что между сращениями и сложениями нет непроходимой стены. Они переходят друг в друга. Встречается, например, и параллельное употребление слова *путишествие* с флексивной пометой и *путишествие* (КДС). Совершенно ясно, что в связи с этим можно поставить вопрос о наличии соединительного гласного *о/е* первичного, или исконного, и вторичного происхождения, возникшего по аналогии. Таким образом, наличие или отсутствие соединительного гласного также является приметой национального

¹ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 697, 699.

своеобразия языка. И. В. Арнольд указывает на то, что «сложные слова, в которых основы связаны соединительной гласной или согласной, встречаются в английском языке очень редко»¹. Но это не единственная примета. Ее можно принять во внимание только в том случае, если на разных этапах исторического развития языка имеют место разные композиты и при учете разного характера их построения.

Вопрос о происхождении соединительного гласного и его структурной роли в сложном слове имеет длительную историю. В настоящее время общее признание получила гипотеза К. Бругмана, в дальнейшем развитая В. Ягичем, Ф. Миклошичем, Н. Погодиным, И. Лосем и др. В последние годы над этим вопросом работали М. Д. Степанова и Т. Б. Козминская и др. Суть ее заключается в том, что словосложения типа *медведь*, *ночлег* не имели соединительного гласного *о/е*, о чем в свое время говорил еще Я. Grimm. Этот соединительный гласный в сложных словах возник на более поздней стадии развития, когда развилась флексия. Его происхождение связано с судьбой имен существительных с основой на *ѡ*. Позже по аналогии он распространился и на другие композиты, в первую очередь (как утверждает Т. Б. Козминская²) он возник в композитах с основами на согласный. Постепенно такому воздействию со стороны основ на *ѡ*, которое после мягких и смягченных согласных чередовалось с *е*, подверглись все остальные основы.

Ученые по-разному решают вопрос о том, к какому из компонентов сложного слова следует отнести это *о* или *е*. Одни ученые утверждают, что, поскольку генетически *о* принадлежит первому компоненту, его следует считать элементом первой части сложного слова. В наши дни этой концепции придерживается В. Григорьев, по мнению которого, например, слово *лесозаготовки* в современном русском языке можно распространить в словосочетание *лесто заготовки*. По-видимому, В. Григорьев в данном случае неправ. Он смешивает словосочетание и словосложение. А вопросы генезиса необходимо отличать от функции:

¹ И. В. Арнольд, Лексикология современного английского языка, М., 1959, стр. 153.

² Т. Б. Козминская, Сложные слова в современном чешском языке, Киев, 1955. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

гласная *о/е* — это органическая с к р е п а, соединяющая воедино оба компонента сложного слова.

Следующим фактором, определяющим национальную специфику языка, является расположение компонентов, порядок их следования друг за другом внутри сложного слова. Даже в родственных языках, таких, как восточнославянские, в ряде случаев налицо различия в порядке расположения компонентов (ср. русское *медведь* и украинское *відмедь* или *ведмедь*).

О том, что расположение компонентов внутри сложного слова характеризует национальную специфику языка, показывают и факты калькирования. В древнерусском языке встречается большое количество калек с греческого языка с изменением первоначального словоупорядка.

Греческий
Φιλοδοξιας
Φιλαδερσ

Русский
Славолюбе
Братолюбие

Интересно также сравнить порядок расположения компонентов в немецком и русском языках.

Русский
Живорыбный садок
Самогон

Немецкий
Fischenbchalter Satzgefüge
Hausbranntwein,

где порядок следования частей резко отличен. Но одновременно следует отметить и примеры полного соответствия следования компонентов в немецком и русском языках.

Русский
Добросердечие
Жизнерадостность
Жизнеописание
Рукоделие
Водобоязнь
Водовоз
Домовладелец
Самопишущий
Сердцебиение

Немецкий
Gütherzigkeit
Lebensfreude
Lebensbeschreibung
Handarbeit
Wasserscheu
Wasserführer
Hausbesitzer
Selbstschreibend
Herzklopfen

Выдвигая проблему изучения национальной специфики языка в области словосложения, следует подчеркнуть, что национальное своеобразие языка может быть выявлено при изучении взаимодействия словосочетания и словосложения, при учете генезиса и последующего взаимовлияния словосложения и сращения, при наблюдениях над явлениями словоупорядка (основоупорядка), при изучении истории и роли соединительного гласного *о/е* в сложном слове, при наблюдениях над взаимодействием и взаимовлиянием словосложения и аффиксации. Выяснение всех этих вопросов не только поможет уяснить национальное своеобразие словосложения, но и более конкретно решить проблему его диахронного изучения. Однако нельзя ограничиваться рассмотрением только одной из этих примет. Надо брать их все во взаимоотноисленности и связи.

Прав В. Н. Троицкий, утверждающий, что «раскрыть механику построения слов (этот живой, постоянно действующий в языке процесс), описать существующие словообразовательные типы и приемы создания по ним новых слов, исследовать, какие из этих типов — шаблонов (лучше сказать — моделей. — Е. В.) являются живыми, т. е. такими, по аналогии с которыми сейчас строятся новые слова, а какие мертвыми, т. е. перестали уже служить образцами для построения слов, показать, как в отдельных случаях происходит изменение, переразложение в основах слов и как отсюда появляются новые морфемы и новые способы образования слов, выяснить, как и когда словосочетания... превращаются в слова, а также, по каким путям идут семантические сдвиги в словах, обычно приводящие в конечном счете к новым словам, — вот важнейшие вопросы, которые включает в себя обширная область словообразования»¹.

Разумеется, не следует толковать интенсивность и глубину процессов словосложения как факт приоритета или преимущества одного языка над другим. По этому поводу Эдуард Сепир справедливо заметил, что «многим из языков (лишенным способности словосложения) не только не чужды сложнейшие словообразо-

¹ В. Н. Троицкий, Основные принципы словообразования, «Ученые записки Первого ленинградского государственного педагогического института иностранных языков», т. I, Л., 1940, стр. 304.

вания, но, наоборот, свойственны такие формы синтеза, которые далеко превосходят то, на что способны греческий язык и санскрит¹ это языки, в которых словосложение представлено в исключительном богатстве и своеобразии. Но в то же время необходимо отметить, что в тех языках, где словосложение имеется, изучение его должно вестись как в сравнительно-историческом плане с привлечением фактов разных языков, так и в диахронном плане в каждом отдельном языке, так как в языке идет процесс исчезновения одних композитов, изменение значения других, появление третьих. Так, например, в древнерусском языке в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского зарегистрированы сложные слова: *борзогоий*, *борзоречивый*, *борзописецъ* — скорописецъ (см.: «Посади два попа *борзописца* вельми», Никоновская летопись, I, 28). Все эти слова, на определенном этапе исторического развития языка, вышли из употребления в связи с утратой первого компонента *борзо* (в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. он имеет помету «старин.»). Из них в современном русском языке сохранилось только слово *борзописецъ* с ироническим оттенком (см. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова), а в «Словаре современного русского литературного языка» (изд. АН СССР, т. I, М., 1948) нет ни одного сложного слова с компонентом *борзо*.

Интересно проследить судьбу сложных слов с первым компонентом *веле*, широко употреблявшимся в эпоху позднего средневековья (XV—XVI вв.). Так, например, в сибирских летописях встречается слово *велеумный* («*велеумный* и храбрый Ермак Тимофеевич убиень бысть», стр. 38, 39, 93). Слово *велеумный* встречается и в более поздние эпохи. Например, в истории Карамзина читаем: «Таковъ былъ великий князь Василий, правитель *велеумный*» («История Государства Российского», VII, 228). По данным «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского можно установить, что слова с первым компонентом *веле* были широко распространены в древнерусском языке: *велегласно*—*вельгласно*, *велегласовати*—*вельгласовати*, *велегласный*—*вельгласный*, *веледушье*—*вельдушье*, *веледушный*—*вельдушный*, *велельпье*—*вельпельпье*, *велельпы*—*вельльпы* и *вельльпыны*, *велемудрый*, *велеокий*,

велеръчевати, *велеръчевый*, *велеръчье*, *велеслава*, *вельгласнѣ*, *вельмиенный*, *велькрылый*, *вельльпота*, *вельльпотный*, причем количество слов, заимствованных из церковнославянского стандарта, не уменьшается в русском средневековье. Наоборот, второе южнославянское влияние, развитие стиля «извитие словес», а впоследствии культивирование «еллино-славянских стилей» (позже в XVII веке привело к тому, что в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1867 г. мы имеем свыше двадцати слов с первым компонентом *веле*, большая часть которых имеет помету «церк.».): *велеглаголанье* (церк.), *велегласный* (церк.), *велегласити* (стар.), *велегласье* (церк.), *велегласно* (церк.), *велегласный* (церк.), *веледушье* (церк.), *веледушно* (церк.), *велельпье* (церк.), *велельпка* — растение, *велельпно* (церк.) — прекрасный, великопепный, *велельпы* (церк.), *велельпота* (церк.), *велельпъ пышный* — растение, *велемудрено* (церк.), *велемудренный* (церк.), *велемудрие* (церк.), *велемудро* (церк.), *велемудрствовать* — рассуждать с великой мудростью, *велемудрый*.

Интересно отметить, что в процессе исторического развития исчезли слова с конкретным значением типа *велеоки* и *велекрылы* и увеличилось количество абстрактных слов. Рядом с композитом, в котором первым компонентом было *веле* (церк.), в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1867 г.) имелись дублиеты с компонентом *велико* типа *веледушье*—*великодушье*. Эти дублиеты употреблялись почти в равном количестве. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова встречается только одно слово *велеречивый* со стилистической пометой (книжн. устарел. или иронич.) — высокопарный, напыщенный¹, но рядом с ним помещены девятнадцать слов с дублетом *велико*, например: *великопепный*, *великорусс*, *великодушье* и другие. В процессе исторического развития церковнокнижный компонент *веле* в составе сложных слов исчез, исчезли и композиты, им образованные, которые были заменены сложными словами с первым компонентом *велико*, получившим распространение в современном русском языке. Таким образом, синонимическое существование двух слож-

¹ Э. Сепир, Язык, Л., 1934, стр. 51—52.

¹ Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 242.

ных слов типа *веледушье* и *великодушье*, которые обычно употреблялись в разных стилях еще в XVIII столетии, закончилось тем, что остались только сложные слова с первым компонентом *велико*.

То же самое можно сказать и о слове *рудометка*¹, употреблявшемся в XVI—XVII вв. В последующие эпохи сохранились сложные слова типа *рудометъ*, *рудометка* (женщина, пускающая кровь), *рудометный*².

Следует отметить, что в словаре 1867 г. сохранились два дублета — *рудометание* и *кровопускание*. В процессе исторического развития один из них в литературном языке вышел из употребления в связи с утратой слова *руда* в значении «кровь». В современном литературном русском языке сохранились только сложное слово *кровопускание* и производные от него.

Подобным образом вышли из употребления и слова *бълопашец* (КДС, Писцовые книги, 1627 г.), *бълопомыстец*. Эти слова, которые в современном русском языке являются историзмами, некогда обозначали лиц, освобожденных от взимания поземельных податей.

Некоторые из композитов вышли из употребления вследствие вытеснения одного синонима другим (ср. *велелѣпный* и *великолепный*), причем архаический церковный элемент в сознании говорящих и слушающих, теряющий внутреннюю форму и свое значение, легче подвергался деформации, вследствие чего быстрее исчезал композит, в состав которого входил тот или иной компонент.

В других случаях древнерусское слово *рудометие* заменилось *кровопусканием* в связи с тем, что один из компонентов, свойственный древнерусскому языку и бытовавший в профессиональном употреблении, исчез.

Вышло из употребления и слово *средовѣче* (КДС), которое в древнерусском и русском языке обозначало средний возраст человека: ср.: «Преобразуя господь богъ житие человеческое: десять лѣтъ исполнится рождение, 20 лѣтъ юноша, 30 лѣтъ свершение, 40 лѣтъ *средовѣчье*, 50 лѣтъ седина, 60 лѣтъ старость» («Ложные и отреченные книги XV—XVI вв.», 13, КДС), хотя в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1867 г.) еще можно

¹ И. Забелин, Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв., М., 1869.

² Словарь церковнославянского и русского языка, 1867, стр. 156.

встретить слово *срѣдовѣчье* с пометой (старин.). Ср.: «Средние лета человека» и гнездо слов, относящихся к первому: *средовичь*, *средовикъ*, *средовечный* «мужь», — находящийся в *середине века* от двадцати девяти до тридцати пяти летъ, оттоле *средовѣчень*¹.

Вышло из употребления и слово *селетний* в значении «нынешнего года». Так, например, в жалованной грамоте великой княгини Марии Ярославны... монастырю, читаем: «Да велѣль бы если переписать жито старое монастырское и *селѣтнее*»².

В словаре 1867 г. *селѣтний* с пометой «старин.» объясняется как «относящийся к нынешнему лету» (т. II, стр. 244).

Можно было бы увеличить количество сложных слов, употреблявшихся в памятниках XVI—XVII столетий и вышедших из употребления в наши дни, но и вышеприведенных примеров достаточно.

Следует остановиться и на вопросе о расположении и основ внутри сложного слова.

Связь компонентов внутри сложного слова отнюдь не произвольна. Она обусловлена значением входящих в композит частей, их лексической сочетаемостью и грамматической структурой. Когда эта связь теряется, тускнеет значение слова, и оно становится непонятным или приобретает новое значение. Так, можно проследить модификацию значений отдельных компонентов в сложном слове *полеводы* (см. стр. 27).

В процессе исторического развития могут изменять значение отдельные компоненты сложного слова, могут исчезать и целые модели словообразования. На это в свое время обратил внимание и И. Бодуэн-де-Куртенэ, который подчеркнул, что в польском языке «замечательна при этом безразличность первой части: одно и то же лицо зовут и Bogdān (Богданъ), и Bogodān, и Bogudān, и Boteslāv, и Bolislāv, и Domarād, и Domorād, и Domerād. В современном восточнославянском языке, кроме композитов с первым компонентом, еще сохранились показатели числительных: трехлетний, пятилетка... двадцатиметровый, еще сохранились показатели былых синтаксических уже

¹ КДС, Оп. рук. Русск. муз., стр. 4; Словарь церковнославянского и русского языка, т. II, 1867, стр. 444.

² «Дополнение к актам историческим», т. I, 1846, стр. 14.

не существующих моделей, по которым образовались новые сращения»¹.

Продуктивность словообразовательных моделей обычно очень устойчива и изменяется крайне медленно. Например, такие слова, как *медвѣдь* (КДС), *медвѣдица* (КДС), *медвѣжий* (КДС), дошли до нас в неизменном виде еще из недр общеславянского языка. В то же время некоторые компоненты могут существенно изменяться и, как правильно отметили Л. А. Шеляховская и Т. А. Бердгаев, «типы продуктивные в древнерусском могут стать непродуктивными в современном русском языке». Например, существительные с именной основой в первой части и с глагольной безсуффиксальной основой во второй части, такие, как *вѣстоноша*, *мехоноша*, *зубоежа*, *водоточа*, *сновижда*, *вододержа*, *рукомоя* и другие, — продуктивные в древнерусском языке, в современном языке представлены единичными примерами, ср.: *книгоноша*, *горемыка*².

Выше было показано (см. стр. 42—44), как сращения одной эпохи переходят в сложения в другую эпоху.

По памятникам русского языка можно проследить и появление сложных слов из словосочетания. Например, в картотеке древнерусского словаря встречаем *въ своа си* в контексте: «Разидеся *въ своа си*» (кн. Енохова, I, XIII (XV)).

Интересно отметить, что в процессе исторического развития сначала соединились в композите местоимения, а позже — предлог. Так, в «Задонщине» находим: «Он же (Мамай. — Е. В.) нечестивый крикнувъ и рече: коль велика сила моя, аще сего не одолѣю, то како могу возвратиться *во свояси*»; ср.: современное *восвояси*.

Сравнительно легко по памятникам разных эпох прослеживается и появление сложного слова *повседневный*, которое еще в XVI в. представляло из себя словосочетание. Так, например, в «Стоглаве» мы читаем: «А за тебя милостивый къ намъ добродѣтеля должны *ипо вся дни* молебствовать»³, или: «*Повседневной* литьи пѣти неотложно»⁴.

¹ И. Бодуэн-де-Куртенэ, О древнепольском языке до XIV столетия, Лейпциг, 1870, стр. 92.

² Л. А. Шеляховская и Т. А. Бердгаев, О продуктивных и непродуктивных существительных в современном русском языке, «Ученые записки Алма-Атинского педагогического института», т. II, вып. 5, Алма-Ата, 1957.

³ «Временник, Императорского московского общества древностей российских», кн. 7, М., 1850, стр. 72.

⁴ «Стоглав», изд. 2, Казань, 1887, стр. 83.

Количество сложных слов в языке растет от эпохи к эпохе, и глубоко прав был в свое время И. И. Срезневский, утверждавший, что число понятий народа умножается в уме народном, что они беспрестанно слагаются и разлагаются. Сложение и разложение понятий отражается в языке сложением и разложением слов. (Выше было отмечено, каким путем идет процесс возникновения композитов из словосочетаний.)

Сложные безаффиксальные и аффиксальные слова в процессе исторического развития могут превратиться в производные слова в том случае, если значение первого или второго компонента погаснет и основа полнозначного слова станет аффиксальной, в результате гаплогонии или других исторических процессов. Чрезвычайно интересна проблема взаимоотношения словосложения и аффиксации, о чем будет сказано в дальнейшем.

В процессе исторического развития можно видеть, как происходит процесс интеграции отдельных слов в сложное слово, которое затем может превратиться и в производное слово. В. Д. Аракин, следуя за своими предшественниками, подчеркнул: «Уже давно известно, что словообразовательные и словоизменительные аффиксы в основной своей массе восходят к самостоятельным словам, постепенно превратившимся в указанные аффиксы. Как слова, так и различного рода грамматические показатели представляют собой результат обобщения абстракции. Однако между словами и аффиксальными морфемами существуют глубокие различия. Первые представляют собой обобщения от предметов явлений и качеств, действий объективного мира, вторые — результат обобщения от реальных элементов языка, слов, взятых вне их лексических значений»¹.

В свое время это хорошо было показано И. Бодуэном-де-Куртенэ² (см. стр. 51).

А. Доза подчеркивает в книге «История французского языка», что «собственно словосложение заключается в агглютинации двух или нескольких слов, утрачивающих свою самостоятельность при образовании сложного сло-

¹ В. Д. Аракин, О превращении лексических единиц в аффиксальные морфемы, «Филологические науки», 1959, № 4, стр. 107.

² И. Бодуэн-де-Куртенэ, О древнепольском языке до XIV столетия, Лейпциг, 1870.

ва». При этом нередко происходит и процесс гаплогонии, в результате которого один из значимых компонентов сложного слова превращается в аффикс.

Аналогичные явления наблюдаются и в слове *разноличный* (И. И. Срезневский, «Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стр. 60). Это слово в словаре Срезневского имеет синоним *различный* (т. III, стр. 43). В данном случае подвергся деформации первый элемент и компонент *разно* превратился в приставку *раз-*.

Как указывает В. Л. Аракин: «В немецком языке мы... находим суффиксы -mann, -frau, -werk, -zeug, существующие наряду с существительными: Mann, Frau, Werk, Zeug. Однако степень обобщения, присущая этим суффиксам, различна. Так, суффикс -zeug участвует в образовании всего лишь нескольких слов Spielzeug (игрушка), Farezeug (судно) и некоторых других. Поэтому степень абстракции этих суффиксов достаточно мала. Суффиксы же -mann, -frau образуют значительно более многочисленную группу существительных, что позволяет говорить о большей степени обобщенности этих суффиксов. Вполне сложившимися суффиксами следует признать суффиксы прилагательных -reich, -vol, -frei, которые сосуществуют в языке наряду с прилагательными... Сходство суффиксов с отдельными словами показывает, что первоначально эти слова были использованы как компоненты сложных слов... Иными словами, в основе словопроизводства хотя бы отдельных суффиксов лежит словосложение. Широкое использование одного из упомянутых слов в качестве компонента многих сложных слов, получивших однородное значение по одному этому компоненту, привело в конце концов к выделению этого композита в сознании говорящего коллектива как элемента, с помощью которого можно образовать новые слова с данным значением, прежний компонент сложного слова, переосмысливаясь, обобщается и постепенно становится словопроизводным суффиксом»¹. При этом следует всегда помнить, что речь идет не об отдельном суффиксе, а о типах словообразования.

В процессе исторического развития в сложных словах наблюдается изменчивость их структуры. Например, очень распространенным является процесс гаплогонии

¹ В. Л. Аракин, О превращении лексических единиц в аффиксальные морфемы, «Филологические науки», 1959, № 4, стр. 110.

(примеры даны по материалам картотеки древнерусского словаря):

благовоняние	благовоние
розноличный	розличный
очесовидно	очевидно
бѣлопоместец	бѣломестец
великолепотье	великолепье
душепагубец	душегубец
новонабранных солдат	новобранных солдат

А. М. Пешковский отмечал генетическое родство словосочетания и аффиксации. «Слова так же состоят из «частей слов», как и словосочетания из целых слов»¹. Из вышедшего из употребления понятия, как сложное слово *очесовидно* превратилось в слово *очевидно*, как сложное слово *розноличный* превратилось в *розличный*. Производные слова в ряде случаев возникают из сложных слов. Так, в памятниках XV—XVII столетий существовало прилагательное *архангелогородской*, которое в процессе исторического развития превратилось в *архангельский*. Производная основа превратилась в непроизводную. Произошло «опрошение». Б. М. Яцимирский утверждал, что «при интегрировании в одно сложное слово многоморфемных слов возникают известного рода трудности, так как при сохранении всех элементов слагаемых слов получаются слишком громоздкие слова. В этих случаях язык идет по пути сокращения менее ценных в семантическом отношении словообразовательных элементов суффиксов и даже менее ценных корневых единиц»².

Итак, при возникновении сложных слов идет очень сложный процесс интегрирования двух сложных слов в одно, семантические изменения сложного слова, поблечение значения одного из компонентов, а это приводит иногда к трансформации одного из компонентов целиком или частично. Идет также беспрестанная утрата ста-

¹ А. М. Пешковский, Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика, Л., 1925, стр. 125—126 и 128.

² Б. М. Яцимирский, Развитие способов словосложения в русском языке советской эпохи, «Ученые записки Ивановского государственного педагогического института», 1924, стр. 29.

рых словосложений, появление новых и изменение уже существующих. Лексикализация и грамматикализация сложных слов приводит зачастую к тому, что они начинают восприниматься как производные. Так, трансформация сложного слова наблюдается в слове *вековечный*. В начале XVII столетия бояре, не заинтересованные в силе и мощи Российского государства, отдавали свои земли соседним государствам. Например, читаем: «Город Корѣла с уѣздомъ корунѣ Свѣйской (король шведский. — Е. В.) вѣковечную вотчину совокупить и соединить» (Договорные записки 1609 г.¹). В этих же материалах встречается и слово *вѣчный*: «Докончаша мир *вѣчный* по старой пошлинѣ» (Новг. I лет., 6831).

Вѣковечный употреблялось и А. С. Пушкиным, хотя в словаре языка Пушкина встречается лишь единичное употребление этого слова в узко ограниченном значении: *вѣковечный* — «сохраняющийся в веках, доселе проносились имена только тех из живых людей, которые воздвигнули себе *вѣковечные* памятники своими талантами². Обычным же для социального стиля и языка является употребление слова *вечный*.

Итак, в ряде случаев сложное слово в процессе исторического развития заменяется простым. Идет как бы сокращение элементов сложного слова. Но так бывает не всегда. Иногда наблюдается и обратный процесс образования безаффиксных слов префиксами и суффиксами. Например, слово *самозван* от причастного происхождения с суффиксом *н*, все больше субстантивируясь, приобретает суффиксацию. Нередко наблюдается при этом смешение, замена и взаимопереход частей речи. Например:

Самозванъ

Приде бо на нас царска повеления, не княжеска роду, но *самозванъ* от простых людей. (Сибирская летопись, 70).

Самозванец

Самозванец — принявший на себя самовольно чужое имя или звание („Словарь церковнославянского и русского языка“, т. II, 1867, стр. 185).

¹ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 484.

² Словарь языка Пушкина, т. I, М., 1956, стр. 227.

Первоженъ

Первожены — молодцы (Барсов, „Причитания Северного края“, П.).

Первоженец

Первоженец — женатый на первой жене. „И от знамени дают митрополичью десятильнику с *первоженца* алтын“ (Акты ист., I, 84). („Словарь церковнославянского и русского языка“, т. I, 1867, стр. 348).

Гололедъ

И тогда крестьяном небывше путь, но *гололедъ* без пути (Новг. IV лет., стр. 346 — 347).

Гололедица

Гололедица — тонкий ледяной слой, покрывающий землю после мелкого дождя или густого тумана („Словарь церковнославянского и русского языка“, 1867, стр. 571).

В ряде случаев в словосложениях изменяется род при присоединении аффикса и соответствующей флексии. См. выше: *гололедъ* — *гололедица*.

В заключение следует отметить, что процесс словосложения, растущий от эпохи к эпохе в различных стилях языка (в бытовом, деловом, научном, художественно-литературном), приобретает особое значение в наше время в связи с развитием научных и публицистических стилей, с развитием терминологической лексики. Одни сложные слова возникают мгновенно и существуют единично (окказиально). Таковы слова эпохи средневековья: *арфалютня* (КДС), *вепреслон* (КДС). Другие же слова, обладающие огромным полем семантического притяжения, возникают из словосочетаний в процессе длительного исторического развития. От них возникает большое количество новых слов (существительных, прилагательных, наречий). Чем употребительнее слово, чем шире его продуктивность, тем больше «отпочкований» от него. Отдельные слова создают гнезда, в которых встречается от десятка до сотни и выше слов. Наряду с восточнославянскими словосложениями типа *сенокос*, *хлебород*, *ледоход*, *ледолом*, *животновод* широко употребляются в современном русском языке, особенно в технической и научной терминологии, слова-«гибриды», в которых разные основы восходят зачастую к разным языкам.

Все это показывает рост и роль словосложения в современной науке, свидетельствует о том, что изучение законов словообразования, семантики и структуры сложных слов имеет огромное теоретическое и практическое значение в современном языкознании.

После аффиксации словосложение является наиболее продуктивным способом словообразования, а если учесть, что между словосочетанием и словосложением, с одной стороны, и словосложением и аффиксацией, с другой стороны, существует генетическая связь, то ясно, что от правильного решения коренных вопросов словосложения зависит правильное и глубокое изучение вопросов словообразования и национального своеобразия словосложения.

Глава 3

СЛОВСОЧЕТАНИЕ И СЛОВСОСЛОЖЕНИЕ

Проблема взаимодействия сложного слова и словосочетания является одной из самых актуальных в частном и общем языкознании.

В современном русском языке различают три основных типа словосочетаний: первый — именные, которые подразделяются на субстантивные и адъективные, второй — глагольные и третий — адвербиальные.

Классификация их производится по главному или стержневому слову словосочетания. Так, *радостный от возбуждения* будет адъективным словосочетанием; *героический подвиг* — субстантивным словосочетанием; *принять решение* — глагольным словосочетанием.

Словосочетания отражают национальное своеобразие языка и при общей устойчивости грамматического строя они все же подвергаются историческим изменениям: расширяется употребление определенных структурных типов, возникают новые модели словосочетания, угасают и выходят из употребления непродуктивные типы словосочетания. Нельзя не согласиться с В. В. Виноградовым и Н. Н. Прокоповичем, подчеркивающими, что необходимо диахронно изучить вопрос о словосочетаниях.

Продуктивность и распространенность разных типов словосочетания в разные эпохи исторического развития неодинаковы. История этого вопроса хорошо изложена в докторской диссертации Н. Н. Прокоповича¹.

Проф. Н. Н. Прокопович подчеркивает, что «адъективные словосочетания по сравнению с другими разрядами: глагольными и субстантивными, сложились в русском языке исторически позднее»².

¹ Н. Н. Прокопович, Адъективные словосочетания в современном русском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 1955.

² Там же, стр. 4—5.

Проблемы словосочетания волновали умы уже античных исследователей. Так, античный исследователь Аполлоний Дискол отметил, что «...согласованность или несогласованность заключается не в предметах, но в соединении слов, которые могут изменяться в должном направлении, между тем как предметы все время остаются теми же»¹. «Создатель синтаксиса александрийский грамматик Аполлоний Дискол (II век н. э.) понимал синтаксис... как учение о соединении слов»². Это подчеркивает и И. Троцкий, который, рассматривая атомистическую концепцию Демокрита, пишет, что в учении имелись три основных элемента: слово, словосочетание и предложение «...среднее место между именем и предложением занимает «речение» (σῆμα), т. е. словосочетание...»³. Об этом же говорит и С. Е. Меликова-Толстая, излагая стилистическую теорию Теофраста. Она считает, что у Теофраста имелись «...три главные раздела теории стиля: выбор слов, словосочетание и фигуры...»⁴.

Античные грамматисты уделяли большое внимание стилистическим функциям словосочетания. Это была для них живая категория. Дионисий Галикарнасский в фрагментах «О сочетании имен» отмечал, что «...не одни и те же употребляем мы сочетания слов в тех случаях, когда сердимся и когда радуемся, когда сетуем и когда страшимся, когда находимся в каком-нибудь горе или несчастье или когда мы думаем, что ничто не смутит нас и что ничто нас не опечалит»⁵. Он же утверждал, что «...в стилистике сочетание слов... занимает второе по порядку место, ведь ему предшествует учение о выборе слов»⁶.

Таким образом, в античных теориях наблюдается творческий подход к проблемам словосочетания. Античные ученые, александрийцы, не только понимали синтаксис как учение о соединении слов, но и изучали словосочетание

¹ «Античные теории языка и стиля», М.—Л., 1936, стр. 138.

² М. Н. Петерсон, Введение в языковедение, изд. 2-го МГУ, М., 1929, гл. X, стр. 3.

³ И. Троцкий, Проблемы языка в античной науке. В книге «Античные теории языка и стиля», М.—Л., 1936, стр. 18.

⁴ С. Е. Меликова-Толстая, Античная теория художественной речи. В книге «Античные теории языка и стиля», М.—Л., 1936, стр. 156.

⁵ Проблемы языка в античной науке. В книге «Античные теории языка и стиля», М.—Л., 1936, стр. 197.

⁶ «Античные теории языка и стиля», М.—Л., 1936, стр. 227—228.

в зависимости от семантической сочетаемости частей речи и грамматических категорий. Говоря о словах и словосочетаниях, Дионисий Галикарнасский указывал: «...ведь подобно тому как в живописи все живописцы пользуются одними и теми же красками, но смешивают их различно, совершенно таким же образом и в речи художественной и всякой иной словами всеми мы пользуемся одними и теми же, но сочетания им придаем неодинаковые»¹.

Глубоко творческий подход к проблеме словосочетания, который намечался у Дионисия Галикарнасского, у Аполлония Дискола и его сына Геродиана (II век н. э.), был забыт в эпоху средневековья.

В средние века начинает господствовать всеобщая грамматика с едиными для всех языков универсальными правилами, высшим выражением которой явилась французская грамматика Антуана Арно (1612—1694 гг.). В ней наблюдается недопустимое отождествление грамматики и логики². Это формально-логическое направление находит себе дальнейшее развитие в трудах немецкого профессора Карла Фердинанда Беккера, учение которого опирается на философскую систему Гегеля. Представители логического направления все категории языка неправильно отождествляли с категориями формальной логики и, ставя знак равенства между предложением и суждением, стирали национальное своеобразие языкового развития, утверждая, что для всех языков имеется единый путь синтаксического строя. Они же объединяли в одном понятии словосочетание и предложение.

В России наиболее ярким представителем логического направления был Ф. И. Буслаев, который также отождествлял предложения и суждения, но блестящее знание фактического материала, тщательное изучение древнерусского языка и внимание к его стилистике уберегли Ф. И. Буслаева от крайностей логического направления, которое, впрочем, за ним стали развивать его последователи, не имеющие ни его филологической подготовки, ни его языкового чутья, ни его исключительной эрудиции в области стилистики.

¹ «Античные теории языка и стиля», М.—Л., 1936, стр. 232.

² М. Н. Петерсон, Введение в языковедение, изд. 2-го МГУ, М., 1929, гл. X, стр. 5, и Н. Н. Прокопович, Адъективные словосочетания в современном русском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 1955.

В России вплотную подошел к решению вопроса о словосочетании еще М. В. Ломоносов, который пытался построить синтаксис как теорию словосочетания. Синтаксис в его понимании — это учение «о сочинении частей речи, а сочетание слов — правила, по коим совокупляются предложения»¹. Гениальный ученик Ломоносова А. Х. Востоков также определяет синтаксис как учение о словосочетании: «Словосочетание есть часть грамматики, показывающая правила, по коим совокуплять должно слова речи»².

А. А. Потебня говорил о недопустимости отождествления грамматики и логики. А. А. Потебня поставил вопрос об исторической изменчивости предложения, показав эволюцию предложения на примере истории именительного и творительного, предикативных падежей, указав на недопустимость отождествления предложения и логического суждения. Но все внимание А. А. Потебни и его ученика Овсяннико-Куликовского было посвящено изучению предложения, хотя «А. А. Потебня впервые в истории русского языкознания выдвигает принцип структурной сплоченности и соотносительности всех элементов языка, принцип системности синтаксиса»³. Словосочетанию он уделяет недостаточное внимание.

Впоследствии в русской науке в восьмидесятые годы снова возрастает интерес к проблеме словосочетания. Так, А. Добиащ в работах «Синтаксис Аполлония Дискола» (Киев, 1882) и «Опыт семасиологического анализа частей речи и форм на почве греческого языка» (Прага, 1897) критикует и Беккера, и Буслаева за их логицизм, за недопустимое смешение предложения и суждения. Критически относится он и к учению А. А. Потебни, которому, по мнению А. Добиаща, «априористическое учение о частях речи помешало изучить вопрос о семантико-синтаксическом распространении речи и конструктивной роли частей предложения»⁴.

¹ В. В. Виноградов, Вопросы синтаксиса русского языка в трудах Ломоносова, «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. II, М., 1951, стр. 204.

² А. Х. Востоков, Русская грамматика, изд. 4, СПб., 1839, стр. 219.

³ В. В. Виноградов, Из истории изучения русского синтаксиса, М., 1958, стр. 334.

⁴ Н. Н. Прокопович, Адъективные словосочетания в современном русском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 1955, стр. 25.

Разрабатывая далее теорию Аполлония Дискола, который видел основную задачу синтаксиса в том, как соединяются слова в речи, А. Добиащ утверждает, что надо установить способность разных разрядов слов распространять свой смысл разными формами сочетаний с другими словами¹.

По мнению А. В. Добиаща, распространяться могут в первую очередь глаголы. Однако этой способности не лишены имена существительные и имена прилагательные².

Дальнейшие поиски и разработка учения о словосочетании связаны на Западе с именем И. Риса, по мнению которого синтаксис является учением о словосочетании. И. Рис создает интересную классификацию словесных групп. При этом он исходит из характера синтаксических связей компонентов словосочетаний, выделяя три основных типа.

I. Слабые или неплотные группы (Zockere Gruppen): например, *брат и сестра, люди и животные, зеленый и густой*, т. е. сочетания слов, основанные на связях сочинительных элементов, которые равноправны и не зависят от других.

II. Полутесные группы (Halbende Gruppen) типа *город Калинин, Петр брат моего товарища*, в которых одно слово как бы примыкает к другому.

III. Тесные группы (Enge Gruppen): *светлый день, ножка стола, хорошо говорит*³, т. е. такие, в которых одно слово связано с другими подчинительной связью, т. е. такой связью, в которой имеется согласование, управление или примыкание.

И. Рис предлагает классификацию по морфологической принадлежности господствующего слова. Он делит словосочетания на именные, глагольные и адвербиальные. Причем до Риса адъективные и адвербиальные словосочетания не выделялись многими исследователями. Сильные стороны учения И. Риса заключаются в его внимании к словосочетаниям. Самым предметом синтаксиса он считает

¹ А. В. Добиащ, Синтаксис Аполлония Дискола, Киев, 1882, стр. 91.

² Н. Н. Прокопович, Адъективные словосочетания в современном русском языке, Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 1955, стр. 21.

³ J. Ries, Zur Wortgruppenlehre, Praga, 1928.

изучение словосочетаний. Слабость же концепций И. Риса заключается в том, что он путает понятия предложения и словосочетания. На это обратил внимание Н. Н. Прокопович в своей диссертации.

В России крупнейшим исследователем в области словосочетания явился Ф. Ф. Фортунатов, который выделил словосочетания, существующие в системе языка наряду с формами слов. Фортунатов считал, что словосочетание — основной предмет в изучении синтаксиса. Он так определяет словосочетание: «Словосочетанием в речи я называю то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражением целого психологического суждения, или выражением его части»¹.

Ф. Ф. Фортунатов называет предложения законченным словосочетанием, а все другие виды словосочетания — незаконченными. Следовательно, по учению Ф. Ф. Фортунатова, предложение — это тоже словосочетание, только законченное. Как видим, Фортунатов смешивал понятия предложения и словосочетания. Его заслуга заключается в том, что он сумел выделить словосочетание как самостоятельную единицу языка, как объект синтаксического обследования и оказал огромное влияние на разработку этого вопроса².

Проблеме словосочетания в русском языке в 50—60-е годы XX века уделяет большое внимание В. В. Виноградов, который отметил, что словосочетание является синтаксической единицей языка, менее самостоятельной, чем предложение или слово. В. В. Виноградов подчеркивает большую близость словосочетания к слову, а не к предложению. Эта близость, по мнению В. В. Виноградова, во-первых, обусловлена номинативной функцией словосочетания и, во-вторых, системой форм, которую, подобно слову, может иметь и словосочетание. «Словосочетание — это сложное наименование. Оно несет ту же номинативную

¹ Ф. Ф. Фортунатов, О преподавании грамматики русского языка в средней школе, «Труды первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях (22—31 декабря 1903 г.)», Спб., 1904, стр. 393.

² См. подробнее об этом: Н. Н. Прокопович, Адъективные словосочетания в современном русском языке, Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 1955, стр. 26—27.

функцию, как и слово. Оно так же, как и слово, может иметь целую систему форм»¹.

В. В. Виноградов дает ясное и четкое определение словосочетания: «...грамматические единства, называемые словосочетаниями, состоят не менее чем из двух полнозначных слов и являются строительным материалом для предложения. Только в составе предложения и через предложения словосочетания входят в систему коммуникативных свойств языка...»².

Заслуга В. В. Виноградова заключается в том, что он не только подытожил выводы своих предшественников и современников о словосочетании (акад. Ф. Ф. Фортунатова, проф. А. М. Пешковского, М. Н. Петерсона, для которого синтаксис был также учением о словосочетании и даже сложное предложение представляло собою соединение словосочетаний), но и дал развернутую критику концепций, в которых ученые рассматривали синтаксис как учение о словосочетании, забывая об основной синтаксической единице — предложении. Критике было подвергнуто и учение акад. А. А. Шахматова, который рассматривал синтаксис, с одной стороны, как учение о предложении, а с другой, — как учение о словосочетании, причем основной упор он делал на предложение, почти оставляя в стороне вопросы словосочетаний.

В этой же статье В. В. Виноградов подчеркивает, что те языковеды, у которых в центре изучения находилась теория предложения (А. А. Потебня, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. А. Шахматов), незаслуженно относили словосочетания на задний план³.

В. В. Виноградов, полемизируя с В. П. Сухотиным, отмечает, что словосочетание является строительным материалом для предложения. В. П. Сухотин выдвинул гипотезу, которая заключается в том, что словосочетания вычлениаются из предложения. Нам кажется, что эта теория В. П. Сухотина является не совсем верной, хотя диссертация и статья его, посвященные вопросам словосочетания, заслуживают внимания, как интересные попытки разрешения одного из трудных вопросов синтаксиса со-

¹ В. В. Виноградов, Русский язык. Грамматическое учение о слове, М.—Л., 1947, стр. 7—8.

² В. В. Виноградов, Вопросы изучения словосочетания, «Вопросы языкознания», 1954, № 3, стр. 3.

³ Там же, стр. 4.

временного русского языка¹. Не совсем правомерен и тезис Г. В. Валимовой, которая в докладе «О номинативных и композиционных словосочетаниях» пытается стереть противоречие между толкованием словосочетания как продукта предложения и как строительного материала для предложения².

В. В. Виноградов подчеркивает, что словосочетания организуются около одного знаменательного слова, являющегося стержнем словосочетания. С этим нельзя не согласиться. В зависимости от грамматической природы господствующего слова в современном языкознании и различаются словосочетания: именные, глагольные и наречные. В. В. Виноградов полемизирует с А. Н. Гвоздевым и В. П. Сухотиным, которые считают возможным рассматривать в сфере словосочетаний конструкции с предикативной связью, состоящие из подлежащего и сказуемого.

Деление словосочетания на предикативные и непредикативные, по мнению В. В. Виноградова, лишено внутреннего основания, так как связь между словосочетанием и предложением будет стерта.

В. В. Виноградов подчеркивает также, что при изучении современных словосочетаний нужно учитывать грамматические, словообразовательные и семантические связи, так как только при таких условиях, только на широкой базе — грамматической, словообразовательной и стилистической — могут быть определены общие грамматические правила образования словосочетания и установлены их основные, исторически сложившиеся в языке типы³.

Нельзя не согласиться с В. В. Виноградовым, что так называемые «открытые ряды» (сочинительной) связи нельзя рассматривать в сфере словосочетания, хотя А. Н. Гвоздев и В. П. Сухотин стоят на диаметрально противоположной точке зрения. По их мнению, объем словосочетания мо-

¹ В. П. Сухотин, Проблема словосочетания в современном русском языке, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950.

² Г. В. Валимова, О номинативных и композиционных словосочетаниях. Тезисы докладов на научно-теоретической конференции по вопросам филологии и методики преподавания иностранных языков, Ростов-на-Дону, 1961, стр. 9.

³ В. В. Виноградов, Вопросы изучения словосочетаний, «Вопросы языкознания», 1954, № 3, стр. 9—11.

жет быть неограниченным. Но если принять учение о том, что словосочетание организуется вокруг одного главного слова предложения, то вопрос об открытых рядах не должен включаться в сферу изучения словосочетания.

В. В. Виноградов четко дифференцирует понятия словосочетание и предложение, с одной стороны, и понятие словосочетание и слово — с другой.

Он намечает целый ряд точек соприкосновения словосочетания и слова и правильно подчеркивает, что «в правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и типов словосочетаний ярко проявляется национальная специфика языка»¹. Но в то же время В. В. Виноградов, сближая в структурном, функциональном и семантическом отношении словосочетание и слово, отмечает, что между ними никогда нельзя провести знака тождества. Словосочетание в отличие от слова является расчлененным понятием. Оно состоит не менее чем из двух полноточных слов. Таким образом, раздельноформленность словосочетания и цельноформленность сложного слова являются первым отличием словосочетания от сложного слова. На это обратил внимание также А. И. Смирницкий, сформулировавший окончательно понятие цельноформленности слова как признака, отличающего его от словосочетания.

Среди работ, посвященных изучению проблем словосочетания в современном русском языке, большое значение имеет докторская диссертация Н. Н. Прокоповича «Адъективные словосочетания в современном русском языке» (1955), в которой автор на огромном материале раскрывает недостаточно разработанную наукой тему о словосочетании. В частности, адъективные словосочетания до работы Н. Н. Прокоповича не подвергались всестороннему анализу и монографическому исследованию.

Н. Н. Прокопович проводит тщательный анализ структурных типов словосочетаний. Последние подразделяются им на три группы: а) словосочетания с зависимым существительным без предлога; б) словосочетания с зависимыми существительными с предлогами и в) словосочетания с различными разрядами наречий. Отдельно рассматриваются словосочетания с инфинитивом.

¹ В. В. Виноградов, Вопросы изучения словосочетаний, «Вопросы языкознания», 1954, № 3, стр. 4.

Каждая группа словосочетаний (а внутри ее отдельные структурные типы словосочетаний) рассматривается со стороны присущих им грамматических отношений, употребительности и распространенности; отмечается время их распространения и развития в языке, выясняется взаимодействие различных структурных типов и т. д.

Автор работы на огромном материале, извлеченном из трудов писателей XIX и XX вв., подвергнув собранные факты тщательному анализу и систематизации, показал историю развития адекватных словосочетаний в русском языке, установил ведущие тенденции в этом развитии, наметил продуктивные, развивающиеся типы словосочетаний и отмирающие (рост предложных конструкций и другие процессы). При этом в диссертации прослеживается в историческом плане взаимодействие полных и кратких форм имен прилагательных в отношении их синтаксических форм и способности распространяться зависимыми словами.

В последней части работы автор анализирует правила построения адекватных словосочетаний, выясняет взаимодействие грамматических и лексико-семантических факторов в этой области, типы грамматической связи между компонентами словосочетания, ставит вопрос об объеме словосочетания.

Н. Н. Прокопович выдвигает в данном исследовании новые обоснования в пользу теории В. В. Виноградова о сходстве, но не о тождестве словосочетания и предложения.

Все вышесказанное нужно учесть при выяснении отличий сложных слов от словосочетаний. Своеобразие словосочетания помогает нам определить, в чем же специфика композита.

Первым отличием композита от словосочетания является его цельность и оформленность.

Вторым отличием является то, что сложное слово — это высшая ступень абстракции по сравнению со словосочетанием, это более экономное и выразительное средство общения.

Третьим отличием является несвободный порядок расположения ком-

понентов внутри словосочетания и в сложном слове.

Основной путь образования сложных слов в русском языке, как отмечалось раньше, это словосложения по образцу, установившемуся в языке, т. е. по моделям, которые были созданы в течение веков. При этом нельзя, конечно, забывать, что в русский язык проникали сложные слова из греческого, старославянского языков в первые века возникновения русской письменности, что в период второго южнославянского влияния, начиная с XIV века, в русские переводные произведения стали шире проникать латинские и греческие сложные слова, что позднее проникли сложные слова из польского, чешского, немецкого, французского, английского языков и т. д.

Но все эти заимствования занимают второстепенное место в языке по сравнению с собственно русскими формами. Не случайно М. Н. Петерсон подчеркивает, что, «как бы ни казалось оригинальным и необычным новое слово, оно всегда образовано по образцу старых»¹. Это может быть подтверждено и наблюдениями над новыми топонимическими названиями, возникшими в 1961 г., например названия новых городов, таких, как *Целиноград*, *Кедроград*, *Волгоград*, возникли по давно известным моделям в языке. То же самое можно сказать и о терминологической лексике: *космонавт*, *космодром*, *лунолет*, *лунник* и др. Следует отметить, что «слова языка в сознании говорящих не обособлены, они находятся между собою в тесной связи и образуют группы, они связаны или по значению и тогда образуют вещественные группы, обусловленные связью между предметами мысли, или по формам (формальные группы). Те и другие между собой перемещаются и составляют формально-вещественные группы»². Такой группой, например, являются топонимические названия. Если просмотреть общий список русских городов, помещенных в полном собрании сочинений К. А. Неволлина (том 6, Спб., 1859, стр. 27—95), то можно убедиться, во-первых, в том, что между словами и словосочетаниями существуют ассоциативные связи, на которые указывал М. Н. Петерсон, а,

¹ М. Н. Петерсон, Введение в языковедение, изд. 2-го МГУ, М., 1929, гл. VI, стр. 27.

² Там же, гл. IV, стр. 33.

во-вторых, в том, что при анализе топонимических названий, указанных К. А. Невוליным, можно установить следы бывших атрибутивных либо бывших объектных связей.

Название города	Год его учреждения или упоминание о нем	Название города	Год его учреждения или упоминание о нем
Архангельск	1583	Краснокутск	1672
Боголюбов	1158	Краснополье	1654
Богуслав	1195	Краснослободск	1627
Богодухов	1672	Красноярск	1629
Богородицкий	1686	Ломихвост	1238, 1462
Богородицк	1650	Малояр	1410
Белгород	1155, 1376, 1593	Миргород	1654
Борисоглебск	1708	Новополье	1672
Белозерск	862	Новобогородицкий	1708
Белоколоцкой	1708	Новопавловск	1689, 1762
Белополье	1708	Острогжск	1637
Волоколамск	1159	Острополье	1708
Верхотурье	1598	Пустозерск	1500, 1597
Вышгород	946, 1351, 1371	Пятиизбский	1658
Гороховодка	1708	Ростиславль	1153
Двуречная	1708	Святославль	1125
Дедославль	1146	Синеводск	1240
Звенигород	1087, 1150	Соликамск	1504
Золотоноша	1654	Сольвычегодск	1492
Иван-город	1492	Стародуб	1218, 1238, 1462
Ивань-город	1492	Суходол	1328
Камское Усолье	1462—1689 (см. Соликамск)	Холмогоры	1313
		Ярославль	1071, 1141, 1462, 1689 и позднее

Этот далеко не полный обзор топонимических названий свидетельствует о том, что чаще всего в изучаемую эпоху можно отметить в сложных словах следы бывших атрибутивных отношений, например *Стародуб*, *Суходол*, *Белгород*, или реже следы объектных связей, например *Ломихвост*, *Золотоноша*, хотя несомненно, что синтаксические связи тускнеют при образовании сложных слов, но все же можно говорить о бывших атрибутивных связях и в таких сложных словах, как *Белозерск*, *Белополье*, *Красноярск*, *Пустозерск*, или о таких объектных связях, следы которых мы находим в словах типа *Богуслав* и т. д.

Сложное слово есть высшая ступень абстракции сравнительно с «простым словом», так как в нем сливаются два понятия. Нельзя несогласиться с Ф. Ф. Фортунатовым, что «форма основосложения по отношению к предметам мысли, обозначенным данными основами, обозначает сочетание одного предмета мысли с другим в одном предмете мысли»¹.

При образовании сложного слова по моделям; существующим в языке, достаточно двух условий: 1) наличие моделей в языке и 2) потребности в новом сложном слове. Так, например, при наличии модели *аэронавт* легко возникло сложное слово *космонавт*. При наличии модели *аэродром* легко возникло в языке новое слово *космодром*. При наличии модели *самолет* легко возникло новое слово *звездолет* и т. д.

При образовании же сложного слова из словосочетания причин, влияющих на возникновение сложного слова, будет гораздо больше. Во-первых, не обязательно наличие модели. Во-вторых, необходимо установление постоянного, устойчивого лексического состава в системе словосочетания. В-третьих, нужна стабилизация порядка слов. В-четвертых, важно наличие частей повторяемости данного словосочетания. В-пятых, необходима потребность в создании сложного слова, т. е. потребность в более экономных средствах выражения, поскольку в ряде случаев сложное слово всегда сильнее, выразительнее и более эмоционально. Ср.: *лежать на боку* и *лежебока*, *даром ест хлеб* и *дармод*, или такие слова, как *самохвал*, *туняедец*, *борзопищец*, *пустобрех* и т. д.

Следует отметить также, что словосочетание и словосложение в течение ряда столетий сосуществуют рядом и лишь на определенном этапе исторического развития эта связь обрывается. Например, если взять сложное слово современного русского литературного языка *кровопролитие*, то можно увидеть, что в средневековье оно имело синонимы *кроворазлитие* и *кровоизлитие*, которые

¹ Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языкознание, Литографированные лекции, 1899—1900, стр. 208.

сосуществовали с соответствующими словосочетаниями. Например, в «Ином сказании»: «И поплзоща в погибель сами: градъ Путимль и Рылескъ и Черниговъ и Муромескъ и Стародубъ... и Кромы такожде и колужане, и коломляне убоявшися отъ нихъ *кроворазлития* и разорения»¹. Или: «Он же (Борис Годунов. — Е. В.) возгордился вельми. Много *кроворазлитие* учини и некотороу кровью славоу бѣвныя утробы своя не удоволи»², «Восхоть ему *пролития* неповинныя *крови кровопролитие* царевича Димитрея»³. В последнем примере следует отметить чрезвычайно интересный случай параллельного употребления словосочетания *пролития крови* и сложного слова *кровопролитие* в одном и том же предложении.

В эпоху XV—XVII столетия (позднее среднековье) параллельно с композитами *кровопролитѣе*, *кроворазлитѣе* и *кроволитѣе* еще существовали и словосочетания *крови пролитие*, *кровей пролитѣе* и *кровей разлитѣе*, о чем свидетельствуют памятники письменности этой эпохи. Так, в «Задонщине» читаем: «Лисицы на кости брешуть ждучи... множества труда человеческого и *крови пролитья*»⁴. Или в другом памятнике: «Великий государь наш пресветлый и праведный царь... Нежелатель *кровей пролитья*... Не желал многих *кровей* ваших *разлитья*»⁵. Здесь обращает на себя внимание употребление разных морфем *раз* и *про* в композитах *кровопролитѣе* и *кроворазлитѣе*. В исторических и поэтических повестях об Азове имеются эти же словосочетания и композиты, но с иным словорасположением, с иным порядком слов: «Он государь наш великий, пресветлый и праведный не хочет *пролитья кровей* ваших басурманских»⁶.

Вариантное употребление слов с производными основами в словах *разлитие* и *пролитѣе* свидетельствует о том,

¹ «Иное сказание», Русская историческая библиотека, т. 13, Спб., 1892, стр. 99.

² «Повесть како восхити неправдою на Москвѣ российский престоль Борисъ Годуновъ», «Русская историческая библиотека», т. 13, Спб., 1892, стр. 151.

³ Там же, стр. 154.

⁴ «Предания и сказанья о побоище великого князя Дмитрия Донского», «Русский исторический сборник», т. 3, кн. I, М., 1838, стр. 40.

⁵ А. Орлов, Исторические и поэтические повести об Азове. Текст, М., 1906.

⁶ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 139.

что здесь, по-видимому, имеет место поэтическая синонимика. Следует обратить внимание и на порядок расположения слов в словосочетаниях в первом памятнике: *кровей пролития*, *кровей разлития*, а во втором памятнике *крови пролитие*, *пролития кровей*. В течение XVI и XVII вв. происходит изоляция словосочетаний. Устанавливается твердый порядок слов, и затем из словосочетаний *кровей пролития* и *кровей разлития* возникает сложное слово, которое дало три синонимических варианта: *кроворазлитие*, *кровопролитие* и *кроволитие*, которые употреблялись параллельно. Затем, в процессе дальнейшего исторического развития, исчезли словосочетания *кровей пролития*, *кровей разлития*, но композиты *кровопролитие*, *кроворазлитие* и *кроволитие* существовали и в первой половине XIX столетия, о чем свидетельствует «Словарь церковнославянского и русского языка» (1867). Слово *кровопролитие* (т. II, стр. 467), по-видимому, в эту эпоху стало уже нейтральным, так как оно не имеет стилистических помет. Слово же *кроворазлитие* имело помету «старин.». Например, «Иванъ Заруцкой смуту и *кроворазлитие* в Астрахани делаетъ» (Акты ист., III, 437; см. «Словарь церковнославянского и русского языка», 1867, т. II, стр. 468).

Слово *кроволитие* в этом же словаре имело помету «старин.»: «Чтобъ *кроволитие* уняти и жити бѣ крестьяномъ въ покоѣ и тишинѣ» (Акты ист., II, 272; см. «Словарь церковнославянского и русского языка», 1867, стр. 467). Словосочетание *крови пролитѣе* встречается наряду со сложным словом. Например: «бояхуся... *кровопролития* и межоусобныя брани»¹. Или еще: «царевича Дмитрея *пролия кровь* неповинную»².

Постепенно исчезли старинные формы *кроволитие* и *кроворазлитие*, а также исчезли и варианты словосочетания: «Великий государь наш пресветлый и праведный царь... не желатель *кровей пролития*... не желая многих *кровей* ваших *разлития*»³. В современном русском языке осталось только одно сложное слово *кровопролитие*.

¹ «Повесть како восхити неправдою на Москвѣ российский престоль Борисъ Годуновъ», «Русская историческая библиотека», т. 13, Спб., 1892, стр. 153.

² Там же, стр. 153.

³ «Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией», т. I—V.

Итак, в русском языке на разных этапах исторического развития последовательно наблюдалось параллельное употребление словосочетаний и сложных слов, возникших из словосочетаний, причем нередко в качестве дублетов. Словосочетание и композит, существуя в течение ряда столетий параллельно, отличались друг от друга не только значением, цельнооформленностью, но и другим расположением компонентов. Ср.: *пролитие крови* и *кровопролитие*. Иногда наблюдается процесс постепенного вытеснения словосочетания композитами. Например, средневековое словосочетание *по вся дни* вытеснено композитом *повседнев-но*. Сравнение материалов Казанского летописца и материалов Новгородских кабальных книг показывает, что в эпоху XVI столетия словосочетание *по вся дни* и словосложение *повсядневный* употреблялись параллельно. Например: «И славны пиры на них творяще *по вся дни*»¹. Или в Новгородских кабальных книгах: «А за рость ми съ сыномъ своимъ с Ондрушей служили *по вся дни* во дворе»². Рядом с этими словосочетаниями употреблялись сложные слова: «И память имъ вечная... не поется в синодикахъ... и *повсядневно* не написаны же»³, или: «*Повсядневно* моего рыдания и слезъ о Христа моего паствѣ»⁴, или: «Поминати в *повсядневно* поминанье»⁵.

По памятникам разных эпох можно проследить появление сложного слова *повседневный*, которое еще в XVI веке представляло собой словосочетание, употребляемое параллельно со сложным словом. Так, в «Стоглаве» мы читаем: «А за тебя милостивый къ намъ добродѣтель должны и *по вся дни* молебствовать»⁶. Или: «*Повсядневный* лити пѣти неотложно»⁷.

Интересно проследить параллельные употребления словосочетания и композита *по вся дни* и *повсяденный*: «Пелена *по вся дни*... Камка зеленая без подкладу», «На жертвенника... пелена посвященная»; или: «Пелена *пов-*

¹ «Казанский летописец», стр. 287.

² «Новгородские кабальные книги», 1599, стр. 76.

³ «Казанский летописец», стр. 493.

⁴ Послание М. Фот 1426 г. (И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка).

⁵ Дан. темник Иос. Вол. Мон., 1479—1516 гг. (И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка).

⁶ «Временник Императорского московского общества древностей российских», кн. 7, 1850, стр. 72.

⁷ Стоглав, изд. 2-е, Казань, 1887, стр. 83.

сядѣнья палойная, кутня черчатая, около опушена кутнею лазоревою»¹. Ср.: *Повседневный* в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1867).

Из этих примеров видно, что сложное слово *повседневный* возникло еще тогда, когда словосочетание *по вся дни* не превратилось в наречие. Рядом со словом *повсяденный* употреблялся и его антоним *по-вся-воскресный*: Рызы *по-вся-воскресные* миткалинные»². Но словосложение *по-вся-воскресные* не перешло в сложное слово, оно исчезло из употребления, заменилось словом *воскресно*. По-видимому, частота употребления того или иного словосочетания способствовала образованию композитов.

На конкретном материале памятников разных эпох можно проследить процесс образования сложных слов *винокурение* и *восвояси*, которые возникли из соответствующих словосочетаний: «В Росписи, кому имянем и за какую вину какое наказание было съ приезде въ Тоболескъ воеводъ князя Петра Ивановича Пронсково, да Федора Ивановича Ловчикова, да дьяковъ Ивана Трофимова, да Ондreja Галкина ноября во 147 году 28 день бит на козлѣ кнутомъ Тобольской сынъ боярской Дмитрий Мокринский за его Дмитреево воровство за *винное курение*, что он будучи на Обдори *вино* на себя *курил*»³. Или: «Да по тому ж делу бити батоги нещадно тобольские служилые люди Степанка Важенихин, Суханка Семенов, Пятулка Арбеков за то, что они сыну боярскому Дмитрею Мокринскому на *винное курение* кади давали и на Обдори *вино* на него *курили*»⁴. А также: «Июня в 29 день по приводному делу на Тоболском конном казаке на Панфилке Шестекове за *винное курение* взято заповеди 2 рубля, 4 алтына пол 2 денги»⁵. Ср.: современное *винокуренье*, *домовое строение* и *домострой*.

¹ «Памятники древней письменности». Строгановские вклады в Сольвычегодский монастырь. Записка П. Саввантова с приложением соборной описи 1579 г., СПб., 1886, стр. 58.

² «Чтения в обществе древностей российских при Московском уни-те», кн. 1, 1883, стр. 24.

³ Словарь современного русского литературного языка, т. II, изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 691.

⁴ М. А. Соколов, Значение памятников деловой письменности для истории русского языка, ВЛУ, № 2, Серия истории языка и литературы, Л., 1961.

В картотеке древнерусского словаря встречается другое словосочетание *въ своа си*: «Разидеся *въ своа си*» (кн. Енохова, I, XIII (XV)). Постепенно в композите произошло объединение двух местоимений, а предлог еще продолжал существовать самостоятельно. Так, еще в «Задонщине» имеется следующая форма: «Он же (Мамай. — Е. В.) нечестивый крикнувъ и рече: коль велика сила моя аще сего не одолю, то како могу возвратиться *во свояси*». Ср. современное наречие *восвояси*, которое обозначает «к себе домой», «по домам», «на место жительства или пребывания». «Шхуна, постояв на рейде, ушла *восвояси*» (Б. Г о р б а т о в).

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что при изучении сложных слов, возникших из словосочетаний, непременно должна учитываться органическая связь последних со словосочетаниями. На это указал еще И. И. Срезневский в своей небольшой, но изобилующей глубокими соображениями статье «Замечания об образовании слов из выражений»¹, в которой автор особо подчеркивал факт в з а и м о з а в и с и м о с т и между словосочетаниями и сложными словами. И. И. Срезневский отмечал, что сложные слова возникают чаще всего на базе словосочетаний, и указывал, что «многие выражения, чем долее и более употребляются, тем легче стягиваются в одно какое-нибудь неразделенное слово. Например: *дескать* вместо *дѣяль сказать* или *дѣет сказать*; *спасибо* вместо *спаси бог*; *теперь* вместо *то перво*; *двадцать* вместо *два десяти* и др.».

Этим же путем шел и Е. Дикенман², положивший в основу своей классификации сложных слов синтаксические соотношения элементов сложного слова. Наряду с процессом возникновения сложных слов из словосочетаний Е. Дикенман отмечает возможность образования их по существующим моделям. Нельзя не согласиться с Е. Дикенманом, утверждающим, «что не всегда можно сказать, имеем ли мы дело с собственно сложением или с производным словом»³. О трудности разграничения сложных слов, возникших из словосочетаний, с одной стороны, и по мо-

делям, с другой, — говорит и Т. Б. Козминская: «Обычно очень трудно, если невозможно определить, какие из них возникли из словосочетаний и какие из имеющихся моделей»¹. Следует отметить, что при наличии параллельного употребления словосочетания и сложного слова в языке можно проследить трансформацию словосочетания в сложное слово. При диахронном сопоставлении фактов (композитов и словосочетаний) по памятникам письменности эта задача значительно облегчается.

И. Лось считает, «что ближайшей причиной, вызвавшей появление сложных слов, были сочетания, т. е. синтаксические пары слов, обозначающие одно понятие»².

По-видимому, глубоко права Т. Б. Козминская, утверждая, «что в современном языке связь словосложения с синтаксическими словосочетаниями проявляется не всегда одинаково отчетливо. В отдельных случаях она выразительно выступает в каждом отдельном композите. В других случаях очевидна связь с словосочетанием лишь в целых типах сложных слов. В-третьих, она затемнена явлениями словообразовательного порядка»³.

«Сложное слово и словосочетание часто (кроме словосложений по моделям) связаны друг с другом генетически, так как налицо имеется зависимость значения сложного слова от лексических значений, входящих в его состав»⁴.

Итак, большинство языковедов справедливо считает, что разрешение вопроса о путях образования того или иного сложного слова (из словосочетания или по моделям, существующим в языке) может быть выяснено только путем исторического исследования.

В памятниках XV—XVII столетий содержатся интересные данные, проливающие свет на процесс возникновения сложных слов и словосочетаний. Так, слово *общезитие* возникло в монастырском обиходе, о чем свиде-

¹ Т. Б. Козминская, Сложные слова в современном чешском языке, Киев, 1955, стр. 217.

² И. Лось, Сложные слова в польском языке, Спб., 1901, стр. 124.

³ Т. Б. Козминская, Сложные слова в современном чешском языке, Киев, 1955, стр. 213.

⁴ Там же, стр. 218.

¹ И. И. Срезневский, Замечания об образовании слов из выражений, Сб. ОРЯС, т. X, 1873, стр. IXIX и IIX.

² Е. Дикенман, Цитированная выше работа, стр. 55.

³ Там же, стр. 23.

тельствует «Житие Иосифа Волоцкого»¹, в котором наблюдается параллельное употребление словосочетания и сложного слова: «любяше *жити обще*», «...помощью божия матери *обще житие* составляшеся». Особо нужно отметить, что здесь препозитивный и постпозитивный словопорядок. Наряду с этим словом употреблялось и слово *общежительство монастырское*. Существование двух параллельных форм: с одной стороны, словосочетания, а с другой стороны, композита дает бесспорные доказательства того, что сложное слово *общежитие* возникло из двух компонентов: *обще* + *житие*, но только после того, как установился строгий порядок расположения компонентов внутри словосочетания.

Так же интересна и история композита *путешествие*. В том же «Житии Иосифа Волоцкого» встречается словосочетание *путное шествие*: «Ищущимъ крепкое жителство, невозможе седѣти ту, но молить игумена и братию отпущены ему были и молитвы своя тому даровати *путному шествию*».

Интересно и параллельное употребление в том же памятнике композита *многотруден* с словосочетанием *трудъ много*: «*трудъ много* хлѣботворницы» и «*многотрудна* бо сия работа есть». В первом случае перед нами словосочетание, во втором — композит. Обе формы употреблялись параллельно в одном и том же памятнике, но с измененным порядком следования компонентов.

Особенно убедительны факты топонимики. Современное название города *Волоколамск* в вышеупомянутом памятнике употребляется в трех вариантах:

1) «*Волокъ убо Ламской* в достояние бысть князю Федору по отцу его». В этом примере существительное *Волок* и прилагательное *Ламской* разделены словом *убо*.

2) «*Волокъ бо Ламской* тому отчетливо бяше». Здесь существительное *Волок* и прилагательное *Ламской* разделены словом *бо*.

3) «Монастырь близ *Волока-Ламского*» или «города *Волоко-Ламского*». Название города *Волоколамска* пишется через дефис.

¹ «Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным по двум рукописям собрания П. А. Овчинникова и опубликованного С. А. Белокуровым», «Чтения Общества истории древностей российских», кн. 3, 1903.

Город *Волок* был расположен на реке *Ламе*, притоке *Шоши*. Волость Новгородская ныне называется *Волоколамской*. Город возник как новгородское поселение «*Волокъ на Ламе*» на пути к Ростову. Как отмечает Н. В. Подольская в своей кандидатской диссертации, посвященной топонимике Новгородской земли, в первой половине XII века он упомянут как таковой в Лаврентьевской летописи под 1135 годом¹. Автор в своем исследовании отмечает, что порядок слов в сочетании *Волок Ламской* был вариантным: 1) *Волок Ламской* и 2) *Ламской Волок*. Н. В. Подольская указывает также на перестановку определяемого и определяющего и приводит многочисленные факты двоякого употребления: *Волок Ламской* и *Ламской Волок*, но все же отмечает преимущественное употребление словосочетания *Волок Ламской* в памятниках XV столетия.

Как показывают наши наблюдения, в XVI столетии словосочетание *Ламской Волок* уже вышло из употребления. Осталось только словосочетание *Волок Ламской*, которое впоследствии изолировалось из предложения и вследствие частого употребления и соположенности компонентов, входящих в это словосочетание, интегрировалось в сложное слово *Волоколамск*.

Общезвестен факт возникновения композита *Новгородъ* из словосочетания *Новъ городъ*. Интересно и возникновение слова *Бѣлозеро*, давшее впоследствии и название города *Бѣлозерскъ*.

В «Уложении» Алексея Михайловича говорится о пенях и штрафах, которые должны собираться с оскорбителей священнослужителей, «с *бѣла-озера* Кириллова монастыря»².

В этом же памятнике встречается словосложение, возникшее из компонентов *бѣл* + *озеро* + суффикс *ецъ*: «*бѣлозерцы* поместья свои мѣнили»³.

Это свидетельствует о том, что интеграция двух компонентов сложного слова *бѣл* + *озеро*, широко распростра-

¹ Н. В. Подольская, Топонимика Новгородской земли по данным Новгородских письменных памятников XI—XV вв., ч. I, 1956, стр. 358.

² «Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича» (перепечатано из Полного собрания законов), Государственная типография, 1913, стр. 43—45. В дальнейшем этот памятник для краткости обозначен «Уложением...»

³ Там же, стр. 165—166.

ненная в XV веке (см. «Софийский временник»), в дальнейшем, как показал анализ «Жития Иосифа Волоцкого», в течение XVI—XVII столетий уже закончилась.

Топонимические названия убедительно показывают, что частота употребления двух компонентов, их соположенность и их общее значение, возникшее и вследствие изоляции из синтаксических единиц, влияли на возникновение композита.

Топонимические названия широко представлены в повести о Савве Грудцыне. Там имеется параллельное употребление композита *Соликамск* с словосочетанием к *Соли камской*: «Фома куплю дѣяше, отъезжая внизъ Волгоу рѣкою, овогда к *Соли Камской*»¹. Или: «Повелеваетъ плиты к *Соли Камской*»; «Он отыде к *Соли Камской*» (там же).

Композиты нередко возникают и вследствие эмоциональных причин. Так, в XVI столетии употреблялась лексема *живомертвецъ* (речь идет о похороненном заживо, то есть отрекшемся от мира)². О процессе возникновения этого слова из словосочетания можно судить на основании письма протопопа Аввакума к боярыне Ф. П. Морозовой: «Блюдися ты, государыня, льстецовъ чернецовъ, и поповъ и черницъ, еже бы не развратили душу твою, и всехъ злыхъ человекъ уклоняйся, а с добрыми бѣседуя. Не презирай *живова мертвеца*»³.

Итак, отдельные слова, входящие в состав словосочетания, в процессе исторического развития превращаются в сложные слова. Появление в древности таких композитов исследовал и Вацлав Ягич на примерах *Царьград*, *Новгород*.

В анализируемых материалах наблюдается возникновение названий городов, например: *Волоколамск*, *Соликамск*, *Бѣлозерск* и др.

Факты топонимики дают возможность проследить историческую судьбу атрибутивных словосочетаний типа

¹ «Повесть зело пречудно и удивлению достойно иже бысть грѣхъ ради нашихъ гонения Российского государства от безбожного еретика Гришки Отрепьева расстриги иже содеяся во граде Казани некоего купца Фомы Грудцына о сыне его Савве» (В. В. Сиповский и др., Русские повести XVII—XVIII вв., Спб., 1905, стр. 22).

² «Памятники отреченной литературы XVI века», стр. 136.

³ «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения», под ред. Н. К. Гудзия, 1934, стр. 308.

Волок Ламской или *Ламской Волок*, *Лисий Остров* или *Остров Лисий*, *Соль Камская* и т. д., из которых в процессе исторического развития возникают композиты *Волоколамск*, *Лисьеостровск*, *Соликамск*, причем в отдельных случаях в сложном слове происходит изменение категории рода. В словосочетании *Соль Камская* и существительное и согласованное с ним прилагательное относятся к категории женского рода. В то же время возникшее из этого сочетания сложное слово *Соликамск* относится к мужскому роду. Можно предположить, что на возникновение категории мужского рода здесь повлиял факт аналогии *Царьград*, *Новгород* и др. Иногда категория рода претерпевает сложную эволюцию: *Камское усолье* (см. выше, стр. 70 — среднего рода), *Соль Камская* (женского рода), *Соликамск* (мужского рода).

Но данный факт свидетельствует и о том, что сложное слово, изолируясь из словосочетания, подвергаясь процессу интеграции, получая новое семантическое наполнение и новую морфологическую структуру, отличается от словосочетания прежде всего единством структуры и наличием соединительного гласного *о/е*. Причем эти соединительные гласные употребляются, если перед нами сложение, но само сложное слово сохраняет старую флексивную форму в том случае, если перед нами сращение. Самостоятельность существования композита подтверждается и тем, что сложное слово, отрываясь от словосочетания, может получить и отличную от существительного, входящего в словосочетание, категорию рода.

Цельнооформленность сложных слов — диахронный процесс. Например, наречие *втридорога* в XVII столетии имело следующую структуру: *в три дороги* (КДС., Акты Хол. и Устюж., Явка купца, I, 1627—1653).

Смешение, замену и переходные случаи в области частей речи легко проследить, если проанализировать приведенный пример. *В три дороги* образовано из сочетания предлога *въ* с числительным *три* и существительным *дорога*. Это свидетельствует о том, что возникновение и производных слов *дорогость*, *дороговъ*, *дороговизна* и сложного этимологически слова *втридорога* связано со словом *дорога*.

В «Уложении» 1649 г. наблюдается частое параллельное употребление и словосочетаний, из которых возникли

сложные слова, и самих композитов. Наблюдение над такими явлениями приводит к выводу о том, что можно выделить три типа образования сложных слов, существующих параллельно с словосочетанием или без него.

Первый тип. Словосочетание *смертное убийство* налицо в «Уложении», но сложное слово *смертоубийство* в изучаемую нами эпоху еще не возникло, хотя в последующие эпохи этот композит появился и зафиксирован соответствующими словарями.

Так, в «Уложении» Алексея Михайловича читаем: «...А будеть кто придетъ къ кому ни будь на дворъ... и учинить надъ тѣмъ къ кому он придетъ... *смертное убийство*... и того, кто такое *смертное убийство* учинилъ казнить самого смертію»¹. Или: «Учинися *убийство смертное*»². Здесь наблюдается вариантное словорасположение. Первый вариант: определение стоит перед определяемым (*смертное убийство*). Второй вариант: определение стоит постпозитивно (*убийство смертное*). По-видимому, с начала произошло твердое закрепление порядка слов, а затем наметились пути интеграции двух простых слов в сложное, которое возникло значительно позже.

Словосложение происходит не мгновенно, а в процессе и в результате длительного употребления. Это подчеркнул еще И. И. Срезневский: «Многие выражения, чем долее и более употребляются, тем легче стягиваются в одно какое-нибудь неразделенное слово»³. Причем происходит изоляция словосочетания, за которым закрепляется и определенный порядок слов. Так, словосочетание с определением в препозиции употребляется в «Уложении» восемь раз (*смертное убийство*), а в постпозиции — только один раз (*убийство смертное*).

«Будетъ который сынъ или дочь учинить отцу своему или матери *смертное убийство*: и их за отеческое, или за матерне убийство казнить смертно же безо всякія пощады»⁴. Или: «А будетъ кто надъ кѣм учинить *смертное убийство*, по чьему научению, а сыщется про то допряма: и того кто на *смертное убийство* научал и кто убилъ,

¹ «Уложение...», стр. 94—95.

² «Уложение...», стр. 301.

³ И. И. Срезневский, Замечания об образовании слов из выражений, Сб. ОРЯС, т. X, 1873.

⁴ «Уложение...», стр. 314, 315, 316.

обоих казнить смертию же»¹. В процессе исторического развития постпозитивное словосочетание *убийство смертное* уходит из употребления, а препозитивное словосочетание, как более распространенное, является базой для возникновения композита — *смертное убийство* > *смертоубийство*.

Второй тип. В одном и том же памятнике параллельно существуют и употребляются и композиты и словосочетания, из которых они возникли. Например, слова *челобитье*, *челобитная*, *челобитчик* и рядом словосочетание *челомъ битъ*. «Приходили к нимъ немногие люди для *челобитья*»². «И по тому *челобитью* про нихъ... сыскивати»³. От слова *челобитье* возникло слово *челобитчик*. «А будетъ которые воеводы проѣзжихъ грамотъ... кому... давати не учнутъ... и в томъ на нихъ будутъ *челобитчики*, и сыщется то до пряма: и воеводамъ за то быти отъ государя в великой опалѣ»⁴. Наряду с этим композитом употребляется словосочетание *битъ челом*, *бив челом*, *учнут бити челомъ*⁵, *учнет бити челомъ*⁶. Например, «А будетъ кто... учнетъ ему государя... въ церкви во время церковного пѣнія о какихъ своихъ дѣлах *бити челомъ* и того *челобитчика* за то вкинути въ тюрьму государь укажетъ»⁷. «А которые люди всякихъ чиновъ не *бивъ челомъ* Государю самовольствомъ завели мосты и мостовщины и перевозки... и те мосты и перевозки свести»⁸. В «Судебнике», как отмечалось раньше, встречается и переходная форма *челомбитье*, в которой уже произошло слияние двух компонентов в один, причем соединение получило аффикс. Однако данное слово еще не подверглось деформации, которая в следующие эпохи произойдет, а именно: утратится звук *м* перед *б*. В «Уложении» 1649 г. встречается уже новая форма, возникшая по аналогии: *челобитие* из старого *челомбитие*.

Такой же процесс наблюдается и в параллельном существовании сложного слова *бѣломѣстецъ* и соответствующи-

¹ «Уложение...», стр. 318, 318, 319.

² «Уложение...», стр. 7, 7, 26, 26, 32, 32, 32.

³ «Уложение...», стр. 77.

⁴ «Уложение...», стр. 12, 31.

⁵ «Уложение...», стр. 7.

⁶ «Уложение...», стр. 7, 17, 18, 19, 32, 32, 32, 32.

⁷ «Уложение...», стр. 2, 11, 16, 16.

⁸ «Уложение...», стр. 30.

шего словосочетания. Известно, что в эпоху Московского государства существовало коренное различие между *землями бѣлыми*, освобожденными от подати, и *черными* (черные волости)¹, несущими всю тяжесть налогового обложения (черные мастеровые люди)². Интересно проследить появление термина *бѣломѣстецъ*: «А которые Патриарши, и властеленские и монастырские... слободы устроены в городѣхъ на государевыхъ посадскихъ земляхъ им на *бѣлыхъ мѣstechъ*... без Государева указу и тѣ слободы со всѣми людьми и с землями взяти в посадъ без лѣтъ и безповоротно, зато, не строй на Государевъ землѣ слободъ и не покупай посадской земли»³. И ниже: «А которые тяглые люди разныхъ людей и слободъ учнутъ стояли на правежѣ в истцовыхъ искъ от *бѣломѣстцовъ* позаемнымъ кабаламъ, а окупитися им будетъ нечемъ, а дворы и лавки у нихъ есть: и тѣ дворы и лавки продавати в окупъ истцова иску тяглымъ же людямъ, а *бѣломѣстцомъ* техъ ихъ дворовъ и лавокъ в искъ не отдавати и продавати»⁴.

Здесь также наблюдается параллельное существование атрибутивного словосочетания *бѣлыхъ мѣсть* и сложного суффиксального слова *бѣломѣстецъ*. Причем связи между словосочетанием и сложным словом настолько органичны и живы, что с полным основанием можно квалифицировать следы отношения в сложном слове как атрибутивные. Без параллельного наличия словосочетаний такая квалификация была бы рискованной, так как между морфемами, слившимися в сложное слово, синтаксическихъ отношений быть не может, могут быть лишь следы отражения былыхъ синтаксическихъ связей.

Третий тип. Сложное слово имеется, имеется и словосочетание, из которого возник композит. Но произошел разрыв семантическихъ связей. Причем сложное слово, получивши новое семантическое наполнение, настолько изолировалось, что его нельзя просто выводить из старого словосочетания, из которого оно возникло. Так, в «Уложении» 1649 г. встречается слово *Новгородъ*. Но совершенно ясно, что это сложное слово, возникшее из краткого прилагательного *новъ* и существительного

городъ в более древние эпохи. Поэтому оно не выводимо из сочетания *новъ* или *новый город*, а обозначает название старого города, так же как и топонимическое название *Чернолесье*, изолировавшись, получило новое значение, уже не совсем соотносимое с словосочетанием *черный лес*¹.

Видимо, между словосочетанием и сложным словом, из него возникшим, существует длительная и органическая связь, которая на определенном этапе исторического развития в ряде фактов обрывается. Сложное слово далеко отходит от словосочетания, но при этом можно наблюдать целый ряд переходных случаев, о которых говорил в свое время Л. В. Щерба: «...надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно более всего привлекать внимание лингвиста, так как здесь именно подготавливаются те факты, которые фигурируют потом в исторических грамматиках, иначе говоря, так как здесь мы присутствуем при эволюции языка»².

¹ И. Л о с ь, Сложные слова в польском языке, Спб., 1901.

² Л. В. Щ е р б а, Некоторые выводы из моих лужицких наблюдений, тезисы 4, 5 и 7.

¹ «Уложение...», стр. 13.

² «Уложение...», стр. 230.

³ «Уложение...», стр. 224.

⁴ «Уложение...», стр. 113.

Глава 4

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ОБЛАСТИ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ

Словосложение в русском языке отличается большим структурным разнообразием и емкостью семантических групп. Например, в области сложных существительных можно выделить следующие основные типы:

- а) названия лиц: *рыболов, садовод, водовоз*;
- б) слова, обозначающие носителя какого-либо качества: *краснобай, суевер, пустозвон*;
- в) название орудий и машин: *паровоз, электровоз, пылесос*;
- г) название явлений природы (действий): *суховей, ледолом, снегопад*;
- д) слова для обозначения места, в котором находится предмет или происходит какое-нибудь действие: *овощехранилище, водохранилище, хлебопекарня*;
- е) название городов: *Новгород, Калининград, Ленинград*;
- ж) название отвлеченных понятий: *мировоззрение, благосостояние, мироощущение, жизнеспособность* и другие.

В системе русского языка сохраняются сложные слова разных эпох. Например, композиты типа *медведь, ночлег* появились в глубокой древности в эпоху общеславянского языка; нарицательные сложные слова, возникшие в эпоху средневековья, типа *общежитие, целобитие*; топонимы, созданные в эпоху позднего средневековья, типа: *Соликамск, Волоколамск, Белозерск*; сложные слова, возникшие и возникающие в наши дни, типа *самолет, вертолет, космонавт, космодром, радиовещание, телевидение*, а также топонимы — названия городов, например: *Волгоград, Целиноград, Кедрогород, Зеленоград* и др.

Прав Н. М. Шанский, который, развивая положения В. В. Виноградова, утверждает, что современная словооб-

разовательная система представляет собой продукт исторического развития и содержит поэтому как продуктивные, так и непродуктивные словообразовательные типы, модели регулярного и нерегулярного характера¹. Справедливо и замечание Ю. С. Сорокина, который подчеркивает, что в сложных словах нередко отражаются напластования различных исторических эпох существования языка и вместе с тем находят отражение живые явления современной языковой системы².

Как уже отмечалось, возникновение сложных слов идет двумя основными путями: а) образования на базе словосочетания, б) образования по моделям, существующим в языке.

Генетически эти типы и подтипы могут быть в конечном итоге возведены к словосочетанию, что отмечено Е. Дикенманом. Поэтому зачастую в системе современного русского языка очень трудно определить, какое сложное слово возникло из словосочетания, а какое образовалось из моделей, существующих в языке³.

Слова, возникающие из словосочетания, проходят длительный путь развития. Иногда в течение ряда веков словосочетание и словосложение употребляются параллельно (см. об этом на страницах 68—84). В ряде случаев сложное слово вытесняет собой словосочетание (примеры см. на страницах 80, 81, 82, 108 и др.).

Слова, возникающие по моделям, часто являются фактом мгновенного словопроизводства. На это неоднократно указывали лингвисты. Так, Е. М. Галкина-Федорук утверждает, что сращения — продукт длительного словоупотребления⁴. Это подчеркивает и М. Я. Плющ: «Если при морфологическом типе они (сложные слова. — Е. В.) возникают в результате единичного акта словопроизведения, то при морфолого-синтаксическом типе они появляются как результат длительного словоупотребления в оп-

¹ Н. М. Шанский, Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, М., 1959, стр. 13.

² Ю. С. Сорокин, Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка XIX века, «Вопросы языкознания», 1961, № 1, стр. 23.

³ Е. Дикенман, Цитированная выше работа.

⁴ Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык, М., 1958, стр. 60.

ределенной форме и в определенных синтаксических функциях»¹.

Как указывалось выше, словосочетание и словосложение нередко с о с у щ е с т в у ю т. Параллельное употребление словосочетания и сложного слова (например, в поэтической речи) служит целям художественного воспроизведения действительности и выполняет не только номинативную, но и эстетическую функцию, создавая определенный образ. Например, в поэме А. Твардовского «За далью — даль» дается обобщенный художественный образ Дальнего Востока, например:

А той порой отменно точной,
Всего пути исполнив срок,
Придет состав дальневосточный
На Дальний собственно Восток² (курсив мой. — Е. В.).

Следует отметить, что сложных слов, возникающих по моделям, компонентами которых являются слова (основы), имеющиеся в языке, гораздо больше, чем композитов, возникших путем контаминации, словосочетания в сложное слово. Например, типа: *заблагорассудится, всамделишный* (в данном случае мы имеем сращение с гаплогией), *повсеместный, неахотительный, сногшибательный, третьегоднишний* и т. п. Все эти «сращения» образованы лексико-синтаксическим способом. Причем следует отметить, что многие из них выкристаллизовываются и из фразеологизмов; например: *пенкоснимательство, очко-втирательство, злопыхательство* и др.

Сложные слова, возникающие в системе языка, сразу же подводятся в языке под определенные части речи. Среди частей речи, в свою очередь, наблюдается разная распространенность сложных слов в разных стилях языка. Анализ сложных слов в книге Н. Дмитриевой «О прекрасном» (М., 1960) позволяет сделать вывод о том, что в стиле научного изложения в системе русского языка по частоте употребления на первом месте стоят прилагательные, составляющие 58 процентов, на втором — имена существительные, составляющие 40 процентов, на третьем месте — наре-

¹ М. Я. Плющ, Способы словообразования в современном украинском литературном языке. Автореферат диссертации, Киев, 1957, стр. 7.

² А. Твардовский, За далью — даль, М., 1961, стр. 10.

чия, составляющие 2 процента. Что касается сложных слов-глаголов, то их в книге Дмитриевой нет совсем. Следовательно, нельзя не согласиться с акад. В. В. Виноградовым, который утверждает, что в современном русском языке можно говорить в основном лишь об и м е н н о м словосложении.

Если в стиле научного изложения (см. результаты анализа книги Н. Дмитриевой «О прекрасном») первое место занимают имена прилагательные, второе — имена существительные, третье — наречия, то в поэме Твардовского «За далью — даль» употребление сложных слов будет несколько иным: на первом месте будут стоять имена существительные, на втором — имена прилагательные и на третьем — наречия. Анализ словарей современного русского языка (Толкового словаря под ред. Н. Д. Ушакова и Словаря русского языка, составленного С. И. Ожеговым) позволяет утверждать, что наиболее распространенными среди сложных слов являются слова-прилагательные, второе место занимают существительные, а третье — наречия.

Интересно отметить, что в поэме А. Твардовского «За далью — даль» часто встречаются определительные наречия-композиты, семантическая емкость которых способствует употреблению их в определенных стилистических функциях. Так, в главе «Друг детства» определительно-количественные наречия указывают на меру и качество, степень признака. В наречиях-композитах у Твардовского находятся компоненты подчеркнутой и частой повторяемости, например композиты с компонентом *все*.

Я знал: *вседневно* и *всечасно*
Его любовь была верна¹.

Или компонент *мимо*:

И что мне малые напасти
И незадачи на пути,
Когда я знаю это счастье —
Не *мимоходом* жизнь пройти.
Не *мимоходом*, стороною,
Ее увидеть без хлопот,
Но знать горбом и всей спиной
Ее крутой и жаркий пот².

¹ А. Твардовский, За далью — даль, Гослитиздат, М., 1961, стр. 104.

² Там же, стр. 30 и 65.

Здесь несколько тавтологично употребляются рядом слова *горб* и *спина*, так как в древнерусском языке *горб* именно и обозначал *спину*. Но в современном языковом сознании эти два слова уже не являются синонимами, они далеко разошлись в своих значениях и употребление их А. Твардовским вполне закономерно.

Сложных глаголов в языке художественной литературы, например у Твардовского, почти нет (см. ниже, стр. 91). В общелитературном языке они употребляются реже других частей речи. Причем значительная часть их представляет собой кальки с греческого языка; например: *благовословлять*, *благодарить*, *благоденствовать*, *благоприятствовать*, *благодушествствовать*, *благоустраивать*.

К этой группе в основном относится лексика богослужебного обихода, типа: *священнодействовать*, *рукополагать*, *славословить*, *богохульничать*, *святотатствовать*.

Некоторые из вышеприведенных глаголов, подвергшись метафоризации, стали употребляться не только в узкопрофессиональной сфере, но и вошли в систему общенародного языка; например: *славословить*, *благодарить*, *святотатствовать*. Причем в композитах-глаголах (как, впрочем, и в других сложных словах, относящихся к другим частям речи) чаще застывают архаические элементы, которые нередко придают особую экспрессивную окраску сложным словам; например: *тунядствовать*, *чревугодничать*, *ратоборствовать*, *лицезреть*, *усугубить* и др.

Композиты-глаголы выполняют в языке две основные стилистические функции: во-первых, они употребляются как средство создания торжественной, приподнятой речи в книжном языке и, во-вторых, в бытовом просторечии они дают эмоционально-выразительные оценки презрительности, неодобрительности или иронии, которые как бы насаиваются на номинативную функцию слова; например: *сумасбродничать*, *греховодничать*, *вертопрашничать*, *скопидомничать*, *христарадничать*, *злыхать*, *своевольничать*, *двурушничать*.

Экспрессивно-эмоциональный характер сложений глагольного типа делает их особенно выразительными и способствует частоте их употребления в живом разговорном языке; например: *лизоблюдничать*, *дармоедничать*, *ротозейничать*, *зубоскалить*, *злоехидничать* и др.

В терминологической лексике среди композитов-глаголов очень много образований с первым

компонентом *само-*: *самоокупаться*, *самовозгораться*, *самоуплотняться* и др. Причем компонент *само-* в сложном слове переживает процесс суффицизации (термин акад. В. В. Виноградова), т. е. перехода знаменательного компонента в аффикс, иными словами, компонент *само-* как бы теряет функции полнозначного слова и постепенно превращается в аффикс.

Среди композитов-глаголов встречается большое количество форм, которые, несмотря на их прозрачную структуру в современном языковом сознании, почти не осознаются как сложные слова: *любопытствовать*, *лицемерить*, *уполномочивать*.

Но все же композиты-глаголы в современном русском литературном языке употребляются сравнительно редко и относятся к малопродуктивному и мало распространенному разряду сложных слов.

Поэтому мнение академика В. В. Виноградова о том, что в современном русском языке можно говорить лишь об именном словосложении, является, безусловно, правильным. Но тем не менее следует отметить, что в современном русском словосложении имеются и остатки старого глагольного сложения, которое было значительно шире в предшествующие эпохи. Оно было более продуктивным не только в книжных стилях языка, но и в бытовом просторечии. Любопытно, что среди неологизмов глаголы-композиты нередко встречаются в языке современной поэзии; например, в стихотворении Владимира Цыбина:

И мы найдем иные земли
в ненаселенной вышине,
мы, что привыкли *новоселить*
на целине и на луне.

Правда, здесь можно говорить не столько о неологизме, сколько об оживлении старой модели. Причем в данной строфе инфинитив *новоселить* является опорным словом, несущим основную стилистическую нагрузку.

В современном русском литературном языке из глагольных форм чаще других встречаются причастия. Например, в произведении А. Твардовского «За далью — даль» мы встречаем причастие *увековечен*, которое, помимо номинативной функции, несет еще и иронически-экспрессивную. Так автор говорит об одном персонаже:

Друзьями в классики намечен,
Почти уже увековечен¹.

Чаще наблюдается обычный в системе языка переход причастия в сферу прилагательных, тяготение их к именному словосложению. Например, у Твардовского «За далью — даль»:

Но люди, счастье наше в том,
Что счастья мы хотим упорно,
Что на века мы строим дом,
Свой мир живой и рукотворный².

При анализе сложного слова всегда следует учитывать и его валентность, т. е. возможность взаимосо сочетаемости компонентов.

Компоненты в сложном слове всегда взаимно обусловлены. Они могут соединяться лишь с определенным кругом слов. Н. М. Шанский предложил термин «закон взаимосо сочетаемости», отметив при этом, что «каждая морфема имеет вполне определенный круг слов или основ, с которыми она может сцепляться в процессе формообразования и словопроизводства, образуя те или иные слова или их формы»³.

Следует отметить, что не только количество компонентов, которые могут быть взаимообусловлены, валентны, но и самый круг семантико-грамматического употребления основ слов строго ограничен. Так, например, при названиях частей тела человека, животного или птицы: *голова, плечо, лоб, уста, ухо, нога, тело, бедро, голень, палец* — группа слов, которая создается путем словосложения, строго ограничена. Например, *голова* образует следующие компоненты: *большеголовый, многоголовый, крепкоголовый, малоголовый, черноголовый, тупоголовый, пустоголовый*, хотя, конечно, созданная модель дает возможность больших вариаций в словосложении, связанном с этим компонентом, например: *красноголовый, крупноголовый*⁴ и т. п.

¹ А. Твардовский, За далью — даль, 1960, стр. 19.

² Там же, стр. 19.

³ Н. М. Шанский, Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, М., 1959, стр. 61.

⁴ Данные примеры и ниже см. Н. Н. Bielfeldt, Rücklaufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart, Berlin, 1958.

Рядом с компонентом *голов* значительно реже встречается неполногласный компонент *глав*. Например, *двуглавый, трехглавый, семиглавый, пятиглавый, шестиглавый, стоголавый, златоголавый*. Характерно, что при создании композита во втором случае первым компонентом особенно часто выступает имя числительное или прилагательное относительное.

Следует отметить, что семантико-грамматический круг компонентов, при помощи которых образуются сложные слова с основой *голов*, значительно шире, чем с основой *глав*. Кроме того, словосложения с компонентом *голов* обозначают конкретные предметы, части человеческого тела, его цвет, величину, качество. Композиты же с компонентом *глав* называют, как правило, отвлеченные понятия; например, *стоглав*.

Закон валентности или сочетаемости слов иногда разрушается в тех случаях, когда налицо (например, в поэтическом языке) метатеза. Ср. у В. В. Маяковского: «партии рука миллионнопалая»¹ или «класс миллионноголавый».

Менее многочисленно гнездо композитов со словом *губ-а*; например: *сугубый, трегубый, толстогоубый, тонкогоубый, яркогоубый, бледногоубый, синегубый*. Причем два первых композита — *сугубый* и *трегубый* — в словаре Д. Н. Ушакова имеют помету (книжн., устарелый), т. е. они в современном языке являются архаизмами. Если первый из них еще иногда употребляется, то второй встречается только в специально архаизированном употреблении. Но здесь же следует отметить, что глагол *усугубить, усугубиться, усугубленный, усугублять, усугубляться* в современном русском языке в словарях имеет стилистическую помету (книжн.)². Следует подчеркнуть, что в современном языковом сознании глагол *усугубить* уже не разлагается на составные компоненты, а осознается как простое слово, так как компонент *су-* непродуктивен и неупотребителен.

Рядом с компонентом *губ-а*, но значительно реже, употребляется архаический компонент *уст-а*: *стоустый (стоустая толпа, стоустая молва)*.

¹ В. В. Маяковский, Собрание сочинений, т. II, стр. 365 и 349.

² Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. IV, стр. 1007.

Сложные слова, в составе которых имеется компонент **горл-о**, имеют только два антонимичных варианта: **узкогорлый** и **широкогорлый**.

Композиты, в составе которых имеется компонент **пал-ец**, широко распространены; например: **однопалый**, **двупалый**, **трехпалый**, **шестипалый**, **семипалый**. Все эти сложные слова свидетельствуют о том, что в эпоху их образования слово **пал** было непронизводным и употреблялось без суффикса **-ец**.

Сложные слова, в составе которых имеется компонент **бровь**, также количественно ограничены: **тонкобровый**, **чернобровый**, **белобровый**, **седобровый**, **густобровый**. Ср. **белобрысый** не разлагается на составные части в сознании говорящего, так как **бры** не употребляют в современном языке.

Ограничено и количество компонентов, употребляющихся во второй части с **бород-а**; например: **рыжебородый**, **большебородый**, **седобородый**, **светлобородый**, **чернобородый**, **русобородый**.

Очень невелико количество слов, в составе которых имеется компонент **лоб**: **низколобый**, **твердолобый**, **узколобый**, **крепколобый**, **меднолобый**.

Еще более количественно и качественно ограничены композиты, в состав которых входит компонент **зуб**: **острозубый**, **мелкозубый**, **белозубый**, **неполнозубый**.

Сравнительно ограничено количество сложных слов со словами: **плечо**, **рука**, **глотка**, **уста**, **брюхо**, **ухо**, **шея**, **бок**, **щека**, **рожа**, **грудь**, **хвост**, **пузо**, **тело**, **зад**, **рыло**. Например, с **плеч-о**: **широкоплечий**, **узкоплечий**, **косоплечий**, **равноплечий**. Так, с частью **рук-а** находим слова: **собственноручный**, **двуручный**, **двурушник** (В. В. Виноградов в своих критических заметках по происхождению слов выяснил, что слово **двурушник** некогда обозначало нищего, который просил милостыню обеими руками). Сложные слова с компонентами **нос**: **большеносый**, **кривonosый**, **курносый**, **изкорноносый**, **носоглотка**, **носоглоточный**; **ух-о**: **треух**, **вислоухий**, **одноухий**, **корноухий**, **лопоухий**, **остроухий**; **ног-а**: **одноногий**, **трехногий**, **резвноногий**, **тонконогий**, **кривонogий**, **крепконогий**, **козлонogий**, **хромоногий**, **толстоногий**, **кривоножка**, **долгоножка**, **многоножка**, **плодоножка**, **сороконожка**, **хромоножка**, **босоножка**.

Столь же ограничено использование в сложных словах компонента **око-**: **волооккий**, **чернооккий**, **стооккий**.

С компонентом **бок** встречается не более пяти-шести сложных слов: **кособокий**, **кривобокий**, **белобокий**, **однобокий**, **чернобокий**, хотя, конечно, при наличии моделей их может быть значительно больше.

С основой **груд-ь** в словаре Бильфельда зарегистрировано только два сложных слова: **широкогрудый** и **узкогрудый**; с композитом **пуз-о** только два слова: **толстопузый**, **голопузый**; со словом **бедр-о** находим только два примера: **широкобедрый** и **узкобедрый**.

Сравнительно много сложных слов образуется с компонентом **глаз**. Например: **синеглаз**, **тупоглаз**, **зеленоглаз**, **пучеглаз**, **одноглаз**, **разноглаз**, **черноглаз**, **лупоглаз**, **сероглаз**. Известно, что слово **глаз** в древнерусском языке обозначало блестящий камешек, и вытеснение словом **глаз** общеславянского слова **око** проф. П. Я. Черных относит лишь к XVII веку¹.

Довольно многочисленны образования, в состав которых входит компонент **крыл-о**: **сизокрылый**, **легкокрылый**, **ширококрылый**, **чернокрылый**, **шестикрылый**, **острокрылый**, **быстрокрылый**.

При сочетаемости двух компонентов второй компонент обычно выражает родовое понятие, а первый, как правило, является носителем видового признака. Например, со словом **кожа-а** встречаются сложные слова: **тонкокожий**, **излокожий**, **краснокожий**, **толстокожий**, **желтокожий**, **белокожий** и т. д.

Первый компонент обозначает цвет, качество, с в о й с т в о кожи. То же самое наблюдается и при употреблении слова **рыл-о**: **тупорылый**, **острорылый**, **тонкорылый**. Первым компонентом в композитах является следующее: **туп-о**, **остр-о**, **тонк-о**.

При употреблении компонента **волос**, **влас**; например: **рыжеволосый**, **седоволосый**, **долговолосый**, **коротковолосый**, **беловолосый**, **светловолосый**, **черноволосый**, **золотоволосый**, **простоволосый**, **густоволосый**. В первом компоненте прилагательные обозначают цвет или величину; например: **рыже-**, **седо-**, **бело-**, **светло-**, **черно-**, **долго-**, **коротко-**, **густо-**, **просто-**.

Итак, второй компонент является носителем родо-в о г о признака. В нем заключается основное, ведущее

¹ П. Я. Черных, Очерк русской исторической лексикологии, изд. МГУ, М., 1956, стр. 36—37.

значение слова. Первый компонент является носителем признака качества, свойства. Второй компонент определяет грамматический род того или иного существительного.

Следовательно, выбор того или иного артикля в немецком языке зависит от второго компонента. При образовании композита, вторым компонентом которого являются названия человеческого тела или животных, первый компонент обычно обозначает качество, выраженное прилагательным или наречием. Например, *больш-о, долг-о, мног-о, толст-о, бел-о, черн-о*. Хотя в лингвистической литературе делались неоднократные попытки классифицировать слова по первому компоненту слова, следует считать такие попытки неправомерными. В дальнейшем при классификации сложных слов (учитывая взаимосвязи и взаимодействия и первого и второго компонента) упор будет сделан в основном на второй компонент, так как все имеющиеся и все вновь создаваемые в языке сложные слова подводятся под определенные грамматические категории, классифицируются как те или иные части речи именно по второму компоненту.

Среди композитов имен существительных выделяются следующие группы, состоящие из двух, реже трех компонентов, осложненных или не осложненных суффиксами:

- а) существительное + существительное: *кинофильм, железобетон, дымогар, автомеханик, зоотехник, газобаллон*;
- б) прилагательное + существительное: *суходол, чернозем, краснозем*;
- в) местоимение + существительное: *самокритика, самолюбие, себялюбие*;
- г) местоимение + числительное: *урожай сам-пят, сам-шест, сам-сем*;
- д) числительное + существительное: *одnodум, первомай, двурушник*;
- е) существительное + компонент с глагольной основой: *дроворуб, птицелов, землероб, растениевод, землевоз*;
- ж) сочетание глагольной основы с именем существительным (*Nomina agentis*): *скопидом, вырвиглаз*.

Среди существительных с глагольной основой особенно часто в разряде *Nomina agentis* употребляется второй компонент *вод*: *растениевод, хмелевод, оленевод, коневод, овцевод, птицевод, яйцевод, бахчевод, рыбовод, луго-*

вод, садовод, плодovод, собаковод, кроликовод, шелковод, хлопковод, пчеловод, свекловод, семеновод, свиновод, жевотновод, льновод, куровод, лесовод.

Следует отметить, что среди этого подвида названий деятелей особенно широко употребляются названия специалиста, ведающего разведением животных или растений.

Широко распространен компонент *лов*. Например: *птицелов, крысолов, рыболлов, буйволлов, тигролов, зверолов, китолов*.

Довольно распространенным является и компонент *воз*. Например: *землевоз, бомбовоз, тяжелоюз, тепловоз, сноповоз, водовоз, паровоз, электровоз*. А также сложные слова с компонентом *вар*. Например: *клеевар, сталевар, стекловар, содовар, красковар, медовар, мыловар*. Подробнее об этом см. главу «Словосложение имен существительных».

Количество сложных слов, образованных при помощи глагольных основ: *вод, воз, руб, лов, бар* — неодинаково, продуктивность их различна. Если композитов, образованных при помощи основы *роб*, в словаре Бильфельда зарегистрировано только три: *землероб, хлебороб и хлопкороб*, то при помощи морфематического элемента *лов* в этом же словаре находим около десятка слов. При помощи же суффиксированного элемента *вод* образуются сложные слова, которых насчитывается несколько десятков, так как это очень продуктивный в современном языке способ словосложения.

Во всех примерах компоненты сложного слова *вод, роб, руб, лов, вар* стоят на границе между словом и суффиксированным элементом (по терминологии академика В. В. Виноградова).

Эти компоненты имеют следующие особенности. Во-первых, они употребляются регулярно; во-вторых, они отличаются своей продуктивностью и общеупотребительностью. Кроме того, в отдельных случаях они существуют лишь в структуре отдельного сложного слова и взяты отдельно не являются словами в современном русском языке, например компонент *роб*: *хлопкороб, землероб, хлебороб*. Поэтому

¹ Грамматика русского языка, т. I, Фонетика и морфология, изд. АН СССР, М., 1952, стр. 273—274 и следующие.

только в результате специального лингвистического анализа могут быть выяснены их семантические соотношения и грамматические связи. Н. М. Шанский предлагает по отношению к ним термин «суффиксоиды»¹. Однако следует считать, что более удачным является термин, предложенный в свое время академиком В. В. Виноградовым: «суффиксированный суффикс», так как в этом случае в сложных словах не всегда можно говорить о законченном акте словосложения. Дело в том, что происходит живой процесс исторического развития, процесс превращения основы слова в суффикс, причем разные модели слов находятся на разных ступенях развития. Одни из них только начинают образовывать сравнительно немногочисленную группу слов, которая обособляется в определенную модель. Другие уже образовали многочисленную серию слов. Но все же связи со словом, входящим в композит, еще живы. Некоторые же сложные слова, например слово *полотер*, во второй части уже являются суффиксированным суффиксом. То же самое можно сказать и о слове, в сложном характере которого имеется переход основы в суффиксальный элемент, например: *злодей*, *добродей*, *лицедей*, *стихोдей*, *Горбодей* (фамилия) и др.

О том, что компонент *-дей* был еще распространенным и продуктивным в XVIII столетии, свидетельствуют сложные слова, зарегистрированные в «Словаре Академии Российской»: *чудодей* (VI—828), *лицедей* (II—898), *добродей* (II—896), *сквернодей* (V—472).

Как указывает В. И. Троицкий, исследовавший высокие стили поэзии второй половины XVIII века, у Г. Р. Державина встречаются композиты *стиходей* и *рифмодей*. У Фонвизина название одного произведения «Лисица-Кознодей»².

В современном русском языке встречается только *злодей*, в котором второй элемент, как самостоятельная основа, фактически уже угас и перешел в суффикс.

Итак, если в композитах типа *клеевар*, *солевар* и др. (см. в словаре Бильфельда) можно говорить о первой

¹ Н. М. Шанский, Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, М., 1959.

² В. И. Троицкий, Типы сложных слов в высоком стиле второй половины XVIII века, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1946.

ступени аффиксирования, то в словах типа *Горбодей*, *добродей*, *злодей*, в котором второй компонент генетически связан с глаголом *дѣти*, идет речь уже о второй ступени аффиксирования, при которой значение второй основы потускнело и она превратилась в аффикс.

Видимо, более точным будет термин не суффиксирование, а аффиксирование, так как такие аффиксы, возникшие из основ, некогда были равны слову, например слову *разно* в *разноличный*, из которого возникло современное *различный* (см. выше, стр. 55). Подтверждением этого положения является слово *лицедей*. Во всех вышеприведенных примерах наблюдается переход значимых компонентов в разряд служебных.

Какие же причины способствуют переходу слова-элемента в суффиксо-элемент? Частично они уже были разобраны: это регулярность, общепотребительность и продуктивность. В ряде случаев данному процессу способствует переход знаменательного компонента в аффиксоид и архаическая лексика. Например, в слове *велеумный* первый компонент требует уже специального языкового объяснения.

Итак, сложные слова теряют в отдельных компонентах свою полноту и переходят в разряд суффиксоидов. Этому способствует и наличие архаизмов в составе сложных слов. Например: *деееспособный*, *ежесекундный*, *ежедневный*, *еженедельный*, *ежесемечный*, *ежегодный*, *водоем*, *велегласный*, *тщеславие*, *туняедец*, *инакомыслящий*, *велеречивый*.

Следует отметить, что в ряде случаев наблюдается оживление, воскрешение старой модели. Это произошло со словами *туняедец*, *инакомыслящий*, *велеречивый*. Здесь действуют причины социального характера.

Кроме аффиксации, т. е. процесса перехода одного из компонентов сложного слова в аффикс, в ряде случаев происходит исчезновение целого компонента сложного слова. В данном случае можно говорить о так называемой нулевой аффиксации. Например, *приснопамятный*, *достопамятный*, *памятный* употреблялись некогда параллельно. В процессе исторического развития два первых слова вышли из употребления, заменившись последним.

Проблема взаимодействия аффиксального способа образования слов и словосложения принадлежит к числу наименее изученных вопросов частного и общего языкознания. На это в свое время обратил внимание В. А. Богородицкий, отметивший генетическую связь словосложения и словопроизводства. «Особый случай словопроизводства составляют сложения (сложные слова), например: *водолаз, черноглазый, боготворить* и т. п. Словосложение... служит восполнением обыкновенного (суффиксального) словопроизводства. Связь между ними особенно видна в том случае, когда язык слабо развит — один способ словопроизводства компенсирует... его другим; так, в немецком языке существительные очень бедны суффиксами, вследствие чего многим русским суффиксам существительных соответствует употребление сложений. Например, в русском языке класс ягод обычно выражается посредством суффикса *-ика* или *-ника*. Например, *ежевика, земляника* и т. д., а в немецком видим сложение со словом *Beere*, т. е. ягода (ср. *земляника* — нем. *Erdbeere*, *ежевика* — *Brombeere*, *костяника* — *Steinbeere*, *черника* — *Schwarzbeere*)»¹.

Заслуга В. А. Богородицкого заключается не только в том, что он заметил соответствие процессов словосложения и словопроизводства в разных языках, но и в том, что в пределах одного и того же языка он подчеркнул возможность перехода одного из компонентов словосложения в аффикс, заметив, что «второй член сложения в случаях своей большой употребительности иногда поднимается в своей знаменательности до роли суффикса, примеров чего немало встречаем опять-таки в немецком. Таковы суффиксы: *-bar, -haft, -tel* и др.»².

Не ограничиваясь фактами немецкого языка, в котором словосложение занимает очень большое место, В. А. Богородицкий обращается к русскому и замечает, что «в таких сложных прилагательных, как *стекловидный*, вторая часть стала если не вполне, то почти суффиксом»³.

Уже был отмечен процесс «обрастания» сложных слов суффиксами. Но этот процесс идет параллельно со слово-

¹ В. А. Богородицкий, *Общий курс русской грамматики*, Казань, 1913, стр. 138.

² Там же, стр. 138.

³ Там же, стр. 138.

сложением (на что в свое время обратил внимание и Е. Дикенман).

Исследователи давно указывали на то, что сложных слов безаффиксальных значительно меньше, чем сложных производных слов. В данной работе (см. стр. 57) ранее было сделано наблюдение над ростом аффиксации и влиянием аффиксации на словосложение в процессе исторического развития языка. В то же время следует подчеркнуть, что «обрастания» аффиксами сложного слова не регулярны, так как в современном русском языке имеется большое количество сложных слов, не подвергшихся аффиксации. Таковы, например, названия явлений природы, типа: *ледолом, сенокос, чернозем, глинозем*, и названия действующих лиц: *кашевар, рыболов, коногон, коновод, сталевар*.

Большой интерес представляют структурно-грамматические типы композитов-существительных, поэтому на странице 86 была приведена лексико-семантическая классификация существительных, которая может быть использована и в школьном преподавании.

В области сложных прилагательных наиболее четкая классификация продуктивных типов прилагательных дана академиком В. В. Виноградовым в «Грамматике русского языка» (изд. АН СССР).

В данной классификации выделяются следующие типы:

1. Сложные имена прилагательные, образованные из устойчивых несвободных или же свободных сочетаний имени прилагательного и имени существительного, например: *...железнодорожный* (железная дорога) *...сельскохозяйственный* (сельское хозяйство), *...экспериментально-психологический* (экспериментальная психология).

Тип продуктивный.

2. Сложные имена прилагательные, образованные из сочетаний наречия и имени прилагательного, реже — причастия, например: *высокообразованный, дикорастиющий, здравомыслящий*...

Тип продуктивный.

3. Примыкающие частично к этому типу сложные имена прилагательные, образованные из двух основ прилагательных или качественного наречия и прилагательного и обозначающие оттенки цветов или качество с дополнительным оттенком, например: *бледно-розовый, горько-соленый, золотисто-желтый*...

Тип продуктивный.

4. Сложные имена прилагательные, образованные из двух и более основ имен прилагательных, обозначающих равноправные понятия, например: *беспроцентно-выигрышный*, *партийно-комсомольский*...

Тип продуктивный.

5. Сложные имена прилагательные, первым элементом которых является имя числительное в форме родительного (реже именительного) падежа, а вторым — именная основа (с прибавлением суффиксов относительных прилагательных), например: *двадцатипроцентный*, *пятиметровый*...

6. Сложные имена прилагательные, образованные и образуемые из сочетания местоимения и имени прилагательного или причастия. В этом типе можно наметить несколько подразделений — в зависимости от различия местоименных основ в первой части:

а) *всеведущий*, *всевозможный*...

б) *каждогодний*, *каждодневный*...

в) *ежесекундный*, *ежесекунтный*...

Сюда же примыкают:

г) *своевольный*, *своенравный*...

д) *самовольный*, *самочинный*...

Однако оба последних разряда обнаруживают самую тесную связь с соответствующими сложными именами существительными и могут рассматриваться как производные от них.

Типы непродуктивные.

7. Сложные имена прилагательные, образованные из подчинительного сочетания двух именных основ (с прибавлением суффиксов относительных прилагательных) или из подчинительного сочетания основы существительного с именем прилагательным, например: *грузоподъемный*, *жизнерадостный*...

Типы продуктивные, особенно в специальной терминологии.

8. К предшествующему типу примыкает тип сложных имен прилагательных, которые образуются как бы из подчинительного сочетания двух имен существительных, например: *клинолистный* (ср. лист клином), *паровозотремонтный* (ср. ремонт паровозов)...

Тип продуктивный в специальной терминологии.

9. Сложные имена прилагательные, состоящие из основы существительного и из причастия, например: *водоплавающий*, *магнитодвижущий*...

К этому же типу примыкают сложные прилагательные, образованные из основы имени существительного и основы глагола, осложненной суффиксами *-тельн-*, *-льн-*, *-н-*, например: *сноповязальный*, *маслодельный*...

Тип продуктивный в специальной терминологии.

10. Сложные прилагательные, образованные из сочетания (посредством соединительного гласного) двух основ имен существительных, обозначающих равноправные понятия, причем ко второму компоненту присоединяются суффиксы относительных имен прилагательных *-н-*, *-ск-* и некоторые другие, например: *рабоче-крестьянский*, *товаропассажирский*...

Тип малопродуктивный.

11. Сложные имена прилагательные, образованные из словосочетаний глагольного типа, например: *многозначный* (ср. много значит), *судоходный* (ср. суда ходят)...

Тип малопродуктивный.

12. Сложные имена прилагательные, образованные из предложно-именных словосочетаний, например: *повсеместный*, *потусторонний*.

Тип малопродуктивный¹.

Большая ценность этой классификации, предложенной акад. В. В. Виноградовым, заключается в том, что здесь указаны не только продуктивность и малопродуктивность типов прилагательных, но отмечена и сфера их употребления. В школьном преподавании полезно отметить и стилистические функции тех или иных типов прилагательных, привлекая также антонимию.

Проф. Е. М. Галкина-Федорук говорит об антонимах как словах с противоположным значением, употребляющихся для обозначения контрастных явлений, и отмечает, что «подавляющее большинство антонимов выражает противоположность качественных понятий, но с разной градацией... антонимами друг другу могут быть также слова, обязанные с выражением, временных пространственных и количественных отношений»².

¹ Грамматика русского языка, т. I, Фонетика и морфология, изд. АН СССР, М., 1952, стр. 365—367.

² Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык, М., 1958, стр. 24—25.

В процессе словосложения обычно возникают антонимические пары, причем антонимия создается первым компонентом сложного слова:

много — мало

многолюдие — малолудие
многолюдность — малолюдность
многолюдный — малолюдный
многоземельный — малоземельный
многочисленный — малочисленный
многоводный — маловодный
многосемейный — малосемейный
многоговорящий — малоговорящий
многозначительный — малозначительный

высоко — мало

высокопитательный — малопитательный
высококалорийный — малокалорийный
высокочувствительный — малочувствительный
высокорослый — малорослый
высокоудойный — малоудойный
высокообразованный — малообразованный
высокоурожайный — малоурожайный
высокохудожественный — малохудожественный
высокооплачиваемый — малооплачиваемый, низко-
оплачиваемый
высококультурный — малокультурный
высокопроизводительный — малопроизводительный

обще — мало

общепонятный — малопонятный
общепотребительный — малопотребительный

В ряде случаев антонимия присуща не только парам сложных слов, как это уже было показано, но она присутствует и в составе одного композита, например: *выпукловогнутый, кисло-сладкий, приливо-отливный, вопросо-ответный, приходе-расходный*.

Антонимом к композиту может служить и аффиксальное слово, что свидетельствует о тесной связи словосложения и аффиксации. Например, *свокорыстный — бескорыстный*,

слабохарактерный — бесхарактерный. Иногда полнозначному компоненту сложного слова может соответствовать в качестве антонима это же слово с отрицанием *не*, превратившемся в аффикс. Например, *добросовестный — недобросовестный, долговечный — недолговечный*.

Таким образом, антонимия в словосложении получила широкое распространение. Синонимические же процессы в словосложении распространены незначительно, что объясняется огромной емкостью сложного слова и пересечением в его значении нескольких слов. На это в свое время обратил внимание А. А. Касаткин, утверждающий, что «сложные слова обладают меньшей многозначностью, меньшим полисемантизмом...», что они «будут в известной степени более замкнуты... так как их семантическое содержание, фигурально выражаясь, будет определяться пересечением двух или нескольких смысловых координат»¹. Именно вследствие этого сложные слова получили широкое распространение в терминологии.

Отсутствие *полнозначности, моносемантизма* — особенно ценные особенности композитов, широко распространенных в терминологической лексике, в которой наиболее проявляется процесс словосложения.

Так, Р. А. Будагов в работе «Слово и его значение» подчеркивает огромную роль терминов для развития науки: «Термин не только регистрирует понятия, но в свою очередь воздействует на эти понятия, уточняет его, отделяет от смежных представлений»².

Особенно велика в наши дни роль общественно-политической и технической терминологии. Р. А. Будагов отмечает, что «термин отличается от слова своей моносемантичностью (однозначностью), большей точностью своих смысловых границ»³. Далее Р. А. Будагов пишет еще об одном отличии терминологической лексики: «Термин отличается от слова не только своим тяготением к однозначности, термин лишен также эмоциональной окраски, и это второе свойство термина определяется его первой особенностью — стремлением к однозначности»⁴.

Новые слова — неологизмы в области терминологии

¹ А. А. Касаткин, Сложные имена существительные в итальянском языке. Кандидатская диссертация, Л., 1951, стр. 138.

² Р. А. Будагов, Слово и его значение, Л., 1947, стр. 23.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 24.

возникают в связи с постоянным совершенствованием техники, развитием науки очень часто, но они всегда базируются на тех моделях, которые уже имеются в языке. Следует помнить, что всякое новое слово обусловлено предшествующей языковой традицией. «Лингвисты знают лишь несколько слов в европейских языках, выдуманных и независимых от этой предшествующей традиции: *код*, *газ*, *рококо*, *фелибр*, — этими словами почти исчерпывается список немотивированно-искусственных сочиненных слов»¹, — отмечает Р. А. Будагов, и характерно, что ни одно из них, за исключением слова-основы *газ*, не вошло в качестве компонента в сложное слово.

Лингвистами установлено, что неологизмы возникают по моделям, существующим в данном языке чаще всего из собственных его элементов или реже путем контоминации элементов, заимствованных из другого языка. Например, неологизмы: *Целиноград*, *Зеленоград*, *Петроград* возникли по моделям, имеющимся в языке: *Царьград*, *Белгород*, *Новгород*. Эти модели еще в XVI столетии, как утверждает Борис Унбегаун, не были композитами, а были словосочетаниями, о чем свидетельствуют его иллюстрации, заимствованные из древнерусских памятников. Например: *отъ бѣла города* (1494, ДСК, I, 209; 1501, *ib.*, 354, 357); *къ бѣлу городу* (1494, *ib.*, 209; 1504, ДСК, I, 464; 1515, ДСК, II, 129); *въ бѣлѣ городѣ* (1494, ДСК, I, 209 *bis*; 1504, ДСК, 1464); *великому нову городу* (1505, ДСК, 135); *въ новѣ городѣ* въ литовском (1502, ДСК, I, 451); *въ новѣ городѣ* (1506, 1506, ДСР, 150); в великомъ *новѣ городѣ* (1515, ДСК, II, 120); въ нижнем *новѣ городѣ* (М., 77); ... *3 бѣла озера* (1497, АС, 95; 1546, *ib.*, 273); *отъ бѣла озера* (*ib.*, 273); *на бѣлѣ озерѣ* (1497, АС, 96, 97 *bis*, 1512, ААЭ, 123 *bis*, 124, 1536, РИБ, II, 32²). Или *цари градъ*; из, до, *от царя города* (1501, ДСК, I, 357; 1515—1519, ДСК, II, 142, 156, 231, 235, 255, 228, 377, 671); *во Царигородѣ* (1512, I, ДСК, 357); *во царѣ на городѣ* (1517—1519, ДСК, II, 428, 692, 701)³.

Словосочетания XVI столетия в XVII столетии дали затем сложные слова *Новгород*, *Белгород*, которые, изоли-

ровавшись из предложений, употреблялись некоторое время параллельно с словосочетаниями, а затем семантическая связь словосочетания и сложного слова оборвалась. Но оставшись в системе русского языка, вновь созданные композиты типа *Новгород* (который стал обозначать с т а р ы й город) и *Белгород* стали моделями, по которым в наши дни образуются названия городов: *Волгоград*, *Калининград*, *Кировоград*. Таким образом, нельзя не согласиться с Р. А. Будаговым, утверждающим, что «мы не встречаем в языке абсолютно новых слов, рвущих с предшествующей языковой традицией, но оказываемся свидетелями непрерывного смыслового обогащения языка, и если в архаизмах отражается прошлое, то неологизмы обогащают язык новыми представлениями»¹.

В современном русском языке слова *пятилетка*, *пионервожатый*, *семилетка*, *космодром*, *космонавт* — это новые слова, отражающие достижения социалистической эпохи и завоевания советского народа.

Итак, при изучении словосложения необходимо учитывать и архаизмы и неологизмы, памятуя при этом, что неологизмы одной эпохи становятся архаизмами в последующие эпохи, что особенно ярко можно проследить по тем новым словам, которые возникли, например, в петровское время.

Следует отметить, что между неологизмами, возникающими в языке писателя, и неологизмами общего литературного языка нет и не может быть непереходимого рубежа. В этом отношении справедливо утверждение В. Д. Левина, не приписывающего неологизмам художественной литературы какой-либо исключительности, говорящего, что «если они (неологизмы) проникают в литературный язык (что происходит, очевидно, крайне редко), то в художественной литературе они займут место как всякое слово литературного языка. Если же неологизм «не обобщается», он не закрепляется и в художественной литературе, оставаясь поэтической «находкой» для данного случая, для данного контекста, каждое повторение слова будет ощущаться, как неологизм, рожденный в данном *новом* контексте»².

¹ Р. А. Будагов, Слово и его значение, Л., 1947, стр. 38.

² В. Д. Левин, О месте языка художественной литературы в системе стилей национального языка. Сб. «Вопросы культуры речи», вып. 1, изд. АН СССР, М., 1955, стр. 71.

¹ Р. А. Будагов, Слово и его значение, Л., 1947, стр. 37.

² Boris Unbegaun, La langue russe au XVI siècle 1500—1550, Paris, 1935, стр. 341.

³ Boris Unbegaun, Цитированная выше работа, стр. 341 и ниже.

Наблюдения над неологизмами, созданными в XVIII столетии, говорят о другом — о переходе неологизма, созданного писателем, в систему литературного языка вообще. Так, по мнению академика Я. Грота, слово *Петрополь* было создано в XVIII столетии М. В. Ломоносовым. Вторая часть этого слова означала *поль*. Это же слово употреблено Пушкиным в «Медном всаднике»:

И всплыл *Петрополь*, как тритон,
По пояс в воду погружен.

Затем слово *Петрополь* из системы поэтических стилей перешло в систему литературного языка эпохи и перестало ощущаться как индивидуальное словообразование. В этом плане справедливо указание акад. В. В. Виноградова, что «изучение языка художественной литературы открывает широкие возможности понимания общей закономерности языка эпохи... работа писателя над языком своих произведений дело не частное, не личное, а общее, народное. Язык писателя — общенародное достояние»¹. И далее: «Развитие литературы и ее стилей оказывает мощное воздействие на культуру народной речи, на темпы и характер совершенствования национального литературного языка»².

Интересно также высказывание Н. Ю. Шведовой: «Язык художественной литературы как в лексическом, так и в грамматическом отношении представляет собой очень сложное образование: в нем в той или иной степени и в разных формах находят свое отражение самые разнообразные стороны общенародного языка, преломленные сквозь призму мировоззрения и мастерства писателя и выступающие в разных соотношениях в авторском повествовании, в речи рассказчика, в диалоге, в несобственно прямой речи, в различных формах речевой характеристики героев, в их внутренних монологах»³.

Сфера новаторства в языке, т. е. употребления неологизмов, — это обычная сфера индивидуального употребле-

ния. Переходя в общенародный язык, неологизм создает зачастую целое гнездо слов (существительных, прилагательных, глаголов, наречий), образованных от одного корня, и становится фактом общелитературного языка. Но так бывает не всегда. В ряде случаев, например у В. В. Маяковского, наряду с использованием обычных традиционных композитов употребляется и большое количество неологизмов индивидуального употребления, которые были созданы окказиально, только для данного произведения, и остались единичными даже в слоге Маяковского, как неповторимый речевой акт, как средство художественного изображения.

Роль словосложения в разных сферах применения языка (в различных стилях) в разные эпохи исторического развития неодинакова. Так, ярким образцом торжественно-патетических стилей является повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием¹, написанная, по-видимому, в восьмидесятых годах XVI столетия. В ней отражена высокая риторика той эпохи, которая восходит к «Сказанию о Мамаевом побоище», «Истории о Казанском царстве», «Сказанию о Петре и Февронии». Торжественный, приподнятый тон этой повести создается обилием сложных эпитетов с первым компонентом **мног-о**, например: *многопохвальные* речи (136), *многобохохвальные* глаголы (136), *многогорделивою* великою силою (137), *многохвальные* песни (146), *многочисленным* раненым (147), *многопотребные* вещи стояху (134), *многозельная* злая монастырю творяху (124), *многозельного* греха (130), *многогордостно* сплетенная хвала (127).

Много сложных композитов с первым компонентом **добр-о-:** *добропобедных* храборников (153), *доброцветными* словесы (153). Значительное количество сложных слов и с первым компонентом **все:** *всегорделивый* язык (148), *всемудре* (134), *всезакрытый* и злоядовитый (129) (Псков. — Е. В.)... *четверограден всекаменными* стенами (134), *всегорделивый* (128).

Все приведенные сложные слова наряду с такими, как *гордонапорная* Литва (155, 158), *скорозельное* бегство (159), *высокопарна* орла (162) и другими, способствовали созданию торжественного стиля «плетения словес».

¹ «Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием», «Русские повести XV—XVII веков», М.—Л., 1958, стр. 124—166.

¹ В. В. Виноградов, Заметки о языке художественных произведений. Сб. «Вопросы культуры речи», изд. АН СССР, 1955, стр. 53.

² Там же.

³ Н. Ю. Шведова, Общее и индивидуальное в языке писателя, «Вопросы языкознания», 1952, № 2, стр. 104.

Автор повести как бы умышленно нагнетает слова одно-коренные, создавая сложную и причудливую ткань повести, проникнутой высоким патетическим чувством. Например, компонентом *град* в повести образован целый ряд композитов и словосочетаний: *градоємство* (141, 142, 144, 149), *градовязтие* (141), *градоємцы* (141, 142, 143, 145, 146, 149, 154, 158, 159, 159, 159), *градоємное* дело (141, 163), *градоємные* обычаи (168), *градоємного* умышления (141, 142), *градоємные* вещи (143), *градоукрепление* (159).

Третьим способом создания высоких стилей является тавтология. Например, *злозамышленное... умышление* (158), *окладообразным образом* (158). Очень часто третьим компонентом, который часто встречается, является компонент *зло*. Например, *злозамышление* (158), *злоумышленно* (141), *злосердитый* канцлер (163), *злоядовитый* (129) и его антоним *добро*.

Для высокого торжественного стиля «Повести об осаде Пскова Стефаном» характерно употребление сложных слов и с тремя компонентами, например: *мертвотрупоядательные* псы (473), *храбропобедный* пот (475); обилие тавтологий в словосложении и словосочетании, например: *мудроумышленного ума* (135); или: *каменносечцы* почели каменную стену подсекати кирками и всякими *каменнодольными* запасы (158). Факты тавтологии также характеризуют высокий стиль.

Иногда словосложение употребляется параллельно с аффиксацией, и получают такие искусственно созданные композиты, как *безбогонадежное* умышление (154); или: пролому *удобновсходну* (145). Причем во втором случае уже трудно выделять префикс *у-*, так как древнерусский корень *доб* в современном языковом сознании уже не выделяется.

Очень много в повести эмоциональных эпитетов. Например, литовский король обрисован такими словами: *неутолимый* аспид... рад бе всегда *кровопролиту*. Его соратники, осадившие Псков, рисуются автором повести следующим образом: начальные волки по *кровопролиту* (131).

Встречается также в повести параллельное употребление сложного слова и словосочетания, из которого оно возникло. Например, *кровопролитие* (128, 131) и словосочетание *пролитие неповинное крови* (120). Или: *гра-*

доукрепление (142, 159) и рядом с этим композитом встречается словосочетание *градному укреплению* (142).

Нередко употребляются и плеоназмы. Например, под 1410 годом в грамоте митрополита Фотия с увещанием о возвращении похищенного церковного имущества содержится словосочетание: *татекрадное* приобретение¹.

В XVII веке в письмах Сильвестра Медведева обилие сложных слов. Например: «...Яко сухая неплодная земля дождем на *боготоплодие* предлагается и гобзовательное *доброплодие* произносит, сие гласом твоего преподобия в человецех неплодствующаяся *добродетель* на *всетучное благоплодие* претворилася, и выну пребогато возрастая и плодами покаяния в насыщение жаждущим душам процветая и цветов *благовоением* смрад в советах лежащий иссушая, и яко от *благотучны* и здоровых пищей *благоговенство* во человеческих сердцах умножалось, страх божий распространялся, вера расширялася, надежда укреплялася, *милосердие* мощь свою воспримало, суд, правда и милость, мир и любовь непритворная в целости пребывали, хвала и служба божия в церквах всюду *громогласились*»².

В этих же письмах очень много традиционных сложных слов с первым компонентом *благо*: *благоплодие*, *благовоение*, *благотучных* пищей, *благоговенство*. Наряду с обилием композитов с повторяющимся компонентом можно найти и такие синонимы, как *благоплодие* и *богатоплодие*.

Сложные слова широко проникают в язык переводных сочинений. Например, в предисловии к «Великому зеркалу», написанному высоким стилем, встречается большое количество сложных слов с компонентом *бог*: *богоугодных* мужей, *боголюбивый* муж, *богоплодоносные* древеса, *богодухновенных* писаний и т. д. Много сложных слов типа: *сладкоуханные* цветы; повторение слов типа *Вертоград*³.

Итак, в языке XVI—XVII столетий широко употреблялись сложные слова в высокаторжественном слоге. Они

¹ Акты исторические, т. I (1334—1598 гг.), Спб., 1841, стр. 485.

² Письма Сильвестра Медведева, «Памятники древней письменности и искусства», вып. IX, IV, Спб., 1901, стр. 25—26.

³ «Великое зеркало». Исследование П. В. Владимирова, М., 1884, стр. 53.

были тем стилистическим средством, которым создавалась «украшенная» высокая речь. «В публицистических, церковно-полемических и художественно-литературных стилях русской книжной речи, — как отмечает В. В. Виноградов, — укрепляются своеобразные формы отвлеченного символизма, аллегорического изложения, изысканных параллелей и сравнений»¹.

В публицистических стилях XVII столетия наблюдается «стилистическая изощренность», «пышность слога», созданию которого в значительной степени способствовало и словосложение. Такое же словоупотребление композитов характерно и для переписки Ивана Грозного с Курбским (особенно для писем Ивана IV).

В XVIII столетии словосложение, употребляясь в старых традиционных жанрах оды и трагедии, под пером Ломоносова, Державина, Тредиаковского, Сумарокова получило дальнейшее развитие и распространение.

В XVIII же столетии у Радищева мы наблюдаем включение сложных слов в систему публицистических стилей.

Радищев по сравнению с другими писателями-современниками употребляет много сложных слов. Характерно, что сложные слова, составляющие сравнительно небольшой процент в языке «Путешествия», наиболее часто употребляются в главах «Спасская полость» и «Выдропуск», в которых автор осуждает самодержавие и крепостничество, осуждает рабство и указывает пути освобождения крестьян. Сложные слова в системе публицистических стилей Радищева употребляются как определенное стилистическое средство. Среди сложных слов мы находим:

существительные: *неправосудие, бредоумствование, властолюбие, раболепие, смертоубийство, жестокосердие, лобомудрие*;

прилагательные: *жестокосердный, всесильный, смертоносный, громopodobный*;

глаголы: *раболепствовать, благословлять, возблагодаряем*;

наречия: *быстротечно, стоглазно*.

Сложные слова очень часто выступают в синтаксической роли подлежащих, сказуемых, но главным образом они употребляются в качестве определений и обстоятельств.

¹ В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1934, стр. 26.

В этом случае они создают яркие, красочные эпитеты. Например: помещик *жестокосердный*, начальник *самовластный*, стража, бдящая *денно-ночно, стоглазно*.

По составу сложные слова у Радищева можно подразделить на несколько типов:

1) существительное + существительное: *телодвижение, законоучение, законоположение*;

2) прилагательное + существительное: *неправосудие, мягкосердие, благомыслие*;

3) местоимение + существительное: *самоодобрение, всесовершенство, самолюбие*;

4) числительное + существительное: *единообразие* и др.

Сложные слова придают стилю Радищева большую торжественность и выразительность. Например: «Единое их веселье грызть друг друга, отрада их томить слабого до издыхания и *раболепствовать* власти»¹.

Радищев не создавал новых слов, он использовал слова общенародного языка, употребляя их в новом языковом окружении в публицистическом стиле. Следовательно, А. Н. Радищев был тем писателем, который употребляет традиционные формы русского словосложения в новой стилистической функции, наполняя церковнославянизмы и слова высокого риторического стиля новым общественно-политическим содержанием, на что в свое время указал академик В. В. Виноградов в «Очерках по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.».

В. А. Жуковский широко использовал сложные слова, часто им созданные, при переводе «Одиссеи». Ф. И. Буслаев приводит такие примеры из сочинения Жуковского: «*Широкотуманная зыбь*», «*широковершинные деревья*», «*медленноходные быки*», «*широкошумящее море*», «*мягкоширокий ковер*» и др.².

А. С. Пушкин широко использовал достижения своих предшественников и современников. Новаторство А. С. Пушкина заключалось не столько в изобретении новых слов, сколько во включении в систему русского литературного языка элементов, которые ранее отрицались, счита-

¹ Е. А. Василевская, Язык и стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Русский язык в школе», М., 1949, № 4, стр. 11—12.

² Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика, изд. 5, 1861, стр. 185—186.

лись нелитературными. Для Пушкина слово было важно тем зарядом смысловых и эмоциональных потоков, которые в нем заключались, а отнюдь не принадлежностью и прикреплённостью его к тому или иному стилю, к тому или иному жанру.

Г. О. Винокур в своей книге «Маяковский — новатор языка» говорит о двух типах новаторства: о новаторстве стилистическом и собственно языковом. Представителем первого направления был Пушкин, который из всей сокровищницы русского языка (из просторечия, фольклора, церковнокнижной речи, терминологической речи и фактов литературного языка) отбирал и включал в систему литературного языка элементы традиционные, но включал их в систему своего литературного языка, смело ломая иерархию стилей и перегородки жанров. «В сочинениях Пушкина, — по словам Г. О. Винокура, — мы не найдем ни одного нового русского слова, ни одной небывалой русской формы»¹. В эпоху Пушкина нужно было новаторство именно такого рода — новаторство, взрывающее традиционные оковы стилей и жанров.

Данное положение Г. О. Винокура требует уточнения. Утверждение Г. О. Винокура о том, что у Пушкина мы не найдем ни одного нового русского слова, звучит слишком категорично. Конечно, как показывает анализ словосложения, произведенный по «Словарю языка А. С. Пушкина» (М., 1956—1961 гг., т. 1—4), Пушкин употреблял в основном традиционные сложные слова. Но в то же время по моделям, имеющимся в языке, он создавал новые слова. Таким словом является слово *дамоподобный* (1—583), не зарегистрированное словарями пушкинской эпохи и не встречающееся в словарях современного русского литературного словаря. «Но мы в литературе и в общественном быту слишком чопорны, слишком *дамоподобны*» (Ж, 91. 10). Конечно, в системе литературного языка имелось (и употреблялось Пушкиным) слово *женоподобный* (1—784). По образцу этой модели Пушкин создает слово *дамоподобный*. Таким же новым словом, созданным из элементов, имеющихся в языке, и по модели является слово *дьяволпоклонник* (1—746). В системе литературного языка пушкинской эпохи были слова: *идоло-*

поклонник, огнепоклонник. По этим моделям он и создал слово *дьяволпоклонник*.

Таким же неологизмом Пушкина является и слово *врагоугодник* (1—380), отсутствующее в полном церковнославянском языке Г. Дьяченко (М., 1900).

Наиболее типичными неологизмами Пушкина были образования по типу: наречие + прилагательное (по традиционным моделям): *вечно-новый* (1—259); *вечно-праздный* (1—259); *вечно-юный* (1—259). По этой модели Пушкин создает словосложение *бесстыдно-бледный* (1—108).

О сколько лиц *бесстыдно-бледных*,

О сколько лбов широкомедных

Готовы от меня принять неизгладимую печать.

Такого же типа словосложение *быстро-окой* (1—199), модель для которого имела в произведениях предшественников Пушкина.

Своею кистью свободной и широкой

Ее разрисовал художник *быстро-окой*.

Такого же типа словосложение *вольно-вдохновенный* (1—345).

Давно б на Дерптскую дорогу

Я вышел утренней порой...

И возвратился б, оживленный

Картиной беззаботных дней,

Беседой *вольно-вдохновенной*

И звучной лирою моею.

Но таких новообразований в языке Пушкина очень мало. В целом он использует традиционные сложные слова типа: *банкомет, благодарный, вероломство, верхогляд, ветрогон, драгоценность, всечасно* и т. п.

В сочинениях Белинского употребляются сложные существительные с абстрактным значением. Это объясняется тем, что В. Г. Белинский широко привлекал философскую, общественно-политическую и эстетическую терминологию, например: *однообразие, самосознание, мракобесие, низкопоклонничество*.

Продолжателем второй линии развития языка в области словосложения был Салтыков-Щедрин.

А. И. Ефимов в своей книге «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина» отмечает, что «словосложение широко употребляется и в литературном языке и в языке художественной

¹ Г. О. Винокур, Маяковский — новатор языка, изд. «Советский писатель», 1947, стр. 8.

литературы... словосложение писателя — проблема преимущественно лексико-стилистическая, ибо созданные им сложные слова — это продукт индивидуального словоупотребления»¹.

Можно предположить, что сложные слова, созданные Салтыковым-Щедриным в целях сатирических, уже перестали быть фактами только его индивидуального стиля. Они стали наследием литературного языка, мимо которого не может пройти уже ни один последующий писатель, ни один исследователь русского литературного языка. Однако основное стилистическое назначение словосложения — создание семантически емких слов в целях сатирического воспроизведения действительности — могло остаться фактом индивидуального словоупотребления Салтыкова-Щедрина. Созданные Салтыковым-Щедриным новые сложные слова в свою очередь являются моделями для появления новых композитов в системе современного русского литературного языка. Поэтому общее и индивидуальное в языке писателя необходимо строго разграничивать, но не разделять непроходимой чертой.

А. И. Ефимов в докторской диссертации, посвященной анализу языка сатиры Салтыкова-Щедрина, приводит следующие сложные слова и фразеологизмы, созданные последним: *грунтоносная* братия (6—365); *чернильноносное* чиновничье воинство (3—338); *белибердоносцы* (6—144).

В этих композитах наблюдается соединение словосложения с аффиксацией, так как второй компонент, *нос*, осложняется рядом суффиксов.

Для Салтыкова-Щедрина характерно и создание сложных слов, состоящих из трех или четырех компонентов: *тревожно-болтливо-пустопорожнее* время (2—235); *размазисто-стыдливо-пустопорожнее* красноречие (3—130). По словам А. И. Ефимова, «пользуясь типичным для словосложения методом сжимания слов в одну лексическую единицу, Салтыков-Щедрин создавал такие сложные слова, как *мелкоплавание* (6—325); *институтско-опереточное* воспитание (6—252)». Далее А. И. Ефимов показывает, как традиционно употребляемые слова русского языка *пустозвон*, *лизоблод*, являющиеся разговорными, у Салтыкова-Щедрина подвергаются трансформации путем при-

соединения к ним абстрактно-отглагольных суффиксов существительного *-ние*, *-ость*, которые характеризуют понятия качества, суффикса *-ство*, который придает слову вещественно-собирательное значение, слова из просторечия и разговорных стилей переводятся в систему литературного языка. Например: *пустозвонство*, *дармодействие* (14—242).

Изучая средства экспрессивно-сатирического выражения, проф. А. И. Ефимов показывает, как из нескольких компонентов Салтыков-Щедрин создает семантически емкое слово, входящее в систему словосочетания и выполняющее сатирически-экспрессивные функции. Например: «Душная *политико-административно-сплетническая* атмосфера» (6—438).

Итак, Салтыков-Щедрин создает новые слова по моделям, существующим в языке, но из слов, которые до него не стояли в одном стилистическом ряду. Например: *тревожно-болтливо-пустопорожнее* время (2—235); или: *плюхопросящий* минорный тон (3—38). Таким образом, Салтыков-Щедрин обогатил словообразовательную систему русского языка новыми композитами сатирического значения.

Наиболее ярким представителем языкового новаторства среди писателей XX века можно считать В. Маяковского. Г. О. Винокур определяет языковое новаторство следующим образом: «Языковым новаторством следует назвать именно изобретение таких языковых средств, которые не даны непосредственно наличной традицией и вводятся как нечто совершенно новое в общий запас возможного языкового новаторства»¹.

Следует, однако, подчеркнуть, что абсолютного новаторства в словосложении не бывает и быть не может. Словосложение — это творческая комбинация имеющихся в языке компонентов, которая в языке большого писателя всегда обусловлена стилистическими задачами. Проф. Р. А. Будагов совершенно правильно замечает, что «представители чистостилистического или чистоязыкового новаторства встречаются сравнительно редко, гораздо чаще в творчестве одного и того же писателя мы наблюдаем и то и другое»².

¹ Г. О. Винокур, Маяковский — новатор языка, изд. «Советский писатель», 1947, стр. 8.

² Р. А. Будагов, Слово и его значение, ЛГУ, 1947, стр. 40.

¹ А. И. Ефимов, Язык сатиры Салтыкова-Щедрина, изд. МГУ, 1953, стр. 351.

При анализе новаторских тенденций того или иного писателя необходимо изучать его творческую манеру и учитывать общие и индивидуальные тенденции его словотворчества. Нельзя не согласиться с Р. А. Будаговым, который утверждает, что «архаизмы не исчезают, неологизмы не возрастают, однако пропорционально времени. От Пушкина до Горького прошло сто лет. Молодой Горький и Хлебников — современники, и тем не менее язык Горького гораздо ближе к языку Пушкина, нежели к языку Хлебникова. В истории литературного языка приходится встречаться не только с фактом времени, но и с лингвистическими воззрениями, литературными направлениями языковой политики»¹.

Анализируя новаторство словосложения того или иного писателя, каким бы богатым оно ни было (например, у Маяковского), все-таки следует отметить, что общенародных словосложений в его творчестве во много раз больше, чем так называемых индивидуальных. Да и вообще понятие индивидуального словосложения очень условно. «Впрочем в большинстве случаев этого индивидуального автора действительно и не существует. В непрерывном обогащении языка нужно видеть прежде всего коллективные усилия народа, выразителем дум которого являются его лучшие писатели, его лучшие ученые, его лучшие политические деятели»².

Однако, совершенно снимать проблему взаимодействия общего и индивидуального в языке писателя мы не имеем оснований.

Г. О. Винокур отметил следующие сложные слова, имена существительные в сочинениях Маяковского с суффиксом *-ве*: *ревогососье* (V—144); *тупорылье* (II—242); *рыхотелье* (VI—46); *многопудье* (X—204); *визгогососье* (X—182)³.

Затем Г. О. Винокур выделил сложные слова, в которых первая основа относится ко второй, как прилагательное к существительному. Маяковский, по словам Винокура, в этом случае уже или использует имеющиеся в языке основы *электро-, радио-*: *электролектор* (II—191); *электросамобритель* (V—303); *радиосплетни* (II—119),

¹ Р. А. Будагов, Слово и его значение, ЛГУ, 1947, стр. 41.

² Там же, стр. 42.

³ Г. О. Винокур, Маяковский — новатор языка, изд. «Советский писатель», 1947, стр. 71 и далее.

или создает новые основы по этому образцу: *железоруки* (II, 584); *звездомедведя* (10, 155).

По-видимому, Г. О. Винокур в этом случае не совсем прав. Маяковский не создает здесь новых основ. Он берет основы традиционные, имеющиеся в языке. Но если можно так выразиться, он «соединяет несоединимое», т. е. валентность компонентов у Маяковского необычна. Компонент *радио* и компонент *сплетни* существуют в русском языке, а вот сблизить, соединить их в одно слово смог только Маяковский.

Далее Г. О. Винокур отмечает употребление таких сложных слов у Маяковского, у которых обе основы относятся одна к другой, как два существительных: *людогоус* (II, 99), *пролетариатоводец* (VI, 157).

Иногда свои грандиозные образы поэт создает при помощи первоосновы счетного значения: *стозтажье* (II—412), шляпой *стоперой* (I, 232), мордой *многохамой* (I, 232), *стодолым* содомом (I, 233), *тысячерукого* Марата (II, 13), книгой времени *тысячелистой* (II, 31), *миллионноглавый* Третий Интернационал (II, 65), *миллионносылной* воле РКП (II, 290), *стосабельной* конницы бег (VI, 186).

Г. О. Винокур отмечает, что все эти словообразования более интересны с точки зрения семасиологической, чем с морфологической.

Справедливо замечание Г. О. Винокура о том, что тяготение В. В. Маяковского к сложным, «грандиозным» образам восходит к книжно-риторической традиции XVIII века — классицизма¹. Но указания на книжно-риторические традиции в данном случае недостаточно. Новаторство Маяковского и здесь заключается в том, что он часто «соединяет несоединимое».

Значительно больший интерес представляют наблюдения Г. О. Винокура над структурой сложных слов имен прилагательных, в которых первая основа имеет значение определения, но дана не в форме прилагательного, а в форме существительного, например: *крикогубый* (I, 191), т. е. «кричащий губами»; *быкомордая* орава (I, 23), т. е.

¹ В. Н. Троицкий в своей диссертации, посвященной сложным словам в поэтическом языке второй половины XVIII в., показывает, что основы счетного значения были сравнительно мало распространены в поэтических стилях в это время. Поэтому нет оснований считать употребление подобных слов у Маяковского традиционным приемом. — Е. В.

«с бычьей мордой», или моря *революции* (VII, 38), т. е. «с ревушим лицом».

Г. О. Винокур правильно замечает, что «этот новый свежий нюанс в значении сложных основ, состоящий в замене качественного определения предметным, представляет большой интерес для интерпретации языка Маяковского, как и вообще для русской грамматической теории»¹.

Наблюдения Г. О. Винокура над индивидуальными особенностями языка Маяковского очень тонки. Они внесли новое в историю русской стилистики, но в то же время эти наблюдения несколько односторонни, так как общее и индивидуальное в них не представляют единого диалектического процесса. С этой точки зрения может быть следовало изучать использование в языке Маяковского общеупотребительных сложных прилагательных, таких, как *пятивершковое бревно* (II—368), *дом пятиэтажный* (II, 368), *стоletний* (II, 288), и уже на фоне этих общеупотребительных слов изучать окказиальное значение у такого большого мастера стиля, каким является Маяковский.

В окказиальной сфере огромную роль играет метафоризация. Здесь следует отметить, что неологизмы Маяковского нельзя изучать вне широкого контекста, ибо, по утверждению Р. А. Будагова, «контекст действительно следует понимать широко. Так называемая социальная окраска слова есть также своеобразная разновидность контекста, определяемая, однако, более глубокими общественными условиями»². Поясним это на примере из произведений В. В. Маяковского, в стиле которого слово *словопад* становится понятным при анализе двусловного именного словосочетания, например: *словопад — словопадов струи*³.

Композит *стоградусовый*, в котором прилагательное употребляется метафорически, требует уже значительно большего контекста, например: *разрух стоградусовый жар*⁴.

¹ Г. О. Винокур, Маяковский — новатор языка, изд. «Советский писатель», 1943, стр. 74.

² Р. А. Будагов, Слово и его значение, Л., 1947, стр. 12.

³ В. Маяковский, Стихотворения, «Библиотека поэта». Малая серия, изд. 3, Л., 1955, т. 2, стр. 304.

⁴ Там же, стр. 305.

Композит *сторогий* требует еще большего контекста:

от труб и Русь
становится *сторогой*¹.

так как закон валентности или сочетаемости элементов здесь нарушается приемом метафоризации.

Если проанализировать композиты-неологизмы Маяковского и сравнить их с традиционными сложными словами, которые он употребляет в своих произведениях, то можно убедиться, что процент неологизмов будет невелик, и как ни удачны были эти новообразования, какие яркие образы не создавались при помощи их, они остались в сфере индивидуального употребления этого большого поэта как средство художественной изобразительности.

Маяковский принадлежал к писателям-новаторам, у которых словосложение было очень своеобразным.

М. А. Шолохов, например, не создает большого количества новых сложных слов. Он продолжает традиции Пушкина, и его новаторство заключается не в создании новых композитов, а в стилистическом использовании традиционных средств языка в целях художественного изображения.

Как свидетельствуют факты, извлеченные из словника, составленного И. Е. Гальченко к первой книге романа М. А. Шолохова «Поднятая целина», например, с компонентом *белый* у Шолохова встречаются следующие композиты: *белобровая* (199, 19), *белоглазый* (281, 24), *белоголовый* (251, 37), *белозубый* (201, 13), *белокурый* (44, 1), *белоногий* (193, 2), *белоноздрый* (77, 19), *белошерстяная* (308, 26), *белогвардеец* (199, 19), *белополяки* (199, 18)².

В первом прилагательном, образованном путем соединения с существительными, имеется или обозначение цвета, например: *белобровый*, *белозубый*, *белоногий*, или значение социальной принадлежности: *белогвардеец*, *бело-*

¹ В. Маяковский, Стихотворения, «Библиотека поэта». Малая серия, изд. 3, Л., 1955, т. 2.

² И. Е. Гальченко, Состав и стилистическая функция диалектной лексики в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина», Орджоникидзе, 1961 (Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук).

поляки. Закон валентности здесь не нарушается приемом метафоризации.

Но как ни велика роль неологизмов в языке художественной литературы (в поэзии и прозе), значительно шире употребляются неологизмы-композицы в разговорных стилях языка, причем очень часто эти слова имеют экспрессивно-эмоциональный оттенок; например: *пустозвон*, *ветрогон*, *ротозей*, *краснобай*, *скалозуб* и с обратным порядком слов *зубоскал*, *буквоед*, *однокорытник*, *чинодрал*, *тугодум*, *небокопитель*, *головотяп*, *толстосум*, *горлопан*, *пустоцвет*, *душещипательный*, *треклятый*, *злыхательный*, *двурушый*, *желторотый*, *головотяпство*, *тунедство*, *самодурство*, *пенкоснимательство*, *чистоплюйство*, *твердолобый*, *толсторожий*, *голоштаный*, *зубоскалить*, *вертопрашничать*, *двурушничать*, *дармоедничать*, *пешедралом* и другие показывают широкое распространение именного словосложения в сфере эмоционально-стилистической.

Разговорная речь находит свое отражение и в газетных стилях. Так, в «Литературной газете» от 13 декабря 1960 г. был помещен портрет капитана Владлена Хилетинского с следующей подписью: «А вот и капитан Владлен Хилетинский. „По происхождению я — самый *сухопутнейший*» (курсив мой. — Е. В.) человек, из-под Житомира, — смеясь рассказывает он о себе, — а «погиб» я для полей и весей в 41-м, когда меня на флот призвали»».

Сложное слово в данном случае само по себе не является неологизмом, но его оживляет употребление формы сравнительной степени *сухопутный* — *сухопутнейший*.

В газетных стилях, особенно при воспроизведении диалогической речи, возможны и неологизмы окказиального характера. Например, в «Литературной газете» от 14 сентября 1961 г. в очерке Наума Тихого «Каждый, непременно каждый» появляется слово *машинопоклонник*:

«Молодые люди возвращались из командировки и делились свежими впечатлениями. И, видно, самым сильным из них было то, что их *однокашник* стал большим начальником... и ездит в персональной машине.

— Машина что надо! — говорил один.

— Ясное дело! — соглашался второй и подбрасывал свежее испеченный афоризм: — Хочешь знать калибр начальника, посмотри, на какой машине он ездит...

Когда на какой-то из остановок оба *машинопоклонника* вышли, мой нахмуренный сосед резко повернулся ко мне:

— Слышали? Чем не новый вариант чеховского «Толстого и тонкого?»...» (Курсив мой. — Е. В.)

В данном отрывке встречается несколько сложных слов: *однокашник* (слово возникло в семинарской среде: *одну кашу едящий*); *свежее испеченный*, которое употребляется не в нейтральном, стилистическом плане (в обычном бытовом употреблении в выражениях *свежее испеченный хлеб*, *свежее испеченный пирог* этот композит употребляется очень часто); абсолютно новым здесь является неологизм *машинопоклонники*, созданный по модели, имеющейся в языке, например *огнепоклонники*. С нашей точки зрения этот неологизм не очень удачен, так как он несет в себе очень узкую сферу значений.

Нередко неологизмы в литературных произведениях возникают, если можно так выразиться, на стыке стили авторского повествования и языка персонажей. Так, например, в произведении В. Ажаева «Далеко от Москвы» (книга 3, глава 5) читаем: «Вода, выбивавшаяся из-под слоя вечной мерзлоты, затопила бараки, тут же превращаясь в лед ...мгновенно замерзая, вода образовала причудливые водопады (кто-то тут же окрестил их *ледопадами*)».

Здесь перед нами параллельное употребление слова-модели *водопад* и неологизма *ледопад*. У Маяковского употреблен неологизм *словопад*. В языке художественной литературы встречается и слово *яблокопад*. Эти образования можно признать более удачными. Они отражают специфику русского языка, и модели их широко встречаются в языке народной поэзии.

Особенно часто используются сложные слова, как отмечалось уже, в сфере терминологической лексики. Это в первую очередь относится к области науки и техники: радио, телевидения, космонавтики и др. Новые открытия отражаются в научно-технической терминологии, проникают в бытовую речь, которая в свою очередь является мощным резервуаром пополнения научно-технической терминологии, а затем уже они проникают и в язык художественной литературы. Все эти процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, сейчас бурно растет словосложение, связанное с основой *теле-*. Ср. слова: *телевидение*,

телезритель, телевизор, телепередача и т. д. Широко употребляются слова-гибриды, в которых первая часть иноязычная, а вторая — славянская или русская. Например: *радиовещание, телевидение, телезритель, телепередача*. Совсем недавно возникли новые слова *видеомагнитофон, видиотелефон*. Например, в «Вечерней Москве» от 14 октября 1961 г. в заметке «Новое в телевидении» отмечается, что «это слово до недавнего времени было известно только узкому кругу специалистов. А теперь необычный аппарат, созданный Всесоюзным научно-исследовательским институтом звукозаписи, уже установлен в Московском телевизионном театре. Уникальный аппарат записывает на магнитную ленту не только звук, но и изображение».

В разные эпохи исторического развития языка словосложение культивировалось в различных стилях. Так, в языке XV—XVII столетий оно получило (как следствие второго южнославянского влияния и других факторов) особенно сильное развитие в изощренных стилях «плетения словес», с одной стороны, и в бытовом просторечии традиционно употреблялось — с другой, в бытовой речи оно было широкоупотребительно в сфере экспрессивно-окрашенной лексики и в сфере терминологической речи, например: названия ремесел, продуктов производства, помещений, где производится та или иная работа (см. выше, стр. 33).

В XVIII столетии словосложение получило распространение в высоких стилях и жанрах: в одах, трагедиях и торжественных речах. Во второй половине XIX века композиты употребляются в сфере языка художественной литературы, науки и публицистики. В XX столетии сфера терминологической лексики является наиболее значительной базой роста композитов в системе русского языка, хотя и все остальные сферы языкового употребления широко используют словосложение.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абакумов С. И., О сложных словах в русском языке, «Русский язык в школе», 1946, № 3—4, стр. 18—19.

Аванесов Р. И. и Сидоров В. Н., Очерк грамматики современного русского литературного языка, ч. 1, М., 1945.

Анастасиев А. И., Морфологический анализ слов, «Филологические записки», 1884, вып. 1, стр. 85—96; 1885, вып. IV—V, стр. 16—34; 1887, вып. III—IV, стр. 41—66.

Андрейчин Л. Ф., Грамматика болгарского языка. Пер. с болгарского и словарь В. В. Бородич, М., 1949.

Античные теории языка и стиля, М.—Л., 1936.

Арнольд И. В., Лексикология современного английского языка, М., 1959.

Аракин В. Д., О превращении лексических единиц в аффиксальные морфемы, «Филологические науки», 1959, № 4, стр. 107—108.

Ахманова О. С., «Эквиваленты слов» и их классификация в современном английском языке. Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, 1948, вып. 6.

Белецкий А. А., Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка), Киев, 1950.

Бенвенист Э., Индоевропейское именное словообразование, М., 1955.

Benfey Theodor, Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange des 19 Jahrhunderts mit einem Rückblick auf die früheren Zeiten, München, 1869.

Бернштейн С. Б., О некоторых вопросах сравнительно-исторического метода в языкознании, «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», М., 1952, № 7.

Бернштейн С. Б., Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков», «Вопросы славянского языкознания», М., 1954, вып. 1.

Бернштейн С. Б., Очерк сравнительной грамматики славянских языков, АН СССР, М., 1961.

Богородицкий В. А., Казанская лингвистическая школа, Труды МИФЛИ, т. V, Сб. статей по языкознанию, М., 1939, стр. 265—294.

Богородицкий В. А., Лингвистические заметки, вып. 1. О морфологической абсорбции, РФВ. 1881, № 4.

Богородицкий В. А., Очерки по языковедению и русскому языку, изд. 4, М., 1939.

Богородицкий В. А., Курс сравнительной грамматики арно-европейских языков, Казань, 1916.

Богородицкий В. А., Курс сравнительной грамматики индоевропейских языков, Казань, 1890.

Богородицкий В. А., Общий курс русской грамматики, М.—Л., 1935.

Бодуэн-де-Куртенэ И. А., О древнепольском языке до XIV столетия, Лейпциг, 1870.

Бодуэн-де-Куртенэ И. А., Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний, Варшава, 1902.

Борковский В. И., Синтаксис древнерусских грамот, Львов, 1949.

Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, B. II, Strassburg, 1916.

Будагов Р. А., Очерки по языкознанию, М., 1953.

Будагов Р. А., Слово и его значение, изд. ЛГУ, Л., 1947.

Будилович А. С., Анализ составных частей славянского слова с морфологической точки зрения, Киев, 1877.

Будилович А. С., Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным, «Известия Ист.-фил. института Безбородко», Киев, 1878.

Булаховский Л. А., Диэтимологизация в русском языке, «Труды Института русского языка АН СССР», 1949, т. 1, стр. 147—201.

Булаховский Л. А., Из жизни омонимов. Сб. «Русская речь», III, 1928.

Булаховский Л. А., Курс русского литературного языка, т. I—II, Киев, 1952—1953.

Булаховский Л. А., Некоторые вопросы развития украинского языкознания, «Большевик Украины», 1951, № 6.

Булаховский Л. А., Славянские наименования птиц типа сложений (Composita), Наукові записки КДУ, т. VII, вып. III, «Філологічний збірник», № 2, 1948.

Буслаев Ф. И., Историческая грамматика русского языка, М., 1959.

Weil H. De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes. Question de grammaire générale, 1844 (переиздано), Paris, 1879.

Вандриес Ж., Язык, Лингвистическое введение в историю. Пер. с французского П. С. Кузнецова, М., 1937.

Василевская Е. А., Из истории русского словообразования, «Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина», т. LXXXIX. Кафедра русского языка, вып. 6, М., 1956.

Василевская Е. А., К проблеме сложного слова, «Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. «Русский язык». Статьи и исследования», М., 1960, № 148, вып. 10.

Виноградов В. В., Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX столетий, М., 1938.

Виноградов В. В., Из истории русской литературной лексики, «Доклады и сообщения института русского языка АН СССР», вып. 2, 1948.

Виноградов В. В., Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка, «Известия АН СССР. Отд. литературы и языка», т. X, вып. 3, М.—Л., 1951.

Виноградов В. В., Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков, «Вестник Московского университета», М., 1949, № 7.

Виноградов В. В., Русский язык, М.—Л., 1947.

Виноградов В. В., Из истории изучения русского синтаксиса, М., 1958.

Винокур Г. О., Заметки по русскому словообразованию, «Известия АН СССР. Отд. литературы и языка», т. V, вып. 4, М., 1946.

Винокур Г. О., О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. Труды МИФЛИ, т. V. Сб. статей по языкознанию, М., 1939.

Винокур Г. О., Маяковский — новатор языка, М., 1943. Vondrak W., Vergleichende slavische Grammatik., I, Göttingen, 1924.

Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М., Современный русский язык. Лексикология, фонетика, морфология, М., 1958.

Гальченко И. Е., Состав и стилистические функции диалектной лексики в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» (Автореферат кандидатской диссертации), Орджоникидзе, 1961.

Гепнер Ю. Р., Некоторые проблемы словообразования в современном русском литературном языке, «Русский язык в школе», 1956, № 4.

Горбунов П. Я., Проблемы именного словообразования в русской лингвистической литературе (Автореферат кандидатской диссертации), М., 1953.

Грамматика русского языка, т. 1, изд. АН СССР, М., 1952.

Григорьев В. П., Некоторые вопросы словосложения (Автореферат кандидатской диссертации), М., 1955.

Григорьев В. П., О границах между словосложением и аффиксацией, «Вопросы языкознания», М., 1956, № 4.

Григорьев В. П., Заметки о сложных словах, «Вопросы языкознания», 1958, № 5, стр. 102—104.

Григорьев В. П., К вопросу о «грамматических отношениях между компонентами сложного существительного», «Русский язык в школе», 1958, № 5, стр. 23—29.

Григорьев В. П., Некоторые вопросы теории словосложения. «Ученые записки Московского городского педагогического института», 1959, т. 73, вып. 6. Грамматика современного русского языка, стр. 412—413.

Григорьев В. П., О взаимодействии словосложения и аффиксации, «Вопросы языкознания», 1961, № 5, стр. 71—77.

Грушка А., Этюды по латинскому именному словообразованию, М., 1906.

Гумецкая Л. Л., Очерк словообразовательной системы украинского актового языка XIV—XV столетий (Автореферат докторской диссертации), Киев—Львов, 1956.

Dickenmann E. Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen, Leipzig, 1934.

Дементьев А. А., Агентивные суффиксы *-чик, -чик* в русском языке. «Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института». Факультет языка и литературы, вып. 2, 1938.

Доза А., История французского языка, М., 1956.

Донован З. П., Сложные прилагательные в современном русском языке (Автореферат кандидатской диссертации), М., 1950.

Дювернуа А., Об историческом наложении в славянском словообразовании, М., 1867.

Jesperesen O., Die Sprache ihre Entstehung und Entwicklung, Heidelberg, 1925.

Зиндер Л. Р. и Сокольская Т. В., Научная грамматика немецкого языка, Л., 1938.

Карский Е. Ф., Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 1—3, изд. АН СССР, М., 1955—1956.

Kagsewskij S., Sur la structure du substantif russe, Praga, 1932.

Касаткин А. А., Сложные имена существительные в итальянском языке (Автореферат кандидатской диссертации), Л., 1951.

Ковалик І. І., Питання слов'янського іменникового словотвору, Львов, 1958.

Ковалик І. І., Питання іменникового словотвору в східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими мовами, ч. 1, Львів, 1958 (Львівський держ. ун-т ім. Ів. Франка. До IV Міжнародний З'їзд славістів. Повідомлення).

Ковалик І. І., При деякі питання слов'янського словотвору, Київ, Акад. наук УРСР, 1958 (IV Міжнародний З'їзд славістів, Український комітет славістів. Повідомлення).

Кожин А. Н., Морфологические модели новых слов и формы смыслового преобразования слов в русском литературном языке эпохи Великой Отечественной войны (Автореферат кандидатской диссертации), М., 1951.

Кожин А. Н., Некоторые вопросы морфологического словообразования в современном русском языке (на материале лексики эпохи Великой Отечественной войны), «Русский язык в школе», 1953, № 2.

Козминская Т. Б., Сложные слова в современном чешском языке (Автореферат кандидатской диссертации), Киев, 1955.

Крушевский Н. В., Очерк науки о языке, Казань, 1883.

Кузнецов П. С., Вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков, «Вопросы языкознания», 1952, № 5.

Кузнецов П. С., Значение грамматики для сравнительно-исторического языкознания. Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.

Кузнецов П. С., Историческая грамматика русского языка, М., 1953.

Ларин Б. А., Словообразование, «Литературная учеба», 1934, № 3.

Левина Р. И., Сложные прилагательные в современном русском литературном языке (Автореферат кандидатской диссертации), Л., 1951.

Левковская К. А., Словообразование, изд. МГУ, М., 1954.

Ломтев Т. П., Белорусский язык, изд. МГУ, М., 1951.

Ломоносов М. В., Полное собрание сочинений, т. 7, АН СССР, 1952.

Лось И., Сложные слова в польском языке, Спб., 1901.
Макеева Г. М., Приставочно-суффиксальное образование прилагательных (на материале памятников XVII в.) (Автореферат кандидатской диссертации), М., 1954.

Мейе А., Общеславянский язык. Пер. проф. П. С. Кузнецова, М., 1951.

Мейе А., Сравнительный метод в историческом языкознании. Пер. с французского А. В. Дилигенской, М., 1954.

Мельникова А. И., Старые и новые модели имен-существительных без соединительных гласных в современном русском языке, «Ученые записки МГПИ», т. 158, 1960.

Неволин К. А., Полное собрание сочинений, т. 6, Спб., 1859.

Немировский М. Я., Сложные слова в русском языке, «Русский язык в школе», 1946, № 3—4.—Народные истоки словосложения в славянских языках, «Вопросы славянского языкознания», ЛГУ, кн. IV, Львов, 1955.

Обнорский С. П., Именное склонение в современном русском языке, вып. 1—II, М., 1927—1931.

Обнорский С. П., К истории словообразования в русском литературном языке. Сб. «Русская речь», вып. II, Л., 1927.

Обнорский С. П., Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, изд. АН СССР, М.—Л., 1946.

Павский Г. П., Филологические наблюдения, Спб., 1842.

Пастушенко Г. А., Система словообразования имен существительных в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку (Автореферат кандидатской диссертации), 1953.

Paul H., Prinzipien der Sprachgeschichte, Halle, 1937.

Петерсон М. Н., Введение в языковедение, М., 1929.

Петерсон М. Н., Система языка, «Известия АН СССР. Отд. литературы и языка», 1946, т. V, вып. 2.

Пешковский А. М., Сборник статей, «Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика», Л., 1925.

Пешковский А. М., О грамматическом разборе, «Русский язык и литература в средней школе», 1934, № 3.

Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, М., 1956.

Пизани В., Этимология. История — проблемы — метод. Пер. с итальянского Д. Э. Розенталя, М., 1956.

Попов Р. Н., Грамматические архаизмы в устойчивых фразеологических единицах русского языка (Автореферат кандидатской диссертации), М., 1956.

Покровский М. Н., Несколько вопросов из области семасиологии, «Филологическое обозрение», М., 1897, т. XII, кн. 1.

Поржезинский В. К., Краткое пособие к лекциям по исторической грамматике русского языка, М., 1911.

Потемня А. А., Значения множественного числа в русском языке, «Филологические записки», 1887, вып. II, V, VI, стр. 1—22; вып. V, 1888.

Потемня А. А., Из записок по русской грамматике, вып. I—II, М., 1958.

Прокопович Н. Н., Адъективное словосочетание в со-

временном русском языке. (Докторская диссертация. Машинопись), М., 1955.

Романовская В. Д., Словообразование прилагательных в древнерусском языке (на материале Радзивилловской летописи) (Автореферат кандидатской диссертации), М., 1953.

Селищев А. И., Из старой и новой топонимики. Труды МИФЛИ, т. V, Сб. статей по языкознанию, М., 1939.

Селищев А. И., Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ, «Ученые записки МГУ», вып. 128. Труды кафедры русского языка, кн. 1, М., 1948.

Селищев А. И., Старославянский язык, ч. II, М., 1952.

Сепир Э., Язык, Соцэкгиз, М.—Л., 1934.

Skwarczyn'ska Stefania, Wstęp do nauki o literaturze, т. II, 1954.

Смирницкий А. И., Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ, «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. V, М., 1948.

Смирницкий А. И., Лексическое и грамматическое в слове. Сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955.

Соболевский А. И., Из области словообразования, РФВ, т. XVI, № 3—4, Варшава, 1911.

Современный русский язык. Морфология. Курс лекций, под ред. В. В. Виноградова, М., 1952.

Соломоновский И., Заметки о преподавании словообразования, РФВ, 1879, т. 1, № 2.

Сорокин Ю. С., Об общих закономерностях развития словарного состава литературного русского языка XIX в., «Вопросы языкознания», 1961, № 1.

Де-Сосюр Ф., Курс общей лингвистики, М., 1933.

Срезневский И. И., Замечание об образовании слов из выражений, «Записки АН», т. XIII, СПб., 1873.

Срезневский И. И., Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III и дополнение, СПб., 1893—1911.

Сухотин В. П., Синтаксическая синонимика в современном русском языке, М., 1960.

Собанская Т. В., Типы сложных прилагательных в языке русской письменности XI—XVIII вв. (Автореферат канд. диссертации), 1954.

Sadnik L. und Aitzetmüller, Handwörterbuch zu den Altkirchenslavischen Texten, Heidelberg, 1955.

Томсен А. И., Общее языкознание, Одесса, 1906.

Троицкий В. Н., Типы сложных слов в высоком стиле второй половины XVIII в. (Автореферат кандидатской диссертации), М., 1946.

Unbegaun, La langue russe au XVI siècle, 1500—1550, Paris, 1935.

Фалев Н. А., Материалы по словообразованию и этимологии, «Русский язык в школе», 1940, № 2.

Филин Ф. П., Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, Л., 1949.

Филин Ф. П., О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке, «Язык и мышление», т. XI, М.—Л., 1948.

Фортунатов Ф. Ф., О преподавании грамматики русского языка в средней школе, «Труды I съезда преподавателей русского языка военно-учебных заведений», СПб., 1904.

Фортунатов Ф. Ф., Сравнительное языковедение, М., 1901.

Черных П. Я., Язык «Уложения» 1649 г., М., 1953.

Черных П. Я., Историческая грамматика русского языка, 1956.

Черных П. Я., Очерк русской исторической лексикологии, М., 1956.

Чернышевский Н. Г., О словопроизводстве в русском языке, Полное собрание сочинений, т. II, М., 1949.

Шанский Н. М., Основы словообразовательного анализа, М., 1953.

Шанский Н. М., Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, М., 1959.

Шапиро А. Б., Русское правописание, М., 1961.

Шахматов А. А., Очерк современного русского литературного языка, изд. 4, М., 1941.

Шахматов А. А., Синтаксис русского языка, Л., 1941.

Шеляховская Л. Я. и Бердтгаев Т. А., О продуктивных и непродуктивных существительных в современном русском языке, «Ученые записки Алма-Атинского педагогического института», 1957, т. II, вып. 5.

Щерба Л. В., Восточнолужицкое наречие, т. 1, «Записки историко-филолог. фак-та императорского Петроградского университета», ч. CXXVIII, Пр., 1915.

Щерба Л. В., О частях речи в русском языке, Сб. «Русская речь», вып. 2, Л., 1928.

Jaǵić V. Die slavischen Composita in ihrem Sprachgeschichtlichen Auftreten. «Archiv für slavische Philologie», Band XX—XXI, Berlin, 1898—1899.

Яцимирский Б. М., Развитие способов словосложения в русском языке советской эпохи, «Ученые записки Ивановского государственного педагогического института», т. VI, 1954.

СЛОВАРИ

Андреев А. И. (под редакцией), Терминологический словарь частных актов Московского государства, П., 1922.

Беринда П., Лексикон Памвы Беринди, Київ, 1961.

Востоков А. Х., Словарь церковнославянского и русского языка, СПб., 1847.

Востоков А. Х., Опыт областного великорусского словаря, СПб., 1852.

Востоков А. Х., Дополнение к опыту областного великорусского словаря, СПб., 1858.

Даль В. И., Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1955.

Дювернуа А., Материалы для словаря древнерусского языка, составленного А. Дювернуа, М., 1894.

(Поликарпов Федор). Лексикон треязычный сирьчь речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровища. 1705.

Преображенский А., Этимологический словарь русского языка, М., 1910—1914.

Словарь Академии Российской по алфавиту расположенный, 1806—1822.

Словарь церковнославянского и русского языка, т. I, II, Спб., 1847.

Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук, 1899, 1906—1907.

Словарь современного русского литературного языка, М.—Л., т. I—XII, 1948—1961.

Словарь языка Пушкина в 4-х томах, АН СССР, 1956—1961.

Тупиков Н. М., Словарь древнерусских личных имен собственных, Спб., 1903.

Ушаков Д. Н. (под редакцией), Толковый словарь русского языка, т. I—IV, М., 1935—1940.

Шимкевич Федор, Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками, Спб., 1842.

Bernecker E., Slavisches etymologisches Wörterbuch, B. I, A—M., Heidelberg, 1908, то же 1913.

Bielfeldt H. H., Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart, Berlin, 1958.

Brückner A., Słownik etymologiczny języka polskiego, Krakow, 1926.

Holub J. Kopečný B., Etimologický Slovník jazyka českeho, Praha, 1952.

Miklosich, Lexicon paleoslovenico — graeco-latinum; 1862—1863.

Sadnik L. und Aitzemüller, Handwörterbuch in den altkirchenslavischen Texten, Heidelberg, 1955.

Vasmer M., Russisches etymologisches Wörterbuch, I—II, Heidelberg, 1955.